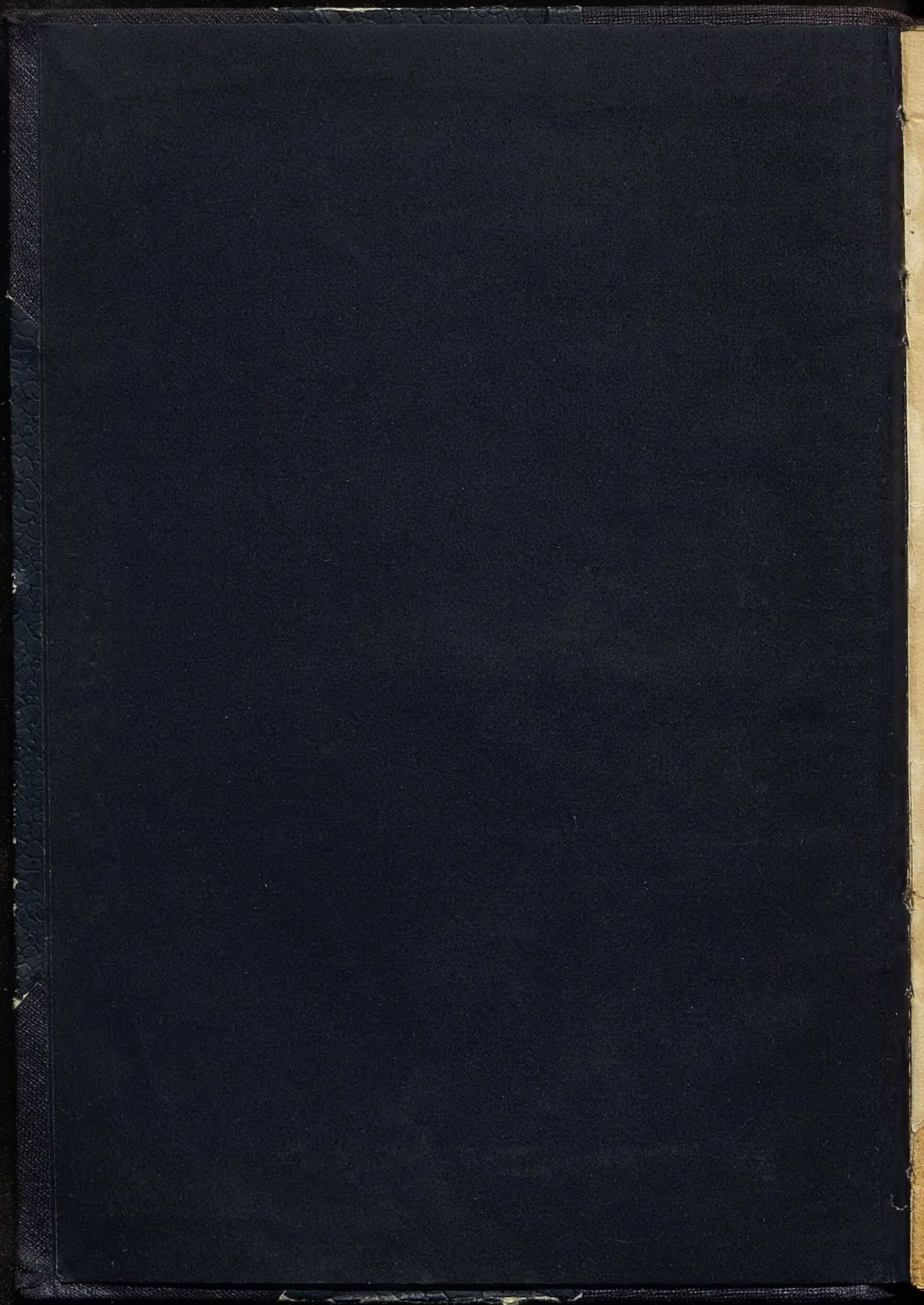
Ильин-Женевский

ОТ ФЕВРАЛЯ к Захвату ВЛАСТИ



ЛЕНИНГРАДСКИЙ ИСТПАРТ

А. Ф. ИЛЬИН-ЖЕНЕВСКИЙ

ОТ ФЕВРАЛЯ К ЗАХВАТУ ВЛАСТИ

·ПРИБОЙ·

ОТДЕЛ ЛЕНИНГРАДСКОГО ГУБЕРНСКОГО КОМИТЕТА ВКП (б)
ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ и ВКП (б)
ЛЕНИНГРАДСКИЙ ИСТПАРТ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

А. Ф. ИЛЬИН-ЖЕНЕВСКИЙ

ОТ ФЕВРАЛЯ К ЗАХВАТУ ВЛАСТИ

ВОСПОМИНАНИЯ
О 1917 ГОДЕ

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРИБОЙ»
ЛЕНИНГРАД

Ленинградский Гублит № 42641 Тираж 5.000—12 л. Заказ № 1032
Государ. типогр. имени Евгении Соколовой, Ленинград, пр. Красных Командиров, 29.

ОТ АВТОРА.

1917-ый год — величайший год за всю мировую историю. В этом году в технически отсталой, темной и разоренной России началось то, о чем до сих пор только мечтали лучшие умы человечества. Рабочий класс завоевал государственную власть и приступил к построению социалистического строя.

Пройдут столетия, а мысль миллионов людей будет непрестанно возвращаться к этому великому году. И всякая мелочь, всякая подробность, относящаяся к нему, будут со вниманием и любовью изучаться нашими потомками.

Наше поколение оказалось самым счастливым из всех бывших и грядущих поколений. Сколько людей жило до нас и сколько людей будет жить после нас! Но только нам удалось пережить, перечувствовать и перестрадать этот великий переломный год, год, с которого начинается новая эра человечества. Это сознание и радость пережитого влекут за собой серьезную обязанность. Мы, жившие в 1917 году и в особенности принимавшие активное участие в событиях, должны оставить грядущим поколениям материал об этом великом годе. Мы должны добросовестно и подробно описать события, которые мы наблюдали и активными участниками которых мы являлись. Никакая мелочь в этом отношении не является пустой. Все, в чем живет дыхание 1917 года, будет одинаково интересно и нужно нашим потомкам.

Конечно, каждый из нас в отдельности окажется слишком слаб для выполнения этой задачи. Но общими усилиями, коллективным трудом, взаимно исправляя и дополняя друг друга, мы постепенно, часть за частью,

по кусочкам, дадим картину великих революционных дней. Это высокая и благодарная задача.

Я считал своим долгом беспристрастно изложить то, чему я был свидетелем и участником. Теперь труд закончен, и я передаю его на суд читателю. Если он внесет хоть небольшую крупицу в общую сокровищницу истории 1917 года, я буду считать мою задачу выполненной.

А. Ильин-Женевский.

I. Перед Февральской революцией.

Рабочие волнения 1914 г. — Объявление войны. — Патриотический угар. — Рост оппозиционных настроений в армии. — В лазаретах. — Большевистское издательство «Волна». — Провокаторы.

Не нужно было быть большим пророком, чтобы накануне февраля 1917 года предсказать близость и неизбежность революции. Фактически революция началась уже в июле 1914 года. Только неожиданные международные осложнения и последовавшее вскоре за тем объявление войны отложили на 3 года падение романовской монархии.

Помню тревожное и жуткое время июля 1914 года. Я тогда только-что приехал в Петроград на побывку домой из Женевы, куда вынужден был уехать после ареста и исключения из гимназии в 1912 г. Теперь я был уже полноправным студентом Женевского университета. Из встреч и разговоров с партийными товарищами я узнавал, что время беспросветной реакции 1907—08 гг. ушло безвозвратно и мы стоим накануне новой революционной волны. В этом мне вскоре пришлось убедиться. Помню, выполняя какое-то мелкое партийное поручение, данное мне моими женевскими друзьями, и идя по Выборгской стороне, я увидел через одну из перпендикулярных улиц огромную толпу, которая с красными флагами и пением революционных песен двигалась по Сампсониевской набережной. Эта неожиданная картина, так живо напомнившая мне первомайскую демонстрацию 1912 г., в которой мне пришлось принять участие, наполнила сердце радостью и ожиданием чего-то, что неминуемо должно случиться в самое ближайшее время. И действительно, через день после этого в Петрограде остановилось все трамвайное движение. Толпы рабочих на-

падали на трамвай и, предложив публике выйти из него, подкладывали под вагон особого рода рычаг и быстро валили его на бок. Конечно, это происходило почти исключительно в рабочих районах. Но вагоновожатые и кондуктора, ссылаясь на это обстоятельство, отказывались продолжать движение по всему городу и спешили по-добру по-здорову обратно в парки. Местами вокруг таких поваленных вагонов начали уже строиться баррикады. Движение наростало. По углам, как и позднее в Февральскую революцию, стали собираться кучки людей, усердно обсуждая происходящие события и ожесточенно ругая монархию и власть. Такие импровизированные митинги могли происходить совершенно безнаказанно. Полиция присмирела и не отваживалась применять решительные меры.

Между тем тучи на западно-европейском горизонте всё сгущались, и неожиданно и так некстати грянула война. Мгновенно все переменилось.

Помню, как, вскоре после перечисленных выше событий, на Литейном проспекте я увидел огромную толпу, двигавшуюся с пением по направлению от Невского проспекта. Появление демонстрации в таком необычном месте ошеломило меня. У меня перехватило дыхание. «Неужели революция?!» — мелькнула радостная мысль. Но,— увы! — жестокое разочарование постигло меня. «. . . Царствуй на страх врагам», — донеслось до меня. Тут я понял, что толпа поет не что иное, как царский гимн. Приглядевшись поближе, я увидел и национальные флаги и царский портрет, который несли впереди всей процессии.

Трудно передать горечь и обиду, которую я испытывал при виде этого зрелища.

Начавшаяся-было революция прекратилась так же быстро, как и началась. Впоследствии часть буржуазной прессы имела наглость утверждать, что рабочие беспорядки были организованы на немецкие деньги с целью помешать мобилизации русской армии. Эта безобразная и гнусная ложь была даже увековечена в специальной кинематографической инсценировке «Золотой Русской Серии», которая позднее обошла целый ряд петроградских кинематографов.

Началась мобилизация. В декабре месяце мне тоже пришлось испытать общую участь и быть мобилизованным в войска. Как студент, я вскоре оказался принятым в школу прапорщиков. Получив производство, я был назначен в пехотную часть на фронт. Впрочем, повоевать мне пришлось недолго. 30 мая 1915 года я был отравлен удушливыми газами. Едва оправившись и вернувшись в полк, 9-го июля я был тяжело контужен. От контузии я лишился способности двигать руками и ногами, а также потерял слух и память. Пришлось проваляться в разных лазаретах и госпиталях весь остаток 1915 и половину 1916 года. И здесь я столкнулся с новым явлением — быстрым революционизированием армии.

Нужно сказать, что госпитали были в этом отношении чрезвычайно удобным местом. Оказавшись, после всех кровавых ужасов войны, в тихой и мирной обстановке, люди невольно начинали задумываться над вопросом, во имя чего же были принесены жертвы и кровь. Контраст между фронтом и тыловой жизнью был действительно потрясающ. На фронте как-то забывалось, что где-то там в тылу есть тихая и спокойная жизнь. Здесь она буквально била в глаза, вызывая в раненых зависть и злобу. Обычно разговоры между ранеными начинались с этого вопиющего противоречия между фронтом и тылом. «Мы там мучаемся в сырых и грязных землянках, слушаем свист пуль и пение снарядов, а тут здоровые оболтусы распивают чай, занимаются любовью, ходят по именинам и в ус себе не дуют». С этих конкретных фактов несправедливости разговоры переходили обыкновенно на более общие темы. Начиналась жестокая и заслуженная критика правительства.

Я, как офицер, лежал в специальных офицерских отделениях лазаретов, но и здесь оппозиционные настроения господствовали во-всю. Часто поднимался вопрос, как быть в том случае, если где-нибудь возникнут рабочие беспорядки и кого-нибудь из нас, офицеров, пошлют с солдатами на усмирение. Всегда вопрос решался единодушно в том смысле, что теперь времена уже не те и ни один офицер не будет руководить расстрелом безоружной толпы. Конечно, нужно сказать, что большинство раненых офицеров, лежавших в лазаретах, были или

молодые прапорщики, или офицеры запаса; но и кадровые офицеры в большинстве не отставали от общей массы и разделяли общее настроение.

Помню, как один кадровый поручик при общем одобрении громогласно заявил, что, по его мнению, династия устарела и не способна к дальнейшему управлению страной.

До войны такого рода заявления среди офицеров были бы, конечно, совершенно немыслимы.

В июле 1916 года я, наконец, более или менее поправился, и врачебная комиссия при Петроградском эвакуационном пункте признала меня годным к службе, хотя только в обстановке мирного времени, да и то на нестроевых должностях. Я получил назначение в Запасный Огнеметно-Химический батальон, расположенный здесь же в Петрограде.

Это позволило мне снова принять участие в партийной работе. Революционная волна, пробивавшаяся, несмотря на все железные препоны военного времени, все более и более давала себя чувствовать. Появились в свет прекрасные книжки Н. Н. Суханова. В них, несмотря на все урезки цензуры и вынужденный туманный язык, все же проглядывала интернационалистическая мысль автора. Огромную роль играл и вновь народившийся интернационалистский журнал «Летопись». Все это побудило нас попробовать приступить к изданию книг по текущему моменту наших партийных авторов. По существу это была задача нашего партийного издательства «Прибой», который формально существовал в то время. Однако прибоевцы утверждали, что попытка издать что-либо в настоящих условиях заранее обречена на неудачу, и потому фактически ничего не делали. Вместе с братом Ф. Ф. Раскольниковым, П. В. Дашкевичем[1] и Л. Н. Старком, мы, с согласия П. К., организовали издательство «Волна», которое в сравнительно короткий срок выпустило несколько брошюр Зиновьева, Каменева, Циперовича и др. Таким образом, все разговоры о невозможности работать в военное время были блестящим

---

[1] Он был в то время прапорщиком 3-го Запасного батальона, помещавшегося в Новом Петергофе.

образом опровергнуты. Душой дела и главным ходоком по всем делам был Л. Н. Старк. Мы с братом, как люди, находящиеся на военной службе, обставляли свою работу в издательстве, равно как и связь с партийной организацией — сугубой конспирацией. Нашу квартиру на Симбирской улице я и брат тщательно оберегали от зоркого глаза шпиков и только в редких случаях допускали устройство в ней того или иного партийного собрания. И, тем не менее, как теперь можно доподлинно установить, в ней три раза на собраниях присутствовали провокаторы: два раза — Мирон Черномазов, который, если не ошибаюсь, тоже входил членом в издательство «Волна», и один раз — меньшевик-оборонец Витка, известный в партийных кругах под кличкой «Актив»[1]. Между тем время шло, и скоро нарастание революционного настроения вылилось уже в определенную форму — форму вооруженного восстания.

II. Февральская революция.

Рабочие движутся на Невский. — Стрельба. — В Огнеметно-Химическом батальоне. — На улицах 27 февраля. — Перестрелка у Сампсониевского моста. — Солдаты переходят на сторону народа. — Пожар Окружного суда. — Посланец Государственной Думы. — Наш батальон присоединяется к перевороту. — Городовые. — Первый митинг. — В офицерском собрании. — Настроение офицеров. — Офицеры хотят «обуздать солдатскую стихию». — Беседа «на равных». — Черномазов — провокатор. — Собрание партработников Центрального района. — Организация опорного пункта Петроградского Совета. — Продажа «Правды». — Первый легальный П. К. — Партийный билет.

Историческую ночь с 26 на 27 февраля я был дежурным офицером. Идя на дежурство, я обратил внимание на огромные толпы рабочих. Они двигались с Выборгской стороны по направлению к центру города, Невскому проспекту. На Литейном мосту стоял сильный кордон пешей и конной полиции, который не пропускал группы, мало-мальски казавшиеся ему подозрительными. Но разве зи-

---

[1] Николай Андреевич Витка, охранная кличка — Андреевич, работал в студенческих кругах.

мою так важны мосты? Группы рабочих тут же на глазах, под самым носом полицейских, сворачивали на лед и благополучно продолжали движение к центру. В этом движении было что-то стихийное. Все пешеходные проходы через лед были битком набиты движущимися людьми; многие шли через лед, просто без всякой дороги, утопая в снегу и рискуя провалиться в трещину или полынью.

Трамваев не было видно. Я направился к своему батальону, помещавшемуся на Петроградской стороне около Тучкова моста, пешком. Идя по Архиерейской улице, я увидел догоняющий меня переполненный вагон трамвая и поспешил подсесть в него. Однако ехать нам пришлось недолго. Едва мы только въехали на Большой проспект, как на переднюю площадку вагона вскочила группа рабочих подростков и потребовала у вагоновожатого ключ для управления вагоном. Вагоновожатый немедленно, без всякого сопротивления отдал ключ, и подростки так же быстро скрылись. Публика, кто молча, кто с руганью, стала выходить из вагона.

Большой проспект представлял собою необыкновенное зрелище, живо напоминавшее мне 1914 год. Огромное количество народу толпилось на тротуарах. Некоторые шли куда-то, очевидно по своим делам; многие просто стояли, наблюдая царящее вокруг оживление, или группировались в кучки, обсуждая совершающиеся у всех на глазах события.

В батальоне, в комнате для дежурного офицера, телефонисты встретили меня возгласами: «А знаете, ваше высокоблагородие, на Невском стрельба, масса полиции и войск, народ бунтуется». Солдаты батальона, хотя и не знали меня, как партийного работника, но видели во мне благожелательно к ним относящегося и свободолюбивого офицера, а потому безбоязненно делились со мною своими впечатлениями и предположениями. Зачастую в мою комнату забегал то один, то другой солдат батальона и, захлебываясь, сообщал мне последние новости с Невского проспекта.

Дело, повидимому, начинало принимать серьезный оборот. Уже стали поступать сведения о переходе отдельных частей на сторону восставшего народа.

Сильное колебание охватило меня. С одной стороны, хотелось быть там, где поднимается восстание против царской монархии и льется кровь; с другой стороны, я чувствовал свою ответственность перед солдатами батальона, которые с такой сердечностью и доверием относились ко мне. Я считал себя не в праве покинуть их в такую минуту. Ведь в любой момент может поступить приказ от военных властей выступить с огнеметами и баллонами удушливых газов на подавление начавшегося восстания. Так в колебаниях и волнении провел я весь этот вечер и всю ночь. Конечно, о сне не могло быть и речи.

На другой день я едва дождался прихода сменяющего меня дежурного офицера. У меня созрело решение пойти к Л. Н. Старку и вместе с ним обсудить, в какой форме может вылиться наше участие в революции. Увидеть брата было, конечно, значительно сложнее, так как он, будучи гардемарином, жил в казармах Отдельных Гардемаринских классов. Однако, сдав дежурство и выйдя на улицу, я увидел, что намерение мое пройти в центр города совершенно неосуществимо. На улицах происходили настоящие бои. Со всех сторон слышалась ружейная и пулеметная стрельба. Одинокие пешеходы пугливо жались вдоль домов и, встречая кого-нибудь идущего им навстречу, опасливо спрашивали, можно ли без особенного риска пройти по такой-то улице. Тут же на Большом проспекте Петербургской стороны я увидел, как двое вооруженных солдат потребовали у проходящего мимо офицера отдать им шашку, что последний, нисколько не возражая, и сделал. Это зрелище вызвало во мне решение пойти домой переодеться в штатское платье, так как офицерский мундир, очевидно, мало подходил для обстановки революционного времени.

Судя по ожесточенной стрельбе, раздававшейся со всех сторон, можно было думать, что и домой пройти мне не удастся. Однако я благополучно проходил улицу за улицей. Наиболее опасное место оказалось у Сампсониевского моста, где надо было переходить Малую Невку. Здесь, на берегу Выборгской стороны, под прикрытием полуразрушенных балок старого Сампсониевского моста лежала группа солдат, ожесточенно стреляющая через

Неву в мою сторону. Была ли это группа восставших частей или оставшихся верными правительству, я определить не мог. Неподалеку от меня под командой офицера также следовала какая-то часть. После некоторого колебания я решился перейти через мост на Сампсониевскую набережную. На Выборгской стороне было гораздо меньше стрельбы, и я без всякого труда дошел до своего дома. Мне посчастливилось. Оружие мое, револьвер и шашка, благополучно остались при мне. Никто в пути не отнял их у меня, как у офицера.

Придя домой, после всех треволнений дня и бессонной ночи, я почувствовал ужасную слабость. Только здесь, в тишине домашней обстановки, я почувствовал, как сильно я устал. Нервное напряжение прошло, и на смену ему пришла сонливость, бороться с которой я был не в состоянии. Я упал на кушетку и заснул тревожным и беспокойным сном.

Проснулся я от шума и каких-то оживленных голосов в соседней комнате. С опухшими глазами и тяжелой головой я поднялся и, открыв дверь, увидел брата. Оказывается, начальство Отдельных Гардемаринских классов, где учился брат, под давлением матросов 2-го Балтийского флотского экипажа, которые целой огромной толпой пришли к зданию их училища, распустило всех гардемаринов по домам. Брат был очень весел и с оживлением рассказывал о сценах, которые ему пришлось наблюдать на своем пути. Офицеры поголовно разоружались. На сторону восставшего народа переходило все большее и большее количество воинских частей.

Стали обсуждать, что же нам делать. Было уже слишком поздно куда-нибудь итти. Решили просто выйти на улицу и походить поразведать, что делается. Шашку и револьвер оставил дома, чтобы не подвергнуться нелепому и обидному разоружению. На улице было уже совсем темно. Обычно в это время зажигались фонари. Но сегодня все пошло вверх дном, и о фонарях некому было позаботиться. Стрельба стихла, раздавались только отдельные случайные выстрелы.

Осторожно, чтобы ни на кого не наткнуться, добрались мы до Нижегородской улицы. Потрясающее зрелище представилось здесь нашим глазам. За Литейным

мостом горел Окружный суд. Огромные языки пламени вздымались к небу, бросая вокруг себя зловещий красноватый отблеск. При этом странном и жутком освещении, которое достигало до нас, я увидел группы солдат, шедших вперемешку с рабочими со стороны Литейного моста. Это были уже не те солдаты, которых мы все привыкли видеть во время войны. В расстегнутых шинелях, с возбужденными лицами шли они, жестикулируя и оживленно обсуждая что-то взволнованными голосами. Некоторые держали винтовки за плечом на ремне, другие же просто волочили их за собою по мостовой, держа за конец ствола. Чувствовалось дыхание революции. Побродив еще немного по улицам, мы с братом вернулись домой.

На другой день, 28-го февраля, брат отправился к Л. Н. Старку, я же пошел в свой Огнеметно-Химический батальон. Придя в комнату дежурного офицера, я застал здесь несколько офицеров, которые беседовали о происходящей революции, различно оценивая ее. Некоторые вообще злопыхательствовали по отношению к революции; большинство же, признавая революцию, как таковую, фактом положительным, полагали, что сейчас она несвоевременна, так как может отрицательно отразиться на состоянии фронта.

Разговор неожиданно прервал какой-то молодой, элегантно одетый штатский господин, который, быстро войдя в комнату, поздравил всех нас с победоносной революцией и, отрекомендовавшись представителем временного комитета Государственной Думы, стал убеждать присоединиться к совершившемуся перевороту и отправиться вместе с ним в Таврический дворец. Позднее передавали, что это был какой-то граф или князь.

Когда он кончил, наступило неловкое молчание. Офицеры хмуро поглядывали на него и молчали. Даже те, которые на словах незадолго перед тем одобряли революцию, теперь ничем не проявляли себя, очевидно, боясь возможной ответственности.

Я первый нарушил молчание, заявив, что охотно поеду вместе с ним в Государственную Думу. Господин, только-что перед тем переживший неприятную минуту, сразу оживился и радостно стал торопить меня итти. Мы вышли и скоро уже зашагали по берегу реки Ждановки. Че-

рез несколько минут нас догнал один из старых офицеров нашего батальона прапорщик Рикман и заявил, что он следует вместе с нами. Господин радостно приветствовал его появление. Как я потом узнал, офицеры после моего ухода всполошились, не стал бы я высказываться в Государственной Думе от имени всего батальона, и уполномочили прапорщика Рикмана сопровождать меня и в случае чего вносить в мои слова необходимые поправки.

На Большом проспекте мы столкнулись с помощником командира батальона подпоручиком Надеждиным. Узнав, куда мы идем, он сообщил, что в Государственную Думу для присоединения к революционному перевороту отправился сам наш командир, полковник Мартюшев, и что следовательно нам итти туда не зачем.

Господин, следовавший вместе с нами, поблагодарил в нашем лице весь батальон за присоединение к революции и, попрощавшись с нами, быстро скрылся.

Прощаясь, подпоручик Надеждин сообщил мне, что завтра в 10 часов утра в штабе назначено общее собрание всех офицеров батальона.

Я решил во что бы то ни стало добраться до Старка.

Идя с Большого проспекта Петроградской стороны в центр города, я невольно обратил внимание на сильно изменившуюся картину. Улицы являли собою уже совсем другой вид, чем вчера. На-лицо была полная картина восстания. Тротуары были полны взволнованным и радостным народом. Повсюду виднелись красные цветки и ленточки. Туда и сюда проезжали грузовики и легковые автомобили, набитые вооруженными солдатами. Публика на тротуарах приветствовала их криками «ура» и махала шапками. Солдаты отвечали тем же.

По первому взгляду можно было подумать, что солдаты только катаются на автомобилях и приветствуют публику. Но нет! Они, хотя и несколько хаотично, исполняли чрезвычайно важную и ответственную задачу — поддерживать в городе революционный порядок. И я вскоре нагляднейшим образом убедился в этом. На одной из центральных улиц вдруг неожиданно началась стрельба. Это стреляли с чердака засевшие там городо-

вые. Сейчас же к дому подъехал один из таких автомобилей, и солдаты быстро скрылись в подъезде. Через две минуты стрельба прекратилась. Очевидно, городовые понесли должное возмездие.

Кстати о городовых. Трудно представить себе более нелепое и глупое положение, чем то, в котором оказались эти верные и преданные столпы погибающей монархии. Теперь, по прошествии ряда лет, когда страсти несколько поулеглись, можно вполне спокойно и беспристрастно сказать, что в эти дни петербургские городовые проявили редкое, хотя и совершенно бессмысленное геройство. Запертые в своих чердачных чуланах, они не уходили со своего поста до тех пор, пока их не удаляли оттуда силой. Даже на второй и на третий день революции, когда все улицы были полны восставшими или сочувствующими восстанию, когда ясно было, что старый режим рухнул безвозвратно, жалкая кучка городовых открывала откуда-нибудь сверху свою нелепую и в большинстве случаев совершенно безвредную стрельбу. Им сверху было, конечно, прекарсно видно, что делается на улицах. Разойдись они тихо и мирно, изменив свой внешний наряд, или спрячься где-либо, они имели бы большие шансы не только уцелеть, но и остаться на свободе. Вместо этого они открывали стрельбу, которая имела только тот успех, что прежде всего обнаруживала их собственное местопребывание.

Так под аккомпанемент редкой стрельбы и радостных криков дошел я до Лештукова переулка, где жил в то время Л. Н. Старк. У Старка я застал не только брата, но и Дашкевича, который, узнав о событиях в Петрограде, переоделся в штатское платье и приехал сюда из своего Петергофа. Все они собирались итти сейчас обозревать положение, а заодно зайти на один небольшой митинг, организуемый группой наших партийных товарищей. Я вышел вместе с ними. На улице была та же самая картина. Внешний вид легковых автомобилей, нагруженных солдатами, теперь стал принимать некоторую общую «форму». По бокам автомобиля на его крыльях уже обязательно лежало по солдату с выставленными вперед дулами винтовок. Это придавало автомобилям своеобразный воинственный вид.

Походив так по улицам и покричав вдосталь, мы направились к тому помещению, где должен был происходить митинг.

Это было какое-то барачного вида зало, с досчатыми стенами, простым полом и рядом скамеек, на которых уже расположилось около сотни посетителей.

Публика была самая разношерстная. Все с большим вниманием и интересом слушали выступивших ораторов. Ведь еще вчера ничего подобного нельзя было даже и подумать услышать, а сегодня смелые революционные речи лились шумливым потоком, как река, только-что сбросившая с себя давящие зимние покровы. Характерно: чем возбужденнее и горячее говорил оратор, тем больше отклика встречал он у слушавшей его аудитории. Брат тоже выступил по вопросу о необходимости предоставления женщинам избирательного права. Думал было выступить и я, но в последнюю минуту испугался. Я еще никогда до этого не выступал на таких многолюдных собраниях. Мне казалось, что, начав речь, я от волнения не смогу ее окончить. Эта боязнь характерна для всякого новичка-агитатора. Впоследствии, неоднократно выступая на всякого рода собраниях и митингах, я убедился, что нужно перед речью и во время речи поменьше думать о том, *как* ты говоришь и *как* слушает тебя публика. Все внимание должно быть сосредоточено на основной мысли речи; тогда никакого смущения не наступит, и нужные слова явятся сами собою. «Не внешность, но существо» — вот что должно быть девизом всякого начинающего агитатора.

На этом митинге я впервые увидел Кирилла Орлова, впоследствии моего сотоварища по гельсингфорсской и кронштадтской работе. Он выступил с кратким приветствием от имени Петербургского Комитета. Его речь была самой горячей, и потому естественно, что она имела у публики самый шумный успех. Когда мы расходились, Старк, также впервые слышавший Кирилла, обронил следующую шутливую реплеку: «Вот этот последний — молодец! Настоящий демагог!». И как это всегда бывало у Старка, трудно было сказать, искренно ли он хвалит, или по своей обыкновенной привычке добродушно злословит.

Распрощавшись со Старком, мы с братом направились домой. Временами стрельба настолько усиливалась, что мы с братом заходили в ближайшие парадные и выжидали, пока она прекратится. На углу Сергиевской и Литейного проспекта мы увидели своеобразную баррикаду. Весь Литейный был перегорожен какими-то пустыми ящиками, из-за которых, по направлению к Невскому проспекту, торчали дула двух шестидюймовых пушек. Это была баррикада так называемой «внутренней обороны» на случай, если на Николаевском, Царскосельском или Варшавском вокзалах станут высаживаться верные царскому правительству войска. В течение нескольких дней я имел возможность наблюдать эти пушки. С каждым днем они всё больше и больше заносились снегом, пока, наконец, приблизительно через неделю после переворота, не были увезены обратно в свои части.

На другой день к 10 часам я поспешил в штаб своего батальона, где должно было состояться общее собрание всех офицеров. Когда я пришел, столовая собрания была уже переполнена нашими офицерами. Все оживленно обменивались мнениями по поводу происходящих событий. Иногда появлялись растерянные физиономии двух солдат, обслуживающих офицерское собрание. Они, повидимому, не знали, как им держаться: на прежнем ли положении денщиков, или сообразно новым изменившимся условиям.

Из разговоров с офицерами я выяснил, что произошло в нашем батальоне 27 февраля после того, как я сдал дежурство и ушел. Оказывается, революционная волна хлынула и в наше тихое убежище и заставила солдат также принять участие, если не в свержении, то во всяком случае в ликвидации старого режима. Стрельба на улицах прежде всего вызвала у солдат желание вооружиться винтовками. Винтовки в батальоне были, но они лежали запертыми в цейхгаузе. Так как заведывающего оружием офицера не было, то солдаты выявили свою революционную волю тем, что начали ломать цейхгауз. Смешную и глупую роль играл при этом дежурный офицер. Не в силах заставить солдат повиноваться, он всюду бегал за ними, цеплялся и чуть не плача уго-

варивал солдат оставить цейхгауз в покое и вернуться в казармы. Его увещания не помогли. Солдаты взломали цейхгауз, вооружились, и вскоре отдельные группы их вышли на улицу и приняли участие в перестрелке с городовыми, засевшими на чердаках.

Однако вернемся к собранию. Собрание открыл помощник командира батальона подпоручик Надеждин. Сам командир почему-то отсутствовал.

Нужно сказать, что в нашем батальоне, как специальной части, возникшей недавно в связи с новейшими достижениями военной техники, почти совершенно не было старых кадровых офицеров. Большинство офицеров имело высшее образование. Военный мундир они носили только в силу обстоятельств военного времени.

Это предопределило в значительной степени ход и характер нашего заседания. В защиту падающей монархии не раздалось ни одного голоса. Все единодушно, во главе с докладчиком подпоручиком Надеждиным, санкционировали происшедший переворот и присоединились к нему. Зато так же единодушно все высказались за необходимость «ограничить революцию определенными рамками», прежде всего привести к повиновению военную силу, солдат. Было решено, чтобы не подрывать престижа офицерского звания, всем сейчас же отправиться в казармы и организовать митинги отдельных рот. Дело, конечно, было для офицеров новое и непривычное, но все считали небходимым пойти на это, чтобы хотя несколько «обуздать стихию».

Все офицеры батальона, — а было их около тридцати человек, — сплоченной массой двинулись по Большому проспекту Петроградской стороны по направлению к реке Ждановке, где помещались казармы нашего батальона. Я решил последовать за ними. Движение наше не могло не привлечь к себе внимания публики. Все с любопытством и интересом смотрели на нас, недоумевая, куда это движется такая значительная группа офицеров. Какой-то молодой человек интеллигентного вида, шедший нам навстречу, при виде нас остановился и, радостно улыбаясь, воскликнул: «Что, товарищи, можно вас поздравить? И вы с нами?». Однако офицеры, большею частью хмурые и недовольные, молча прошли мимо. Старая

офицерская привычка держаться особняком и свысока смотреть на всех остальных людей была сильна и в нашем батальоне. Кроме того, возможно, что многие из них несколько побаивались предстоящей встречи «на равных» с солдатской массой.

Однако ротные митинги прошли как нельзя более благополучно. Солдаты в общей своей массе были искренно рады, что офицеры пришли с ними поговорить о происходящих событиях, и наивно верили каждому сказанному им слову. События еще не научили их различать друзей от врагов. Революция рисовалась их неискушенному воображению, как «всенародная», захватившая все классы общества. Здесь я заметил то же явление, что и на вчерашнем митинге. Для слушающих важно было не столько содержание речи, сколько горячность, с которою говорил оратор. Помню, один из наших пожилых офицеров, неожиданно для всех нас объявивший себя «христианским социалистом» (есть и такое гнусное течение западно-европейского соглашательства), начал свою речь с того, что, сорвав с головы шапку, истерическим голосом закричал: «Да здравствует свобода! Да здравствует великая русская революция! Ура!». И все солдаты, вскочив со своих мест, радостно закричали вместе с ним. На его долю выпало больше всего аплодисментов.

Некоторые офицеры брали на себя неблагодарную задачу доказывать, что недоверие солдат к офицерам основано на недоразумении, что офицеры и душой и телом преданы солдатским интересам и т. д. Некоторые вспоминали странички своего студенческого прошлого и пытались изобразить себя чуть ли не старыми революционерами.

Солдаты всему верили и всем поголовно аплодировали.

Во время митинга группа солдат отозвала меня в сторону. Здесь один из них, обращаясь ко мне, сказал: «Ваше высокоблагородие! Вы ходите без шашки, так вот наши солдаты решили преподнести вам шашку из числа отобранных нами на улице у других офицеров». И с этими словами он преподнес мне прекрасную шашку кавалерийского образца. Я был искренно растроган та-

ким вниманием и доверием со стороны своих солдат. Хотя шашка не была отобрана у меня, а преспокойно лежала дома, я с благодарностью принял предложенный мне подарок.

По окончании митинга я еще на некоторое время остался в казарме, беседуя с солдатами. Между прочим я увидел в одном месте штук пятнадцать пулеметов, которые охранялись специально поставленным около них часовым. На мой вопрос, откуда пулеметы, солдаты с гордостью сообщили, что это их трофеи, отбитые ими в боях с городовыми.

Побеседовав еще некоторое время, я покинул казарму и направился к Л. Н. Старку, вместе с которым мы предполагали пойти на партийное собрание работников Центрального района. У Старка я опять застал и брата. И он и Леонид Николаевич были в большом волнении. Только-что выяснилась принадлежность Черномазова к числу секретных сотрудников охранного отделения. Нужно сказать, что Черномазова давно уже подозревали в провокации, но группа партийных товарищей, и в особенности Л. Н. Старк, решительно брали его под свою защиту. Когда первые документы, изобличающие Черномазова, были принесены Старку, он вместе с одним товарищем, если не ошибаюсь — Лукичем, поехал допросить и арестовать Черномазова, и здесь последние сомнения отпали: Черномазов сам сознался в своей работе в охранном отделении. Дальнейшая судьба этого крупнейшего провокатора была такова: еще до Октябрьской революции, не дождавшись суда, он умер, как говорят, от разрыва сердца. По другой же версии, он просто отравился. Старку тоже пришлось несколько пострадать из-за Черномазова. Он был совершенно отстранен от работы. И только официальное заявление в ЦК и упорные настояния группы товарищей, в том числе Жемчужина, брата, меня и других, хорошо знавших Старка и ручавшихся за его политическую честность, способствовали его полной реабилитации.

За разговорами о Черномазове незаметно подошло время, когда нам нужно было уже выходить. Собрание группы партийных работников-большевиков Центрального района состоялось в частной квартире. На этом со-

брании присутствовало человек пятнадцать. В порядке дня стоял один основной вопрос: к какой работе приступить теперь же, немедленно, в условиях совершившегося переворота? В этом отношении голоса разбились. Инициатор собрания, он же хозяин квартиры, предполагал исключительное внимание обратить на строительство наших партийных рядов и организацию районного комитета. Однако большинство собравшихся, признавая, конечно, и эту работу чрезвычайно важной и первоочередной, находило, что помимо нее было бы необходимо создать сейчас же, — если можно, то завтра же, — опорный пункт Петроградского Совета в своем районе. При организации такого рода пунктов по всем районам Петроградский Совет в значительной степени выиграл бы в своей силе. Последнее мнение одержало верх, и опорный пункт Петроградского Совета был организован через день (5-го марта) в магазинном помещении, где-то на Б. Московской улице, неподалеку от Владимирского собора.

Открытие пункта как раз совпало с выходом первого номера газеты «Правда». Так как одной из задач пункта была продажа всякого рода агитационной литературы, то мы энергично взялись за распространение первого номера нашей партийной газеты. Помню, как я и несколько других молодых товарищей, работавших на пункте, выйдя на улицу у самого выхода, звонкими голосами, скандируя каждый слог, кричали: «Газета „Правда“, орган Центрального Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии».

Новизна обстановки захватывала. Как-то даже не верилось, что мы открыто продаем наш центральный партийный орган, называя его полным именем. Казалось, что все это происходит во сне. Я был в мундире офицера, но это обстоятельство не только меня не смущало, но, наоборот, придавало положению какой-то особенный интерес и остроту.

Когда начало уже темнеть, мы стали расходиться по домам, захватив с собою каждый по пачке газет для того, чтобы продолжать продажу во все время пути своего следования. Я тоже последовал общему примеру, и мой голос долго оглашал суровый и строгий Литейный проспект, все удаляясь по направлению к Выборгской сто-

роне. Газету раскупали охотно. Помню, в одном месте встречный рабочий, услышав мой выкрик, радостно воскликнул: «Наконец-то она, наша матушка, вышла!», и сразу купил два экземпляра.

Дома мне пришлось долго провозиться, выгребая из кармана собранную мелочь, приводя ее в порядок и подсчитывая.

Созданный нами опорный пункт Петроградского Совета просуществовал недолго. Через несколько дней, когда выяснилось, что, с одной стороны, революция окончательно победила, а с другой стороны — Петроградский Совет не является выразителем взглядов и мнений нашей партии, было решено этот пункт ликвидировать и всем товарищам, работавшим в нем, перейти к строительству в Центральном районе партийной организации.

Уже по всем районам началась подобная же работа. Партия мало-по-малу выходила из подполья, легализовалась и конструировалась в новых условиях. Организовался и Петербургский Комитет, который занял довольно неуютное и маленькое помещение на Кронверкском проспекте Петербургской стороны, в здании напротив Народного дома, где помещается сейчас Биржа Труда. Чтобы попасть туда, нужно было подыматься во второй или третий этаж по какой-то грязноватой и темноватой лестнице. В ПК была постоянная толчея и давка. И тут-то заведующий агитаторской коллегией т. Антипов давал инструкции агитаторам, отправляя их на те или иные митинги. В ПК я первый раз пришел для того, чтобы получить партийный билет, которого, естественно, в нелегальное время ни у кого из нас не было. ПК с соответствующей бумажкой направил меня в новый, тоже только-что легализовавшийся, Выборгский районный комитет. Предъявив отношение Петербургского Комитета сидевшей здесь за столом девушке-работнице, я сразу же получил от нее партийную карточку.

Как видите, процедура получения партийного билета была в то время очень несложной.

От девушки я не получил никаких указаний, какую же партийную работу возложит на меня Выборгский райком. Я распрощался, решив получить то или иное зада-

ние непосредственно от Петербургского Комитета. Случай, позволивший мне вскоре приступить к непосредственной, активной революционной работе, вскоре и представился.

III. Поездка в Гельсингфорс.

На завоевание Балтийского флота! — В Гельсингфорсе. — Первые успехи. — Мы уже не одни. — Первый номер «Волны». — Местные власти недовольны. — Мы знакомимся с местным «лидером». — Финские друзья. — Хлопоты о типографии. — Как приходилось работать. — Создание Гельсинфорсского Комитета. — День праздника Революции. — Борьба за 8-часовой рабочий день. — Старая организация вступает с нами в переговоры. — Роспуск старой организации. — Митинг о земле. — Демагог. — Подготовка к конференции. — Конференция. — Нас «громят». — Я покидаю Гельсингфорс.

В марте 1917 года группа питерских и кронштадтских товарищей решила отправиться в Гельсингфорс для того, чтобы начать там революционную работу и положить основание большевистской организации. Гельсингфорс имел для нас огромное значение, как стоянка почти всего нашего Балтийского флота.

Мне тоже очень хотелось принять участие в этой поездке, однако это было не так-то просто.

Принимать участие в партийной работе здесь в Петрограде — это было одно дело, а бросать свою часть и без разрешения военного начальства уехать в другой город — это значило, конечно, подвергать себя определенному риску.

Однако колебания мои были непродолжительны. Революция расчистила огромное поле для работы. Надо было, не теряя времени, ковать железо. И я, пренебрегая формальностями, присоединился к группе товарищей, отправляющихся в Гельсингфорс.

В эту группу, кроме меня, входили тт. Борис Жемчужин («Дмитрий»), бывший в то время членом Петербургского Комитета, Семен Пелихов, Федор Дингельштедт и солдат Зиньченко. Всего пять человек. Все это были прекрасные парни, деятельные и энергичные работники. Увы! Двоих из них уже нет сейчас в живых. Первым погиб Жемчужин. Работая в Гельсингфорсе до

мая 1918 г., он был схвачен «белыми» при занятии ими города и расстрелян. Вторым погиб Пелихов. В 1921 г., будучи студентом Свердловского университета, он добровольцем пошел на подавление кронштадтского мятежа, где и был убит.

Перед нашим отправлением Жемчужин зашел в ПК к Подвойскому спросить, не будет ли каких-нибудь особых директив для нашей делегации. Подвойский не особенно сочувственно отнесся к нашей поездке. По его словам, из Гельсингфорса недавно приехал один член ПК и сообщил, что там засилье меньшевиков и поставить работу чрезвычайно трудно. «Туда не вам, молодым, нужно ехать, — заявил тов. Подвойский, — а кому-нибудь из членов ЦК». Однако заявление Подвойского еще более разожгло наш интерес к этой поездке. Уж чем-чем большевиков можно испугать, но только не трудностью работы. Помню, как Жемчужин, весь сияющий, с горящими глазами, воскликнул: «Ну, и утрем же мы нос нашим партийным генералам, если положим в Гельсингфорсе основу организации и выпустим газету!». Спортивная сторона предстоящей работы увлекала его. А нужно сказать, что, кроме горячей веры в успех нашего дела, ничего у нас за душой не было. Ни связей, ни знания Гельсингфорса, ни денег. Купив на последние деньги билеты и немного провизии, мы сели в маленькие и чистенькие вагоны Финляндской ж. д. и поехали, беззаботные как «птицы небесные», с веселым и бодрым настроением духа. Уверенность в том, что мы преодолеем все препятствия, была у нас настолько велика, что мы тут же в вагоне, чтобы не терять даром времени, стали писать статьи для первого номера нашей будущей газеты.

Здесь же в вагоне я ближе познакомился с самой интересной и колоритной фигурой нашей небольшой группы, матросом С. Пелиховым. В дореволюционное время Пелихов работал в эс-эровских организациях, как эс-эр судился и как эс-эр был приговорен к каторжным работам, откуда его освободила Февральская революция. Но, будучи убежденным интернационалистом, он решительно порвал со своими партийными единомышленниками, с начала войны занявшими оборонческую пози-

цию. При всяком разговоре о предательской роли эс-эров он весь загорался возмущением и негодованием. Не было, кажется, таких слов, которыми бы он не клеймил своих недавних партийных соратников. В дальнейшем мы всегда использовали Пелихова при выступлениях против эс-эровских ораторов. Вообще прекрасный оратор, здесь он совершенно преображался. Его буйный темперамент и прекрасное знание эс-эровской идеологии давали ему возможность во всех случаях торжествовать полную победу.

Переночевав кое-как на жестких скамейках вагона, мы на другой день высадились в Гельсингфорсе и сразу же направились в Исполнительный Комитет Гельсингфорсского Совета.

Еще идя по городу, мы заметили, что некоторые из попадающихся нам навстречу матросов и штатских носят в левой петлице какие-то маленькие круглые жетоны на красной подкладке. Войдя же в помещение Совета, мы были буквально окружены такими жетонами со всех сторон, вперемешку с еще бóльшими жетонами, которые представляли уже собою нечто вроде форменных блях. Мы обратились к первому попавшемуся матросу за разъяснением по поводу такого странного явления. Узнали от него, что маленькие жетоны — это знаки рядовых членов Совета, а большие жетоны — членов его Исполнительного Комитета. Помню, что ношение отличительных знаков членами Совета сильно нас тогда возмутило. В этом нам чувствовалось что-то чуждое революции, нарождение какого-то нового чиновничества. Уже этот маленький штрих ясно показал нам, что обстановка работы здесь далеко не та, что в Кронштадте, и что много препятствий стоит еще на нашем пути.

Наши мрачные предчувствия оправдались с первых же наших шагов. Руководители Совета, прапорщик Бриллиантов и ряд щеголевато одетых матросов, ознакомившись с нашими документами и узнав, что мы являемся представителями Кронштадтского Совета, вначале дружелюбно нас приветствовали. Но, выяснив в дальнейшем, что мы приехали сюда надолго и собираемся ставить здесь большевистскую газету, серьезно заволновались. От прежней любезности не осталось и следа. В результате

длительных переговоров они всё же согласились предоставить нам помещение и обещали содействие нашей работе. Конечно, это обещание не было искренним. Мы понимали, что ни на какую серьезную помощь рассчитывать нам не удастся.

Помещение, предоставленное нам, оказалось одной поместительной комнатой на Высокогорной улице в доме бывшего жандармского управления. Там стояло несколько кроватей и стол — мебель, которая нас вполне устраивала. Однако, как мы ни были утомлены после дороги, но для отдыха времени не было. Мы обещали в Петрограде через три дня выпустить в Гельсингфорсе газету, и наше обещание должно было быть выполнено. Поэтому, не тратя времени на лишние разговоры, мы разбились на две группы, каждая из которых получила свое задание. Я с Жемчужиным отправились искать для газеты подходящую типографию, а Дингельштедт, Пелихов и Зиньченко отправились организовывать на судах митинги и заодно промыслить по части денежных средств.

Весь остаток этого дня мы с Жемчужиным бродили по городу, выискивая и осматривая типографии, пока, наконец, не остановились на одной, на типографии Горшкова, которая показалась нам сравнительно более пригодной, чем другие. Не стесняясь тем, что у нас в кармане не было ни гроша, мы вступили с хозяином типографии в деловые переговоры и, торгуясь из-за каждой копейки, выговорили для себя сравнительно выгодные условия. Возвращаясь домой, усталые и измученные, при свете уличных фонарей, мы с Жемчужиным обменивались впечатлениями прошедшего дня. Итак, у нас имелась уже типография. Можно было бы немедленно же приступить к выпуску газеты, если бы не отсутствие средств. Удастся ли нам их скоро собрать?

Однако, когда мы переступили порог нашей комнаты, громкое «ура!» приветствовало наше возвращение. Взволнованные и радостные товарищи бросились нам навстречу и наперебой стали рассказывать об их первом удачном выступлении на броненосце «Император Павел I». Матросы не только единодушно приняли большевистскую резолюцию, но и постановили отчислить из экономических сумм 1 000 рублей на организацию боль-

шевистской газеты. Мы с Жемчужиным вздохнули свободно. Итак, последнее препятствие к выходу газеты устранено. И вместе со всеми товарищами оживленно и весело мы стали обсуждать ближайшие наши шаги на фоне тех радужных перспектив, которые нам рисовались.

На следующий день к нам с утра пришли матросы, слышавшие о вчерашнем выступлении наших товарищей на «Павле I». Среди них было и несколько старых членов партии большевиков, в том числе матрос Ховрин, осужденный незадолго до революции по делу о большевистской матросской организации. Они посвятили нас в политическое положение г. Гельсингфорса. Оказывается, на-ряду с эс-эровской и всякого рода другими организациями, в городе существует и организация, именующая себя социал-демократической. Во главе ее стоит председатель Гельсингфорсского Совета, бывший офицер Сергей Александрович Гарин. Организация — политически совершенно неопределенная, скорей меньшевистская, при чем огромный процент в ней просто примазавшихся. Организация возникла сверху и никакой связи с низами, а тем более с матросскими судовыми командами, не имеет. Заслушав такого рода сообщение, мы решили приступить к строительству партийной организации с низов, совершенно игнорируя существующую в городе организацию. Когда нам удастся организовать ряд коллективов на судах и в воинских частях, мы созовем общегородскую конференцию и изберем партийный комитет. Существующая же организация, не имея под собой никакой почвы, все равно должна будет рано или поздно развалиться. Беседовавшие с нами матросы всецело присоединились к нашей точке зрения и одобрили наш план работы. Затем стали обсуждать вопрос о выходящей в самое ближайшее время нашей газете. Так как желательно было бы выпускать газету от имени какой-нибудь, хотя бы и самой незначительной организации, решили выпускать ее от имени имеющегося у нас здесь на этом собрании коллектива матросов. Придумали и подходящее название для газеты: «Волна». Распространять газету решили самым простейшим образом. Партийные товарищи-матросы будут приходить в определенный час к выходу газеты в типографию, забирать по

сотне номеров и затем продавать ее на улицах и на судах по три копейки за номер. Перспектива разворачивающейся широкой работы воодушевила всех. Матросы горячо благодарили нас за то, что мы приехали и принялись раскачивать сонное гельсингфорсское болото.

Неожиданно разговор перешел на почву личной о нас заботы. Посыпались вопросы, как мы спим, что мы едим. Здесь, действительно, у нас не все было в порядке. Еще для ночлега мы кое-как в отведенной нам комнате устроились, а заботиться о пище нам решительно было некогда. За истекшие сутки мы питались впроголодь чем попало, а удастся ли нам сегодня что-нибудь поесть, было далеко не ясно. Матросы наперерыв стали звать нас к себе на суда. Мы согласились прийти сегодня вечером на стоящий непосредственно у берега в гавани военный транспорт «Ща», где нас покормят и устроят с ночлегом. Это снимало с нас все хозяйственные заботы. Мы горячо поблагодарили заботливых и гостеприимных товарищей. Когда мы собирались уже расходиться, к нам в комнату прибежал запыхавшийся матрос и заявил, что нас немедленно требуют на заседание Гельсингфорсского Совета.

Так как нужно было, не теряя времени, приступать к работе, то мы решили отрядить на заседание Гельсингфорсского Совета наших агитаторов — Пелихова, Дингельштедта и Зиньченко, а мне с Жемчужиным двинуться в типографию выпускать газету. Распрощавшись, мы двинулись в разные стороны.

В типографии все уже было готово для выпуска газеты, и мы сдали приготовленный нами заранее и написанный еще в поезде материал. Постепенно на наших глазах стало рождаться наше детище — гельсингфорсская большевистская газета. Трудно передать словами волнение и радость, которую мы испытывали. Но, чем скорее нам хотелось увидеть нашу газету уже готовой, тем яснее мы видели, насколько плохо оборудована избранная нами типография. В ней совершенно не было наборных машин, и печатные станки были неудобной и устарелой конструкции. Однако из обследования предыдущего дня мы знали, что в городе лучшей типографии, если не считать типографию Финляндского Сената, где

печатались финляндские газеты, не было. Так за печатанием номера мы проканителились целый день. Только вечером мы увидели первые отпечатанные номера. Радости нашей не было пределов.

Правда, номер, с точки зрения наших современных требований к газете, грешил очень многим. Достаточно сказать, что в нем кроме политических статей почти-что ничего и не было. Но такими тогда выходили все наши партийные газеты, и по существу именно статейный материал представлял для широких масс, не умеющих еще самостоятельно разбираться в происходящих событиях, первенствующее значение.

Вскоре пришли за свеже вышедшими номерами наши «самодельные» газетчики-матросы и забрали с собою всю отпечатанную наличность. Радость их при виде газеты была также велика. Вместе с ними счастливые и довольные отправились и мы.

Идя на транспорт «Ща», как было условлено утром, мы по дороге зашли к себе на Высокогорную улицу и здесь застали наших «агитаторов» в большом оживлении. Оказывается, для них сегодняшний день прошел в высшей степени бурно.

Я уже говорил, что в первый день нашего приезда Совет весьма подозрительно и недружелюбно отнесся к нашему намерению развернуть здесь социал-демократическую работу. Но тогда еще это не носило реального характера, и руководители Совета могли предполагать, что из нашей попытки ничего не выйдет. Однако на следующий же день они убедились, что игнорировать и замалчивать нас им никак не удастся. Перепуганные офицеры броненосца «Император Павел I» поспешили донести в Совет о нашем успешном выступлении на их корабле, представив содержание наших речей в самом непривлекательном и ужасном виде. С другой стороны, в Совет поступили сведения о том, что мы приступаем к выпуску газеты. Это окончательно взволновало руководителей Совета. Вначале они решили нас просто арестовать, но потом передумали и вызвали нас на пленарное заседание Совета. И здесь нашим «агитаторам» пришлось вынести форменное сражение. Возмущение, крики, брань, угрозы арестом неслись со всех сторон.

Однако наши ребята не растерялись, спокойно выдержали неприятельский штурм, а затем стали объяснять, кто мы и для чего сюда приехали. Постепенно собрание начало успокаиваться, кое-кто из рядовых членов Совета выявил даже свое сочувствие нашему делу. В результате руководители Совета, хотя и со скрежетом зубовным, должны были отпустить наших представителей с миром, разрешив нам продолжать начатую нами работу. Все хорошо, что хорошо кончается! Не задерживаясь долго на обсуждении этого события, мы направились на транспорт «Ща», где нас уже ждали товарищи матросы с ужином и чаем. Трудно описать радушие и гостеприимство, которым они нас встретили. Просидев за товарищеской беседой до поздней ночи, мы с удобством устроились на ночлег по матросским койкам и заснули бодрым и крепким сном.

На следующее утро первою мыслью Жемчужина было использовать какую-нибудь оказию и переслать первый номер «Волны» в Петроград. «Воображаю, — радостно говорил он, — как у наших питерских „генералов“ глаза на лоб полезут, когда они увидят, что мы действительно на третий день, как обещали, выпустили газету!». Такая оказия, действительно, в этот день представилась, и первый номер «Волны» с соответствующим препроводительным письмом торжественно отправился в Петроград. Прощаясь с гостеприимными хозяевами, я воспользовался имеющимся у меня фотографическим аппаратом и заснял всю группу матросов вместе с товарищем Жемчужиным на палубе. К сожалению, другие наши товарищи в это время уже ушли, и поэтому запечатленным на фотографии из всей нашей первоначальной пятерки оказался один только Жемчужин.

В этот день мы так же распределили работу, как и вчера. Я с Жемчужиным выпустили второй номер «Волны», а наши агитаторы пошли по кораблям устраивать митинги, распространять газету и собирать средства. Вечером этого дня мы впервые познакомились с лидером местной социал-демократической организации Хильяни. Он очень любезно и весело приветствовал нас и пригласил выступить на большом митинге, устраиваемом в помещении Александровского театра. Мы согла-

сились и отправились вместе с ним. По дороге мы обстоятельно поговорили с ним и как нельзя лучше выяснили себе его подлинную физиономию. Он с места в карьер заявил, что не считает себя ни большевиком ни меньшевиком и вообще не признает этого деления. Но, когда мы стали выяснять себе его точку зрения на основные вопросы текущего момента, обнаружилось, что он является самым настоящим и заядлым меньшевиком-оборонцем. Он скептически отнесся к нашему намерению построить организацию с низов, в доказательство чего ставил свой неудачный опыт 1905 года, когда, по его словам, рабочие выбросили его из окна на улицу.

Слушая его, мы только улыбались. С таким «товарищем» нам, конечно, было не по пути.

Оказалось, что на митинге, кроме Хильяни и нас, должна выступить остановившаяся в Гельсингфорсе, проездом из Швеции в Петроград, Александра Михайловна Коллонтай. В виду этого мы решили сократить свои выступления, дав слово только Дингельштедту и Пелихову.

Речь Хильяни, который выступил первым, была удивительно водяниста и бессодержательна. Так до конца и нельзя было узнать, чего же, наконец, хочет оратор. Между тем, окончив свою речь, он стал шопотом уговаривать нас не ставить слишком остро вопрос о войне, говоря, что находящиеся в зале матросы могут возмутиться и избить, а то так и убить нас. Однако это заявление оказалось совершенно ни на чем не основанным. Когда Дингельштедт осторожно коснулся необходимости энергичной борьбы за прекращение войны и демократический мир, весь зал единодушно ему зааплодировал. Не менее успешно прошло и выступление Коллонтай, которая говорила очень красиво и с большим подъемом.

Возвращаясь с митинга и обмениваясь впечатлениями, мы пришли к тому единодушному заключению, что оставлять существующую в городе организацию с такими вождями, как Хильяни, недопустимо. Нужно приложить все усилия, чтобы ускорить объединение большевистских элементов флота, армии и рабочих и затем или просто взорвать изнутри существующую организацию, или изобличить перед всеми ее меньшевистскую

сущность. Работы был непочатый край, работа клеилась, и надо было только усилить нашу небольшую группу новыми квалифицированными работниками. Мы решили вызвать еще кой-кого из наших приятелей на подмогу.

На другой день утром, когда все мои товарищи разошлись по разным делам и я остался один, разбирая и подготовляя материалы для ближайшего номера, в комнату неожиданно вошли два штатских человека и спросили, можно ли видеть редактора «Волны». Я сообщил им, что это я и есть. «Видите ли, — начал один из них, который был повыше: — мы являемся представителями левой части финской социал-демократической рабочей партии. Читая вашу газету, мы увидели, что она стоит на позиции большевизма, т.-е. на той позиции, которую разделяем и мы. Мы и пришли к вам, чтобы, во-первых, завязать с вами сношения, а во-вторых — предупредить, что если вам понадобится какая-либо поддержка, то можете всецело рассчитывать на нас!».

Радостное волнение едва не лишило меня дара слова. Вот живое, реальное выявление Интернационала. Представители финских революционных рабочих приходят и протягивают нам братскую руку для совместной борьбы против общего врага. Я горячо приветствовал товарищей и от души поблагодарил их за сочувствие и поддержку. Я тут же узнал их фамилии — это были: Вастен, впоследствии командующий финской красной гвардией, боровшийся в 1918 г. против полчищ Маннергейма, другой Сидоров, русский рабочий, ныне секретарь одного из наших губкомов. После первых рукопожатий и приветствий мы перешли к практическому обсуждению вопроса о положении в Гельсингфорсе и ближайших перспективах работы. Здесь я опять услышал самые отрицательные отзывы о существующей в городе социал-демократической организации.

Когда я сообщил моим гостям, что нами уже организуются большевистские коллективы на судах и на очереди стоит организация Гельсингфорсского Комитета, они радостно приветствовали мое заявление. Перешли к вопросу и о газете. Я пожаловался, что техника печатания газеты у нас очень невысока. «Почему же вы не попытаетесь воспользоваться нашей сенатской типогра-

фией?» — спросил Вастен. — «Да ведь это финская типография, — ответил я: — там, поди, и шрифта-то русского нет, да и разрешат ли финские сенаторы печатать у них нашу газету?». Однако Вастен заверил меня, что русский шрифт в сенатской типографии есть, а что касается разрешения, то таковое несомненно нам будет дано, так как большинство в Сенате составлют социал-демократы, которые не будут возражать против печатания там нашей газеты. «В крайнем случае мы поднажмем», — улыбаясь закончил т. Вастен. Мы расстались с ними друзьями, условившись поддерживать установившуюся между нами связь.

Жемчужин, когда мы встретились с ним в типографии при выпуске газеты, также разделил мое радостное настроение по поводу утреннего визита финских товарищей. С особенным интересом он заслушал мое сообщение о возможности воспользоваться для печатания газеты более оборудованной сенатской типографией. Мы условились завтра же утром отправиться в Сенат позондировать почву.

Однако наше намерение пойти следующим утром в Сенат для выяснения вопроса о типографии расстроилось неожиданным образом. Когда мы лежали еще в кровати, дверь нашей комнаты распахнулась, и на пороге появился веселый и оживленный Кирилл Орлов. Он получил письмо одного из нас и приехал сюда из Кронштадта помогать нам в работе. Нужно ли говорить, каким радостным и веселым криком мы его приветствовали? Нашего полку прибыло — теперь только держись оборонцы!

Я не сразу узнал Кирилла и только спустя некоторое время вспомнил, что видел его в Петрограде на первом митинге, в момент февральского переворота. Начались бесконечные расспросы и рассказы, которые заняли у нас все утро.

Только к 1 часу дня мы с Жемчужиным спохватились, что время не ждет и, если мы хотим пойти поговорить в Сенат, то нужно торопиться. Мы стали собираться. Кирилл также горел желанием поскорее приступить к работе, а потому вместе с нашими агитаторами двинулся митинговать на корабли.

Первое наше хождение в Сенат, к его вице-председателю Токою, не увенчалось успехом. Мы, боясь провалить все дело, не говорили, что наша газета, которую мы собираемся печатать в сенатской типографии — социал-демократическая. Токой, видя меня в мундире офицера, а Жемчужина в довольно-таки потрепанного вида пиджачишке, отнесся к нам подозрительно и не дал определенного ответа, сказав, что посоветуется со своими товарищами. Так мы ни с чем и ушли. Мы уже отчаялись-было добиться чего-либо, но на помощь нам пришел наш новый финский товарищ Вастен. Нам он разъяснил, что Токой — социал-демократ и потому можно разговаривать с ним на чистоту, а Токою сообщил, кто мы такие. И, когда через несколько дней мы опять встретились с Токоем, между нами быстро было достигнуто нужное соглашение.

Сенатская типография, когда мы ближе с ней ознакомились, произвела на нас еще лучшее впечатление, чем мы того ожидали. Огромный штат рабочих, целый ряд наборных и усовершенствованных печатных машин раскрывали перед нами широкие возможности работы. Я перенес в помещение типографии не только набор и печатание газеты, но и свою редакционную работу.

Нужно сказать, что в отношении редакционной работы мое положение было в достаточной степени затруднительным. В первое время в редактировании газеты мне помогал Жемчужин, но после выпуска первых номеров он стал мало-по-малу отходить от газетной работы, а затем по ряду дел должен был выехать в Петроград. Вслед за ним скоро уехал и Дингельштедт. Я остался и редактором, и единственным постоянным сотрудником, и выпускающим, и корректором. Одно из главных затруднений было добывание необходимого для газеты материала. Часть материала по необходимости приходилось вырезывать и перепечатывать из центральной нашей партийной прессы; часть извлекалась из матросских и солдатских резолюций и всякого рода писем; а почти половину номера нужно было заполнять своими статьями, подписывая их разными псевдонимами. И вот здесь-то и было главное мучение. Писать нужно было ежедневно очень много, а удобного места для работы совершенно не

было. Единственная наша комната, которую мы все вместе занимали и которая одновременно являлась для нас и столовой, и спальней, и деловым кабинетом, и клубом, представляла собой проходной двор, где постоянно толпилось много народа, без умолку говорившего, кричащего и обкуривающего комнату так, что от табачного дыма нельзя было вздохнуть. Я вначале героически пытался писать в такой обстановке, но наконец не выдержал и стал устраиваться с листом бумаги и карандашом, где попало: в проходе, в коридоре, на лестнице — лишь бы быть подальше от назойливого шума и гама. Наконец я нашел довольно светлое, а главное — совершенно тихое и укромное место для работы. Это была... уборная. Здесь я запирался на крючок и, хотя без особенного удобства, но в спокойствии и тишине писал свои статьи.

При переходе нашем в сенатскую типографию для меня представилась возможность работать там. В дальнейшем я уже прямо в типографии писал свои статьи, которые тут же шли в набор.

Вскоре работа наша по организации большевистских ячеек на кораблях настолько подвинулась вперед, что мы решили приступить к созданию Гельсингфорсского Комитета РСДРП. Для этого мы предложили наиболее крупным коллективам делегировать к нам своих представителей и в первых числах апреля образовали Гельсингфорсский Комитет. В Комитет этот вошли Пелихов, Орлов, Жемчужин (заочно, так как он был в отъезде), я, матрос Ховрин, матрос Марусев и еще несколько матросов, представителей судовых ячеек. Секретарем Комитета был избран упоминавшийся уже мною выше рабочий Сидоров. С этого времени и газета «Волна» сделалась органом Гельсингфорсского Комитета РСДРП. Вскоре утверждение нашего Комитета прошло официальным образом через ЦК партии. Для этого потребовалась рекомендация двух уже существующих партийных комитетов. Такую рекомендацию нам дали Петербургский и Кронштадтский Комитеты. Тов. Сидоров, приступив к своей работе секретаря Комитета, заказал в типографии отпечатать несколько тысяч партийных билетов. Когда они были готовы, стали регистрировать

членов нашей организации, выдавая им соответствующие партийные билеты.

Мы все понимали, что наш Комитет имеет временный характер, а потому принимали меры к созыву общегородской партийной конференции, для того, чтобы на ней уже избрать вполне законный и полномочный Комитет.

Наша работа неожиданно прервалась следующим обстоятельством:

4-ое апреля Гельсингфорсский Совет провозгласил днем праздника революции. Было устроено торжественное шествие по всему городу с красными знаменами, плакатами и оркестрами музыки. Мы все приняли активное участие в демонстрации. И здесь опять, как нельзя лучше, выявилось то грустное, хотя и забавное, положение, которое мы наблюдали в Гельсингфорсе все это время. Всем распоряжались и руководили офицеры. Даже на трибуне, на ярком весеннем солнце, блестели и золотились офицерские погоны. От имени партии социалистов-революционеров выступил даже не кто иной, как внушительный и солидный генерал. Здесь же я удостоился видеть еще одного активного работника комитета местной социал-демократической организации, его казначея. Это был какой-то капитан 2-го ранга, с красным носом и лицом горького пьяницы.

И вся эта шушера с большими красными бантами и значками членов Совета и Исполнительного Комитета горделиво выступала как «вожди революции», впереди безмолвных солдатских и матросских колонн.

Глядя на них, я думал: «Скоро ли жизнь вскроет вашу действительную сущность и докажет, что революция и вы — два совершенно несовместимых понятия?».

Я никак не ожидал, что уже следующий день будет в этом отношении достаточно показательным. 5-го апреля финские рабочие массы узнали, что в Петрограде Центральных Совет Профессиональных Союзов добился у Временного Правительства декретирования 8-часового рабочего дня. Между тем в Финляндии все продолжало оставаться по-старому. Это взволновало рабочие массы и выбросило их на улицу. И вот на другой же день после торжественной официальной демонстрации состоялась другая демонстрация, одушевленная непо-

средственным, конкретным, подлинно-революционным требованием. И что же? То, что можно было ожидать, осуществилось. На улице оказались одни рабочие массы. Все блестящее офицерство, которое накануне горделиво выступало впереди колонн демонстрантов, теперь трусливо попряталось по углам. Эти две демонстрации, непосредственно следовавшие одна за другою, нельзя даже было сравнить, до того они были непохожи одна на другую.

Однако финские рабочие массы все-таки не остались одиноки. Мы мобилизовали все свои силы и двинули на улицу в помощь финским рабочим демонстрантам революционные матросские части. Это было первым серьезным, активным шагом нашего молодого Комитета. Это было своего рода первым нашим боевым испытанием. Нужно сказать, что это испытание прошло для нас вполне успешно. На улице, в рядах финских рабочих и отдельными колоннами было довольно много матросов.

Здесь я опять увидел подлинное выявление рабочего Интернационала. Демонстрация, направленная к требованию восьмичасового рабочего дня, неоднократно прерывалась сценами братания между финскими рабочими и русскими матросами.

Продефилировав по улицам Гельсингфорса, демонстрация финских рабочих собралась около Рабочего дворца, и здесь состоялся митинг опять-таки при активном нашем участии. Все речи, произносимые на финском языке, тотчас же переводились на русский и наоборот. От имени Гельсингфорсского Комитета РСДРП(б) выступил Кирилл Орлов, а Пелихов взял слово, как представитель 1-го Балтийского флотского экипажа.

Как сейчас помню горячую, но в то же время выдержанную и чеканную речь т. Пелихова. Он призывал финских рабочих к решительной борьбе с предпринимателями и говорил, что Балтийский флот всегда силою своих штыков будет поддерживать все активные выступления финского пролетариата. Трудно представить себе горячий энтузиазм, который вызвала его речь.

Во время митинга пришло известие, что союз предпринимателей-металлистов собрался неподалеку в какой-то частной квартире и обсуждает создавшееся положение.

Сейчас же вся толпа решила направиться туда. Для непосредственных переговоров с предпринимателями была послана делегация финских рабочих, в состав которой, конечно, вошли и наши представители: Кирилл Орлов и Пелихов. Я, к сожалению, должен был покинуть моих товарищей и направиться в типографию выпускать очередной номер газеты. Между тем дальнейшие события разрешились чрезвычайно любопытным образом.

Орлов и Пелихов заразили своим горячим революционным темпераментом холодных финнов и фактически приняли на себя руководство действиями делегации. Разыскав помещение, где заседали предприниматели, они почти силой ворвались в это помещение и, размахивая револьверами, потребовали немедленного введения по всей Финляндии 8-часового рабочего дня. В противном случае они грозили реквизировать все фабрики и заводы.

Можно себе представить, какое впечатление могло произвести их появление на мирных буржуа, спокойно заседавших на мягких креслах в тишине кабинета. К тому же с улицы, как бы в подкрепление их слов, раздался мощный рев толпы, успевшей к тому времени подойти сюда от Рабочего дворца.

Естественно, что предприниматели испугались и капитулировали. Восьмичасовой рабочий день был завоеван.

Когда собравшаяся толпа узнала об этом, радости ее и ликованию не было границ. Матросы и финские рабочие бросались друг другу на шею.

Торжество, охватившее все улицы Гельсингфорса, продолжалось весь вечер до глубокой ночи.

Когда я, уже при мерцании звезд и свете уличных фонарей, возвращался из типографии домой, мне показалось, что я нахожусь в Неаполе в день карнавала. Отовсюду неслись веселые песни. Местами танцовали. Навстречу мне то и дело попадались уже подвыпившие группы обнявшихся финских рабочих и русских матросов. Это был подлинный день «Интернационала».

На другой день буржуазные финские газеты подняли было вой по поводу того, что русские вмешиваются во внутренние дела Финляндии. Однако уже было поздно,

дело было сделано, и, поворчав немного, они принуждены были успокоиться и замолчать.

Как бы то ни было, активное участие в завоевании финскими рабочими восьмичасового рабочего дня значительно подняло наш авторитет и показало всем, что мы представляем собою действительную реальную силу.

Следствием этого явилось то, что существовавшая в городе до нас «социал-демократическая» организация неожиданно решила вступить с нами в деловые переговоры.

Мы получили приглашение прислать своих представителей в определенный день на квартиру председателя старой организации, бывшего одновременно председателем Гельсингфорсского Совета, т. С. А. Гарина. Делегированными оказались Кирилл Орлов и я. В назначенный день мы явились на квартиру т. Гарина и застали там, кроме хозяина, еще другого видного деятеля организации—Трофимова. С первых же слов т. Гарин сообщил нам, что он старый большевик и потому всецело сочувствует и направлению нашей газеты и работе нашей организации. Трофимов же заявил, что он, хотя по убеждению и меньшевик, но постоянно работал в большевистских организациях и потому и теперь считает необходимым найти с нами общий путь.

Сообща мы констатировали, что существование в городе двух социал-демократических организаций нецелесообразно. Нужно, чтобы существовала одна организация. Но каким путем прийти к этому — мнения разделились. Представители старой организации предлагали просто объединиться. Мы же, указывая на неправильный организационный принцип построения прежней организации и на участие в ней идеологически нежелательных элементов (Хильяни и др.), настаивали на необходимости ее роспуска и уже персонально, со строгим разбором, вхождения ее членов в нашу среду. После непродолжительных прений тт. Гарин и Трофимов уступили, и было решено в один из ближайших дней созвать общее собрание членов старой организации и поставить в порядок дня вопрос об ее роспуске.

Такое собрание было созвано в бывшем дворце генерал-губернатора на второй или на третий день после на-

шего совещания. От Гельсингфорсского Комитета на нем присутствовали опять Кирилл Орлов и я.

Собрание открыл своей речью т. Гарин, который заявил, что их организация была построена на неправильной основе и весьма слабо проявляла свою деятельность. «Теперь, — продолжал т. Гарин, — в Гельсингфорс приехали опытные организаторы и построили другую организацию, опирающуюся на низы и возглавляемую Гельсингфорсским Комитетом РСДРП (б). Так как существование в одном городе двух социал-демократических организаций нецелесообразно, то я предлагаю нашу организацию распустить и предложить желающим влиться в ряды, объединяемые Гельсингфорсским Комитетом». Собрание далеко не единодушно встретило речь т. Гарина. Начались выступления. Некоторые из ораторов выражали явное недоумение, почему это им вдруг нужно ликвидироваться. Тогда слово взял Кирилл Орлов и с большой горячностью стал громить соглашательство меньшевиков, которое нам нужно изжить в своей среде. Он призывал всех объединиться под революционным знаменем большевиков и их местного органа — Гельсингфорсского Комитета РСДРП. После некоторых колебаний большинство собравшихся согласилось на ликвидацию. Видно было, с какой неохотой голосовала за резолюцию, предложенную т. Гариным, интеллигентная и офицерская часть собравшихся. Они чувствовали, что в новую организацию их уже не пустят и, следовательно, политическая карьера их заканчивается.

Итак старая организация закончила свое существование. Мы с Кириллом веселые вернулись в наше обиталище и сделали доклад о проделанной работе Гельсингфорсскому Комитету.

Однако ни одного активного работника из рядов старой организации мы так и не получили. Хильяни мы не приняли, Трофимов куда-то исчез, а Гарин раза два дал для газеты материал и тем ограничился.

Но всё же наши ряды быстро росли. Росла численность ячеек на местах, прибывали и новые работники из центра.

Первым приехал т. «Анатолий», Антипов. Я познакомился с ним здесь впервые. Он оказался очень

славным парнем и хорошим агитатором. Его приезд вызвал у нас большое оживление. Одним из первых дел, в котором ему пришлось принять активное участие, был организованный нами на Сенатской площади грандиозный митинг о земле.

К этому времени к нам стали доходить известия о том, что Временное Правительство всеми мерами, вплоть до вооруженных, препятствует русским крестьянам захватывать помещичью землю, мотивируя это необходимостью отложить разрешение вопроса о земле до созыва Учредительного Собрания. На этой же точке зрения стояли и соглашательские партии: меньшевики и эс-эры, помогавшие Временному Правительству подчас очень жестоко расправляться с революционно-настроенными крестьянами.

Эти известия взволновали не только нас, но и широкую матросскую массу. Помню, как к нам ворвалась запыхавшаяся и взволнованная группа матросов с броненосца «Слава» и, ругаясь невероятным образом, заявила, что не допустит, чтобы буржуи, заседающие во Временном Правительстве, расправлялись с крестьянскими земельными комитетами. «Мы не можем терпеть! — заявили матросы: — мы хотим созвать грандиозный митинг всех матросов и на всю Россию заявить, чтобы помещичья земля немедленно была передана крестьянам!».

Конечно, такой почин, идущий тем более с низов, пришелся нам как нельзя более по душе. Мы решили такой митинг организовать, назначили для него день и час, а пришедших матросов со «Славы» разослали по судам созывать на этот митинг «братву».

Митинг, действительно, оказался на редкость удачным. Повидимому, вопрос о земле живо интересовал и матросов, и солдат, и рабочих. На Сенатскую площадь собралась чуть ли не половина Гельсингфорса.

Первым выступил Кирилл Орлов, за ним Антипов. Было много выступлений и с мест рядовых матросов.

Общее настроение было совершенно единодушным. Все выступавшие при всеобщем одобрении высказывались за необходимость немедленной, не дожидаясь Учредительного Собрания, передачи помещичьей земли в руки

крестьянам. В этом же духе была составлена и резолюция, которая единогласно была всеми принята и в тот же день отправлена в Петроград Временному Правительству и Совету Рабочих и Солдатских Депутатов.

К сожалению, митинг омрачился одним чрезвычайно неприятным инцидентом, который в значительной степени испортил нам все настроение. Когда митинг уже наполовину закончился, на трибуне появился один из самых ненавистных нам людей, заместитель председателя Гельсингфорсского Совета, прапорщик Бриллиантов.

Я уже упоминал, какую травлю против нас предпринял этот господин, когда мы только-что приехали в Гельсингфорс. Несомненно, что никакого серьезного отношения к революции он никогда не имел и всплыл на гребень революционной волны случайно в силу естественной неразберихи первых дней Февральской революции. Теперь же он всячески старался держаться за свое «высокое» место и стремился добиться «популярности» и «всеобщего признания». Естественно, что пропустить такое событие, как наш митинг, он не мог.

Театрально вскочив на трибуну и блестя великолепным офицерским мундиром, он сказал приблизительно следующее: «Дорогие товарищи! Я нарочно пришел сюда для того, чтобы заявить вам, что в вашем требовании о земле я всей душой с вами! (Бурные аплодисменты). Земля должна принадлежать крестьянам! (Бурные аплодисменты). И как только мы разобьем этих немцев проклятых (последние слова он прокричал истерическим фальцетом), мы сейчас же приступим к правильному разрешению земельного вопроса».

Закончив речь, он повернулся и стал спускаться с трибуны, направляясь прямо на толпу. Здесь сейчас же образовался живой коридор, и по этому коридору он прошел как победитель, под громовое «ура» и несмолкаемые овации.

Мы чуть не плакали от досады, насколько масса была еще политически невоспитана. Только что с таким единодушным одобрением она слушала насквозь проникнутые интернационализмом речи наших ораторов, а вот пришел случайный для революции человек, явный демагог, бросил возмутительнейшую и пошлейшую фразу о «про-

клятых немцах», и толпа встретила и проводила его, как триумфатора. А почему? Только потому, что он с высоты своего офицерского величия соблаговолил «разрешить» так наболевший для крестьян земельный вопрос. Нет, много еще надо массе повариться в революционном котле, чтобы научиться отличать «волков» от «овец».

Митинг уже кончался, резолюция была принята, и масса стала медленно расходиться в разные стороны. Нечего делать. Пришлось и нам с тяжелым сердцем итти восвояси.

Вслед за Антиповым вскоре из Питера приехал молодой агитатор Самуил Бродский. Он пробыл у нас недолго. Походил по кораблям, поагитировал и дня через два покинул Гельсингфорс.

Между тем время шло, и вскоре приблизился долгожданный для нас день — день созыва общегородской партийной конференции. Мы вынуждены были поторопиться со днем созыва конференции, так как в середине апреля в Петрограде созывалась всероссийская партийная конференция, на которую мы хотели послать своих представителей.

Накануне мы устроили заседание активных работников Гельсингфорсского Комитета, на котором наметили общий план проведения конференции, а также порядок дня. В качестве председателя конференции было решено предложить кандидатуру С. А. Гарина, как наиболее видную и известную в Гельсингфорсе фигуру. Но так как т. Гарин, очевидно, не сможет постоянно присутствовать на конференции и будет на ней лишь урывками, было решено общее руководство конференцией поручить мне, избрав меня товарищем председателя.

По вопросу о текущем моменте у нас внутри Комитета выявились две точки зрения: одна более умеренная, приближающаяся к точке зрения, на которой стоял тогда т. Каменев, и другая более революционная, базирующаяся на знаменитых тезисах, опубликованных Лениным тотчас же по приезде его из-за границы. Представителем первой точки зрения был Кирилл Орлов, второй — Антипов. Для того, чтобы всесторонне осветить этот наиболее важный пункт порядка дня, было решено дать возможность выявиться обеим точкам зрения, вы-

двинув по текущему моменту двух названных выше докладчиков.

На другой день конференция открылась в большом зале дома генерал-губернатора. Конференция оказалась в достаточной степени многолюдной. Почти все суда стоящего в Гельсингфорсе флота имели здесь своих представителей. Было много и гостей, в числе которых я усмотрел знакомую мне фигуру пресловутого Хильяни. Однако на этот раз он скромно держался в стороне.

Конференцию открыл Кирилл Орлов, который, после краткой речи, предложил президиум в том составе, как мы наметили накануне. Собрание единогласно утвердило предложенный список, и, так как Гарина, как мы и ожидали, не было, я занял председательское место.

Сперва, как полагается, начались различного рода приветствия. Вастен приветствовал конференцию от имени левого крыла финляндской социал-демократической рабочей партии, Антипов — от имени Петербургского Комитета, я — от редакции «Волны». Был и еще целый ряд приветствий, но каких—в точности не помню. Затем начались доклады и прения по текущему моменту. Высказывавшихся было много.

Здесь я впервые увидел интересную и колоритную революционную фигуру — матроса Берга. Небольшого роста, плотный и коренастый, словно сделанный из гранита, он производил впечатление необычайной силы и мощи. С общим его обликом как нельзя лучше гармонировали и постоянно обнаженная мускулистая грудь и чрезвычайно низкий, но горячий и страстный голос. Размахивая огромными кулаками, он гремел на всю залу, негодуя против предательской буржуазии и призывая матросов и солдат твердо стоять на защите их завоевания — Советов Рабочих, Солдатских и Матросских Депутатов.

Впоследствии, уже после Октябрьской революции, мне неоднократно приходилось встречаться с Бергом: всегда он был таким же пламенным, страстным, неугомонным революционером.

Увы! Теперь его уже нет в живых. В 1918 г. он тяжело заболел и в припадке отчаяния покончил жизнь само-

убийством. Так прервалась жизнь этого самобытного и интересного низового бойца.

На короткое время на конференцию пришел и С. А. Гарин. Он также взял слово и в короткой, но яркой речи осветил предательскую роль Временного Правительства и его двойственную политику. Речь его имела большой успех.

В результате прений собрание приняло примирительную резолюцию, где, с одной стороны, Временное Правительство признавалось постольку, поскольку его действия не расходились с действиями Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов; с другой стороны, вскрывался буржуазный характер Временного Правительства и высказывалось требование передачи всей полноты власти в руки Рабочих и Солдатских Советов.

На вечернем заседании происходили выборы Гельсингфорсского Комитета, куда прошли почти все старые его члены, и выборы делегатов на конференцию.

В качестве последних оказались избранными Кирилл Орлов и Антипов; чтобы дать голос представителю Балтийского флота, был избран — матрос Николай Александрович Ховрин.

Как на курьез, рисующий слабую сознательность некоторых участников конференции, могу указать на то обстоятельство, что кем-то из присутствующих делегатов была выдвинута кандидатура на всероссийскую конференцию не кого иного, как Хильяни. Мотивировалось это тем, что он является одним из первых социал-демократических деятелей в Гельсингфорсе.

Повидимому, этот товарищ не сознавал, какая огромная разница существовала между нашими взглядами и взглядами Хильяни.

Конечно, эта кандидатура была сразу же отвергнута. Вастен выступил против нее с решительным отводом, а я даже не поставил ее на голосование.

На второй или на третий день после конференции в Гельсингфорс приехали еще двое новых работников: Владимир Залежский и Бон. С их приездом совпал следующий забавный инцидент.

Нужно сказать, что, несмотря на успешное развертывание нашей работы, далеко еще не весь гарнизон Гель-

сингфорса и не весь Балтийский флот были нами завоеваны. Из разных мест до нас доходили сведения о враждебном, а иной раз и прямо угрожающем отношении к нам. Бывали случаи, в особенности в первые дни нашего пребывания в Гельсингфорсе, когда матросов, продающих «Волну», выталкивали с того или иного корабля, а то так даже и избивали. Приходили к нам и письма с издевательствами и предложениями уехать «обратно в Германию». Давались даже сроки для отъезда, после чего жизнь наша объявлялась вне закона. Такие письма вызывали у нас обыкновенно искреннее веселье.

Однако в день приезда из Петрограда названных выше товарищей, угроза нашего разгрома чуть-чуть не осуществилась на самом деле.

Произошло это таким образом. Едва Залежский и Бон успели немножко отдохнуть у нас и посвятить нас в положение дел в Петрограде, как в наше помещение неожиданно ворвалась чрезвычайно возбужденная группа матросов с самыми аггрессивными намерениями. Повидимому, они предполагали сразу начать ломать мебель и избивать присутствующих, но, увидя, что нас что-то слишком много и кроме того среди нас находятся какие-то совершенно новые неизвестные им люди, остановились, замешкались и в результате не решились сразу приступить к активным действиям. Вместо этого они все хором стали кричать на нас, обвиняя нас во всевозможных «преступлениях». С большим трудом нам удалось утихомирить их и дать слово одному для того, чтобы он мог формулировать обвинения. Я уже не помню точно всех обвинений, которые он нам предъявил, но два особенно ярко запечатлелись в моей памяти. По этим двум можно судить о ценности и остальных обвинений.

Во-первых, он заявил, что мы самозванно назвали газету «Волну» органом Свеаборгского матросского коллектива. «Вы могли бы так назвать свою газету, — заявил он, — только в том случае, если бы все свеаборгские матросы принимали участие в ее издании».

Конечно, здесь было явное недоразумение. Нам не было ничего легче, как объяснить, что слово «коллектив»

не предполагает обязательного участия всех матросов, что коллектив — это не что иное, как группа, т.-е. всего лишь несколько лиц, которые действительно, фактически принимают участие в издании газеты.

Другое обвинение было еще более смехотворным. «К какой партии вы принадлежите?» — неожиданно задал он вопрос, обращаясь к Кириллу Орлову. — «Я социал-демократ, большевик», — ответил Кирилл. — «Ага! — злорадно и торжествующе воскликнул матрос: — а у нас на корабле вы называли себя революционером!». Тут уж мы все не могли удержаться от смеха. В кратких словах мы объяснили, что социал-демократы тоже являются революционерами, хотя и не принадлежат к партии «социал-революционеров».

Матросы были окончательно сконфужены и подавлены. Некоторые из них попытались-было указать на то, что мы призываем солдат и матросов покинуть фронт, но это звучало уже не так твердо и решительно. Атака на нас была кончена, и тут мы уже перешли в наступление. В горячей и красиво построенной речи Бон разъяснил им, что представляет собою партия большевиков и к чему она стремится, а Залежский также прекрасно и убедительно, ссылаясь на примеры Парижской Коммуны, разъяснил им, как мы смотрим на разрешение стоящих перед нами задач, связанных с войной.

Матросы окончательно присмирели. Главарь их был сконфужен и чистосердечно признался нам, что по своим взглядам он всегда примыкал к меньшевикам и его разозлило и вынудило на выступление то обстоятельство, что большевики получили в Гельсингфорсе такое влияние и даже разрушили существовавшую в городе более умеренную организацию. Остальные также извинялись и благодарили нас за сделанные разъяснения. Так они и ушли, сделавшись из врагов самыми искренними нашими друзьями.

После этого небольшого инцидента работа наша вошла в обычное русло. Теперь уже в Гельсингфорсе имелся целый ряд высоко-квалифицированных работников, со дня на день ожидался приезд Леонида Николаевича Старка, и я начал подумывать о своем возвращении в Петроград.

В самом деле, ведь фактически я был дезертиром, самовольно покинувшим свою часть и целиком перешедшим на партийную работу. Надо было как-нибудь оформить свое положение, а для этого вернуться в Петроград и поставить вопрос обо мне, опираясь на партийные организации, перед военным министерством.

Гельсингфорсский Комитет, заслушав мои объяснения, согласился отпустить меня, а редактором «Волны» до приезда Л. Н. Старка назначил недавно вернувшегося из Петрограда т. Жемчужина.

16-го апреля я выехал из Гельсингфорса.

IV. Военная организация РСДРП (б) и «Солдатская Правда».

Опять в Петрограде. — Первое заседание военной организации. — Работа в секретариате Гучкова. — Я пришелся не ко двору. — Возникновение «Солдатской Правды». — Энергия Подвойского. — Влияние «Солдатской Правды» растет. — Солдатские письма. — Поджог «Солдатской Правды». — Козни врагов. — Солдатская помощь. — Газета все-таки существует! — Всероссийская конференция военных организаций фронта и тыла. — Приближение июльских бурь.

Вернувшись в Петроград, я прежде всего явился в Запасный Огнеметно-Химический батальон. Оказывается, вследствие естественной разрухи первых дней революции, делу о моем исчезновении из батальона не был дан законный ход, но во всяком случае командный состав батальона был обеспокоен моим отсутствием. Если бы я еще задержался в Гельсингфорсе, возможно, что меня начали бы уже разыскивать. Однако я был здесь и вскоре приступил к исполнению своих обязанностей. Первое время у меня была мысль добиться служебного перевода в Гельсингфорс в одну из находящихся там воинских частей для того, чтобы продолжать так удачно начатую работу. К этому делу мы с братом привлекли Л. Б. Каменева, который пытался провести вопрос о моем переводе через Исполнительный Комитет Петроградского Совета. Однако дело это что-то затянулось; с другой стороны, я связался с нашими военными работниками Н. И. Подвойским и Вл. Ив. Невским и вместе с ними приступил к закладке нашей будущей петроградской

военной организации. В результате я так и остался в Петрограде.

Как сейчас помню первые заседания еще только начинающейся формироваться военной организации во дворце Кшесинской [1]. Первое из них происходило в небольшой зале второго этажа. Здесь я, к своему величай-

[1] Привожу протоколы двух первых заседаний военной организации. Эти протоколы в свое время были напечатаны в «Солдатской Правде» за 1917 г., №№ 37 и 39, от 2 и 4 июня.

Протокол заседания военной организационной комиссии при ПК

22 марта 1917 года.

Порядок дня:

1. Обсуждение порядка дня для учредительного собрания военной организации, имеющего быть 31 марта.
2. Проект организации.
3. Вопрос об изыскании средств.
4. Издательская деятельность.
5. Вопросы, поднятые на собрании.

По пункту 1 принять следующий порядок дня на пятницу 31 марта:

1. Проверка полномочий представителей.
2. Доклады: а) организационной комиссии, б) агитаторской комиссии и в) доклады с мест.
3. Цель и план организации.
4. Сформирование военной организации.
5. Издательская деятельность.

По п. 2 принят следующий проект военной комиссии:

1. Военная комиссия при Петерб. Комитете РСДРП составляется из представителей от отдельных частей войск выбираемых по одному от всех социал-демократов каждой части; кроме того, в комиссию входят три представителя от Петербургского Комитета партии.

2. Для связи с общепролетарскими партийными районными комитетами каждая часть избирает туда особого представителя.

3. Внутренняя организация коллективов (ячеек) в каждой части такова:

а) вначале организуется общая ячейка для всей части, избирающая из своей среды комитет;

б) впоследствии организуются более мелкие ячейки: ротные и т. д., выделяющие представителей в комитет всей части.

Постановлено немедленно приступить к организации коллективов во всех частях Петроградского округа.

По п. 3 постановлено:

1. Предложить обязательный вступительный членский взнос в размере 75 коп. и ежемесячный в 25 коп. (позднейшим постано-

шему удивлению, увидел своего взводного унтер-офицера Чиркова, с которым я в течение года почти каждый день встречался на служебных занятиях. Он был прекрасный строевик и в то же время разумный и симпатичный человек, так что я искренно порадовался, увидев его здесь. Но еще больше удивился я, увидев здесь нашего ротного

влением взносы были понижены: вступительный — до 25 коп., ежемесячный — до 5 коп. *А. Ж.*).

2. Организовать денежный сбор по подписным листам и талонным книжкам, главным образом среди рабочих и солдат.

3. Использовать все случаи для единовременных сборов на митингах, собраниях и т. д.

4. Создать особую комиссию по изысканию средств.

По п. 4 постановлено издать брошюру «Кому нужна война», на первый раз в количестве 15 тыс. экземпляров. Кроме того, принять все меры к скорейшему изданию популярных брошюр по следующим вопросам:

1) Что такое Учредительное Собрание.

2) Земельный вопрос.

3) Права и обязанности гражданина в демократической республике.

4) Почему соц.-дем. требуют скорейшего мира.

5) По национальному вопросу.

По п. 5 Привлечь к работе в военной организации опытных партийных работников.

Секретарь: солдат К. Мехоношин.

Протокол учредительного собрания военной организации при Петр. Ком. Росс. Соц.-Дем. Рабочей Партии

31 марта 1917 г.

Порядок дня:

1) Проверка присутствующих на собрании, кто и от каких воинских частей.

2) Доклад о заседаниях организационной и агитаторской комиссии.

3) Сформирование военной комиссии при Петербургском Комитете РСДРП.

4) Цель организации.

5) Издательская деятельность.

6) Доклады с мест.

По п. 1. На собрании присутствовали представители от 48 воинских частей петроградского гарнизона. Из числа присутствовавших 13 товарищей являлись выборными от уже сорганизованных соц.-дем. ячеек (коллективов); 16 товарищей, кроме того, оказались членами партии; 32 тов. — соц.-дем., но не членами партии, и, наконец, 36 товарищей, сочувствующих социал-демократической партии

казначея. Про него я знал только, что он большой любитель выпить. Впрочем, на следующих заседаниях я его уже не видел. Возможно, что он забрел на это заседание случайно, так как вход на него был свободен. Здесь же, на этих собраниях, стал формироваться тот кадр работников военной организации, который вынес на своих

Во время подсчета состава собрания т. Невский сделал доклад о положении на Путиловском заводе, выяснив, что начатая против рабочих травля ни на чем не основана и целью своей имеет посеять рознь между двумя крупными силами революции — рабочими и солдатами. Обследование заводов депутатами с фронта выяснило истинную причину сокращения работ — недостаток материалов, неприспособленность буржуазной организации к полному использованию производительности завода и желание перенести обвинение с себя на рабочих. В травле против рабочих нужно видеть первый контр.-революционный шаг капиталистов в борьбе их за власть против народа. (В дальнейшем мы уже видели целый ряд попыток внести рознь в среду революционного народа: травля большевиков, обвинение фронтовых солдат в дезертирстве, нападки на петроградский гарнизон и Совет, натравливание одних частей войск на другие и т. д. *А. Ж.*).

По докладу т. Невского, собрание единогласно приняло резолюцию протеста против травли рабочих и постановило вести широкую агитацию в духе этой резолюции.

После доклада о Путиловском заводе, собрание выслушало доклад делегатов от Екатеринбургского и Камышловского Советов. В обоих городах соц.-демократы играют главную роль и являются главными руководителями политической жизни. Ведется большая организационная работа. Советы Рабочих и Солдатских Депутатов являются единственной, пользующейся доверием, властью.

Оба товарища делегата были снабжены наказами относительно линии поведения на совещании съезда представителей Советов Раб. и Солд. Депутатов.

По п. 2. Выслушав доклады о заседаниях организаторской и агитаторской комиссии, собрание вполне присоединилось к выработанному плану организации и принятым уже мерам. По поводу докладов товарищей, в которых сообщалось, что травля против рабочих все ширится и ширится, были сделаны следующие предложения. Одной из задач настоящего момента должна быть самая энергичная и массовая борьба солдат против травли рабочих. Необходимо организовать делегации для осмотра заводов и опубликовывать результаты. В состав делегации должны войти офицеры, как, в большинстве случаев, инициаторы этой травли в войсках.

Далее было постановлено организовать агитаторские кружки для подготовки большого количества массовиков-агитаторов. Нужно вести массовую агитацию — на всех собраниях, митингах, в кучках на улице, в казармах и окопах. Следует пробуждать всех малодеятельных товарищей и звать их к участию в политической борьбе.

плечах всю тяжесть бурных революционных событий последующего периода. Помню спокойного, рассудительного прапорщика Тер-Арутюнянца с большой шевелюрой черных волос, помню бурно-пламенного прапорщика Куделько, помню осторожного, всегда на чеку, подпоручика Тарасова-Родионова, помню солидного, блещущего сединой, но всегда оживленного солдата Белякова, помню мрачного на вид, сутуловато держащегося, но всегда твер-

Ближайшие и главные задачи каждого коллектива (ячейки) в воинской части:

1) Поддерживать самую близкую связь с военной организацией.

2) На собраниях коллектива обсуждать все текущие вопросы.

3) Привлекать новых членов в свою среду.

4) Читать и распространять наши газеты и книги.

5) Выступить на всех батальонных и ротных собраниях, проводя в них наши взгляды; предлагать наши резолюции, разоблачать все противо-революционные попытки.

6) При выборах в ротные и батальонные комитеты, в суды чести и другие общественные организации проводить наших единомышленников.

7) Внимательно следить за деятельностью комитетов и отдельных выборных, критикуя их на собраниях.

8) Особенное внимание обратить на контроль за делегатами в Советах Рабочих и Солдатских Депутатов, организуя, в случае надобности, перевыборы их.

9) Призывать товарищей к крайней осторожности при всяких выборах, предлагая в важных случаях тайное голосование.

10) Давать наказы всем выборным, с требованием неуклонного выполнения наказа.

11) Призывать товарищей к организованной борьбе, предостерегая от несогласованных выступлений.

Из обмена мнений выяснилась цель организации — объединение всех тт. солдат и офицеров соц.-дем. для организационной борьбы под знаменем Росс. Социал-Демократической Рабочей Партии большевиков.

По вопросу о сформировании военной комиссии собрание постановило: считать комиссию, состоящую из выборных от коллективов, из тт. военных членов партии и представителей от ПК — временной.

Далее был избран президиум из 9 человек и следующие комиссии: 1) по изысканию средств; 2) ревизионная; 3) агитаторская; 4) издательская; 5) организационная; 6) клубная; 7) библиотечная. Затем был избран кассир и бухгалтер.

По п. 5. Собрание постановило: немедленно приступить к организации издания газеты, как лучшего способа массовой агитации и влияния.

Выполнить постановление поручено президиуму.

дого и непреклонного доктора С. М. Нахимсона[1] и целый ряд других. Многих из них уже нет сейчас на свете. Они доказали свою преданность делу революции. За нее они отдали самое дорогое — собственную жизнь.

Секретарем военной организации был избран солдат Гренадерского полка Константин Александрович Мехоношин. Он как нельзя более отвечал своему назначению секретаря организации. Спокойный, рассудительный, усидчивый, он проводил в комнате, отведенной для военной организации, многие часы, без устали беседуя с прибывающими со всех сторон многочисленными делегатами воинских частей. Часто заходя во дворец Кшесинской, я всегда знал, что кого-кого, а уж Мехоношина я непременно найду на своем месте. Беседуя с ним, я узнал, что он не просто «солдат», а всесторонне образованный интересный человек, мало того, молодой ученый, ездивший незадолго до революции в Туркестан на научно-исследовательскую работу.

Переходя к личностям, нельзя не остановиться на двух других активных работниках военной организации: Николае Ильиче Подвойском и Владимире Ивановиче Невском. Оба они как бы взаимно дополняли друг друга. Подвойский был главным организатором и вообще душою военной организации, Невский — главным и любимейшим солдатским агитатором-учителем. Невский как бы взрыхлял девственную почву политического сознания солдатско-крестьянских масс, а Подвойский засевал их семенами дисциплины и организации. Когда я впервые увидел их на первом собрании военной организации (раньше нам встречаться как-то не приходилось), то их костюмы и простые, обветренные, хотя и одухотворенные мыслью лица заставили меня предположить, что оба они рабочие из крестьян, одни из тех самородков, которых время от времени выдвигает на арену политической жизни рабочий класс. Каково же было мое удивление, когда я вскоре узнал, что Подвойский по происхождению дворянин и окончил такое привилегированное учебное за-

[1] Старый член РКП (б). См. о нем книжку А. Ф. Ильина-Женевского — «С. М. Нахимсон» (биография), в изд. рабоч. изд-ва «Прибой». Ленинградский Истпарт, 1925 г. *Ред.*

ведение, как лицей, а Невский окончил два факультета и не так давно являлся ассистентом Харьковского университета. Неутомимости того и другого можно было прямо удивляться. Можно смело сказать, что по крайней мере две трети всей работы лежали на плечах этих двух товарищей.

Говоря о руководителях организации, нельзя не остановиться еще на одном малоизвестном, а теперь и вовсе забытом товарище. Я говорю о солдате автомобильной роты Черепанове. Чахоточный, худой и бледный, он с редким самоотвержением и преданностью отдавался организационной работе, не щадя времени и сил. Увы! работа и болезнь рано подкосили его. Он надорвал свои силы и в 1918 году умер от чахотки, кажется — где-то на юге России.

Организационная работа не надолго поглотила меня. Подвойский нашел, что меня гораздо полезнее будет использовать как партийного литератора и газетчика, и потому я вскоре получил от военной организации назначение быть членом редакции только-что поставленной военной партийной газеты «Солдатская Правда». В середине апреля я приступил к своим новым обязанностям.

Однако, прежде чем перейти к рассказу о моей работе в редакции «Солдатской Правды», я хочу коснуться моей службы в Запасном Огнеметно-Химическом батальоне, в котором попрежнему я состоял младшим офицером постоянного состава. Здесь со мной произошло любопытное происшествие.

Военный министр Временного Правительства Гучков обратился в нашу часть, как техническую, а потому более или менее лево настроенную, с просьбой прислать к нему для работы в его личной канцелярии кого-нибудь из наиболее левых офицеров. Нет ничего удивительного, что взор командира нашего батальона в первую очередь остановился на мне, хотя, конечно, ни он ни остальные офицеры батальона даже и не подозревали, до какой степени простирается левизна моих взглядов. Так или иначе, но я получил предписание явиться на Мойку в дом военного министра и приступить к исполнению обязанностей в личном секретариате Гучкова. Это было как раз в тот момент, когда я по партийной линии

приступил к работе в редакции «Солдатская Правда». И получилось так, что утром я, в силу своего официального положения (отказаться я не мог!), работал в секретариате Гучкова, а вечером, вместе с Подвойским и Невским, выпускал очередной номер «Солдатской Правды», активно боровшейся против того же Гучкова. Впрочем, не я один из моих товарищей по партийной работе был в таком же двойственном положении. Военная служба заставляла работать на оборону, а, следовательно, и на укрепление того строя, против которого мы, как члены партии, активно боролись. Здесь ничего нельзя было поделать. Надо было только уметь использовать выгодные стороны своего положения. И я использовал их, хотя это и носило несколько юмористический характер.

Работа, которую на меня возложили в секретариате Гучкова, заключалась в следующем. Гучков, ища, по-видимому, популярности, хотел, чтобы ни одна приветственная телеграмма на его имя не оставалась без ответа. И вот, на меня и была возложена обязанность отвечать на эти телеграммы под руководством двух полковников, которые были уполномочены Гучковым подписывать его именем телеграммы такого рода. Полковники эти, кстати сказать — большие лентяи, убедившись, что я человек грамотный и не монархист, почти не читая подписывали именем Гучкова те телеграммы, которые я им составлял.

Однако через несколько дней они почувствовали, что тут что-то не ладно. Действительно, мои ответы иногда оказывались ушатом холодной воды, выливаемой на горячие головы ура-патриотов. Так, на телеграмму, говорящую о войне до победного конца, я отвечал телеграммой, выдвигающей лозунг мира без аннексий и контрибуций; на телеграмму, призывающую к разгрому проклятых немцев, я отвечал телеграммой, говорящей о международной солидарности, и т. п. Полковники начали поглядывать на меня косо. Раза два я заметил, что текст моей телеграммы потихоньку от меня переделывался, а когда произошло падение кабинета Гучкова и на пост военного министра вступил Керенский, я был откомандирован обратно к себе в Запасный Огнеметно-Химический батальон.

Редакция «Солдатской Правды», когда я в нее вступил, состояла, кроме меня, из тт. Н. И. Подвойского, В. И. Невского и З. Лилиной. Центральным пунктом нашего местопребывания формально являлся дворец Кшесинской, где постоянно находился кто-нибудь из наших сотрудников и куда поступал весь приходящий на адрес редакции материал; но, по существу, главная работа проводилась нами непосредственно в типографии Общественного Градоначальства (8-ая рота Измайловского полка[1], в доме № 20-б), где печаталась «Солдатская Правда». Здесь в нашем распоряжении была довольно просторная комната, где мы все собирались и, параллельно с выпуском и корректурой[2] очередного номера, распределяли между собою и текущую работу, писали статьи и правили для помещения в газете ежедневно в огромном количестве приходящие к нам с фронта и тыла солдатские письма. Работа у нас протекала очень дружно. Некоторые возбуждавшие сомнение статьи мы сообща прочитывали и, обсудив, вносили в них необходимые исправления. Насколько я помню, никогда серьезных прений по поводу помещения той или иной статьи у нас не возникало.

Несколько особое положение в нашей редакции занимал Н. И. Подвойский. Будучи чрезвычайно занят руководящей работой в военной организации, он к нам являлся, хотя и регулярно каждый день, но всегда урывками, наскоком, внося своим появлением большое оживление и сразу на несколько вольт усиливая напряжение и темп нашей работы. Нося в своей изумительной голове огромное количество всякого рода мыслей и планов, он, появляясь у нас, сыпал ими как из рога изобилия, давая общее направление нашей работе и конкретные темы наших очередных статей. За все время своей работы в «Солдатской Правде» Подвойский сам лично не написал ни одной статьи, но все же я нисколько не ошибусь, если скажу, что по крайней мере 50% всех поме-

[1] Ныне 8-ая Красноармейская.

[2] Специального корректора у нас в то время еще не было. Впоследствии мы приспособили для этой цели мою, ныне покойную, жену Лидию Борисовну, урожденную Витмер.

щенных в газете статей было инспирировано им. Это звучит парадоксально, но это факт.

В моем архиве сохранилась одна записка т. Подвойского, чрезвычайно ярко его характеризующая в этом отношении. Записка эта относится к июлю того же 1917 года.

Как-то раз вечером, утомленный работой, которая отнимала у меня не только день, но и значительную часть ночи, я решил немного развлечься и пойти в кинематограф. Мое «преступление» было немедленно обнаружено т. Подвойским, который, зайдя ко мне домой и узнав, что я в кинематографе, оставил мне следующее «грозное» послание:

«Александр Федорович!

«Вместо кинематографа лучше бы вы написали статьи 3. Ведь у нас к номеру завтрашнему есть только одна статья. Нет ни передовой, ни истории событий 3—6 июля, ни статьи с оценкой этих событий, ни статей по поводу смертной казни, по поводу приказа Корнилова, по поводу привлечения к уголовной ответств[енности] и наказанию каторгой подстрекателей, об историческом заседании Центрального Исполнительного Комитета, где судились большевики, ни о моск[овском] заседании, ни о расформ[ировании] пулеметн[ого] полка, ни о прекращении расформир[ования] др[угих] полков, ни о вновь прибывших частях и их настроениях, ни о закрытии «Голоса Правды» и «Волны»[1] с арест[ами] редакций, ни об арестах (в частности об аресте работников в «Солд. Правде» — 5 чел.), ни о запрещении и закрытии наших газет, ни о выступлении Церет[елли], Керенск[ого], Либера, ни о Ленине, и т. д. и т. д. Нужно написать статьи маленькие и не позднее 3 ч. дня доставить на Невск[ий] 3»[2].

В этом документе замечательно то, что Подвойский указывает 17 (!) тем статей для одного номера и, повидимому, в голове у него их еще больше, так как он заканчивает перечисление тем многозначительным «и т. д. и т. д.». Таким буквально неисчерпаемым на всякого рода идеи он был всегда.

Особенно наседал Николай Ильич на Невского, чрезвычайно плодовитого по части писания статей. Находясь под постоянным давлением, Невский писал за де-

---

[1] «Голос Правды» и «Волна» — газеты, органы: первая — Кронштадтского, вторая — Гельсингфорсского Комитетов РСДРП (б). *А. Ж.*

[2] На Невском помещалось отделение Союза Городов, где служил т. Подвойский. *А. Ж.*

сятерых, и потому в статейном материале у нас никогда недостатка не было.

Тов. Лилина работала у нас недолго и недели через три перешла на другую работу.

Главной задачей, которую ставила себе «Солдатская Правда», было идейное завоевание солдатской массы и в первую очередь петроградского гарнизона. В этом отношении «Солдатская Правда» с первых же своих шагов явилась правой рукой военной организации.

Поставленная перед газетой задача предопределяла и ее характер и содержание. Прежде всего газета должна была рассчитывать на самого неподготовленного, малограмотного читателя. Поэтому статьи и заметки составлялись нами весьма популярным языком и начинались всегда с самых основ затрагиваемого вопроса. Иностранные слова, конечно, никоим образом нами не допускались. Для придания статье наиболее приемлемой для солдат формы мы почти всегда обменивались написанными статьями для взаимного исправления, буде таковое потребуется. Другой характерной особенностью газеты являлся некоторый ее уклон в сторону освещения крестьянских вопросов. Мы учитывали то обстоятельство, что огромное большинство армии составляют крестьяне, переодетые в солдатские шинели. Поэтому естественно, что вопросы деревни и, в первую очередь, основной вопрос о земле должны были живо интересовать солдатскую массу.

Правильно взятый газетою курс способствовал ее быстрому успеху. Уже в самом начале издания газеты тираж ее определился в 50 тысяч экземпляров и обнаружил тенденцию к дальнейшему его увеличению.

Успех газеты сказывался и в том огромном количестве солдатских писем, которые мы со всех сторон получали. Число этих писем с каждым днем все более и более возрастало. В большинстве из них, написанных полуразборчивым корявым почерком, солдаты-корреспонденты грубыми, но в то же время правдивыми и искренними словами описывали свою тяжелую солдатскую жизнь и высказывали горячее сочувствие газете и партии, выразительницей которой «Солдатская Правда» являлась.

Благодаря своей постоянной привычке собирать все относящееся к революции, мне удалось сохранить почти полностью архив «Солдатской Правды», и сейчас, когда я пишу эти строки, целый ряд писем из этого архива лежит передо мной, напоминая эту великую бурную эпоху. Не могу не удержаться, чтобы не привести некоторые из этих писем. Вот, например, характерное письмо от солдата, только-что познакомившегося с нашей газетой. Привожу его с полным сохранением стиля подлинника:

«Товарищ редактор!

«Только-что случайно получил и прочитал первые номера вашей газеты „Солдатская Правда“, за которые весь эскадрон приносит благодарность, а также и ее главным сотрудникам, тов. Ленину и Зиновьеву.

«Товарищ редактор, с этим письмом посылаю перевод пять рублей для получения до конца года газеты „Солдатская Правда“; если сколько нехватит денег, мы доплотим, только просим не отказать в вашей уважаемой газеты, в которой у нас ощущается острая нужда.

«Товарищ редактор, еще просим не отказать сообщить, где и как можно достать литературы для пропагандирования в войсках. В этим тоже терпим большую нужду, так как с положением партии не знакомы, а самы малограмотные, чем господа офицеры и пользуются нашей темнотой, стараются забить нам головы каким-то „военным союзом“, чтобы солдаты в него записывались. Что он такое из себя представляет и какая его задача, мы и понятия не имеем, но по нашему рассуждению их одна цель, это проведение большинства голосов из своей партии в Учредительное Собрание. Просим на некоторые вопросы, если не затруднительно, ответить письменно, хотя отчасти дать небольшое разъяснение. Мой адрес:

«Действ. арм., Стрелковый полк 7-ой кавалерийской дивизии, II эскадрон, В. М. Горончерову. 11 мая 1917 г.».

Или вот еще:

«Гражданин редактор!

«Настоящим просим вас, потрудитесь посылать к нам на фронт вашу уважаемую газету „Солдатская Правда“, которая льет к нам в сердце массу просвещения. Мы не хотим читать газет капиталистов, как-то газеты „Новое Время“, „Биржевые Ведомости“ и т. п. Они только разочаровывают нас. Просим высылать с 1-го июня по 1-ое сентября. Деньги мы шлем по переводу за 3 месяца. Адресовать: Действующая армия. Штаб 442 Кашинского пех. полка. Степану Мельникову».

Таких писем были сотни. Все они показывали, что «Солдатская Правда», попадая в руки солдат, быстро завоевывала их симпатии.

Однако, почти одновременно мы стали получать письма, ясно говорящие о том, что контр-революционное офицерство принимает все меры к тому, чтобы «Солдатская Правда» не попадала в руки солдат. Сначала когда солдаты еще не знали, почему зачастую газета не доходит до них, мы получали письма такого содержания:

«Товарищ редактор!

«Прошу вас, пожалуйста, сообщить мне, почему вы не высылаете нам свои газеты, которые мы желали выписать и собрали свои последние копейки, пожелали получить вашу газету, а ее до сего времени нет».

(Из письма Ильи Гусева. Действ. армия, 20-й Гренадерский Базарджикский полк, команда траншейных орудий).

Позднее солдаты поняли, в чем тут дело, и дальнейшие их письма прямо говорят о происках контр-революционного офицерства. Вот, например:

«Милостивый государь, г. редактор.

«Сдаваемые вами газеты „Солдатская Правда", на имя ваших любезных подписчиков — защитников родины, т.-е. солдат, не достигают своего назначения, вследствие чего прошу оказать нам в данном случае ваше серьезное к тому содействие, дабы последним предотвратить это нежелательное действие наших противников г. офицеров, которые, считая, что означенные газеты принесут для нас много пользы, из-за которой мы стремимся к данному здесь вопросу. Господа же офицеры задерживают упомянутые газеты для собственной пользы, сознавая, что из последних солдаты могут причинить первым ущерб. Из сказанного вытекает, к чему же тогда наши деньги истрачены. Все должно пропасть безвозвратно и тщетно. А потому, на основании вышеизложенного, прошу вас, м. г., принять строгие меры для предотвращения противных действий наших соперников. Наш адрес: Действующая армия, команда пеших полковых разведчиков 160 Абхазского полка».

Вот еще характерное письмо, говорящее о том же:

«Дорогие товарищи-солдаты!

«Вы нас просите и внушаете в том, чтобы мы читали и разъясняли, что вы пишете в ваших газетах, мы чувствительно тронуты вашей политической правдой, — что она дает нам разум для защиты дорогой нам свободы, но только лишь в том вопрос, что мы не получаем газеты. Покорнейше просим вас, чтобы вы постарались прислать нам газеты «Солдатская Правда», потому что в ней пишут наши единокровные товарищи про жизнь солдата. Еще просим вас, дорогие товарищи-солдаты, в том относительно буржуазии, заглушать их на всяком шагу против дорогой свободы нашей, пусть эта их правда не существует для вреда нашей свободы. Эта буржуазия готова еще воевать, сколько хочешь, но вы сами хорошо

знаете, что наш товарищ и брат уже стал изнурен и бессилен. Подумайте сами, ведь три года уже как мы страдаем в этой проклятой скотской бойне, а конца ей никто нам не покажет. До каких же пор наш брат будет страдать здесь на фронте без дела. Дорогие товарищи, просим вас, хлопочите о конце кровопролития; дорогие товарищи, напишите скорей нам ответ, ждем. Ваши кровные товарищи Павел Лежнев и Николай Алексеев, адрес наш: Действ. армия, 131-ый Тираспольский полк, 2-ая рота».

О тяжелом положении солдата на фронте говорит почти каждое письмо. Вот несколько характерных отрывков:

«...Мы, солдаты окопов, терпели холод и голод, в Карпатах были забрызганы грязью с головы до ног, нам никогда не было отдыха, нас гоняли по 40—100 человек в халупу. Мы сидели в окопах без патронов и часто без ружей. Нас с голыми руками посылали разрывать проволочные заграждения, артиллерия нам не помогала, потому что у нее не было снарядов, и безоружные цепь за цепью гибли на проволочных заграждениях под градом снарядов и пуль из немецких окопов».

(Из письма солдата 322 Солигаличского полка Куварина).

Или вот:

«Мы, товарищи, солдаты 2-го корпуса, сидим в сырых окопах второй год, и нет нам смены, чтобы выйти на вольный воздух вдохнуть нам немного, взять в себя хорошего воздуха. Теперь мы все, товарищи, солдаты 2-го корпуса, больны стали оттого, что зиму мы не видали свету. Сидим в землянке, нет окна, только горит один огоничек, как вольный глаз блестит, и от него нет свету, только одна копоть, а мы ее принимаем всю в себя. Вот мы отчего больны».

(Из письма солдата 4-ой роты 13-го Сибирского стрелкового полка, С. И. Голубова).

Или еще:

«...Не верится, что у нас в России есть свобода. Нет, у нас в окопах нету свободы. Мы все равно сидим в лисьих норах и ждем ежеминутно своей смерти.

«А начальство наше живет в деревнях и в городах. И пьют и гуляют, а нам пощады не дают».

(Из письма солдата В. Е. Каца).

Естественно, что невозможные скотские условия жизни вызывали в солдатах протест против войны и единодушное устремление к миру. О мире в том или ином виде говорит каждое солдатское письмо. Одни только мечтают о мире, как о несбыточном счастье, другие требуют мира и подчас не останавливаются перед угрозами. Вот одно из характерных писем такого рода:

«...Почему все у Петрограде солдатские и рабочие депутаты не думают про мир? Все солдатские настроения к миру. Почему? Да потому, что голые и босые и голодные говорят так: ждем миру, а если не будет, то изделаем сами мир, тогда будет и усем. Нет. нету ни одного человека, ни одной души, которая б издумала про мир, хотя бы солдатские и рабочие депутаты. А и не сдумают про братьев своих, плохо, наверно, думают об нас и, наверно, позабыли уже нас у далекой стороны и у сырых и холодных окопах, но будет всем, если не сделают мира до зимы, увидите, тогда будет из всеми раздел, кто не по правильной пути идет».

(Из письма старшего унтер-офицера 4-го взвода, 1-ой роты, особого батальона при 4-ой пехотной дивизии).

Таких писем можно было бы привести бесконечное множество. Все они давали нам прекрасное и полное представление о солдатских настроениях фронта и тыла. И по этим письмам мы смогли проследить одно чрезвычайно важное явление: быстрый рост сознательности и революционности армии. Если в первых письмах, часть которых я здесь привел, выявляются еще не вполне осознанные и в большинстве стихийные солдатские чаяния, то в последующих письмах эти чаяния уже совершенно ясно и точно сформулированы в духе тех основных требований, которые выставляла на своих знаменах наша партия.

Мы в редакции газеты стремились ни одно из этих писем не оставить без ответа. Часть их мы после литературной обработки помещали в газете, на остальные, выставляющие какие-либо вопросы, по мере возможности отвечали почтой. Конечно, это была чрезвычайно тяжелая работа. Количество писем все время возрастало, и у нас буквально нехватало рук. Пришлось для правки солдатских писем и ответа на них привлекать новых работников. Частично в этом отношении нам сперва помогала симпатичная т. Сулимова, потом Николай Ильич притянул для этой цели талантливую детскую писательницу, члена нашей партии т. Алтаеву, и, наконец, в дело вошла моя жена Лидия Борисовна, которая впоследствии сделалась и нашим постоянным корректором.

Активно помогал нам в нашей работе старый партийный работник, человек пожилого возраста, т. Доброхотов. Через его руки также прошло огромное количество солдатских писем и статей. Иногда он писал и сам.

Я уже сказал, что тираж и влияние «Солдатской Правды» быстро возрастали. К маю месяцу значительная часть петроградского гарнизона стояла на нашей политической платформе.

Естественно, что наши враги, видя свое бессилие бороться с нами на идейной почве, не могли не сделать попытки в той или иной форме физически уничтожить нас. Такая попытка состоялась в субботу 13 мая 1917 г. В этот день, в 5 часов утра, в помещение редакции, во дворце Кшесинской, проникли какие-то два офицера и один штатский. Они облили бензином лежащие на полу кипы газет, приготовленных для бесплатной отсылки на фронт, и подожгли их. Совершив свое гнусное дело, они вскочили в поджидавший их автомобиль и быстро скрылись. Однако усилиями проснувшихся товарищей пожар был потушен. Сгорело около сорока тысяч экземпляров газеты, а также несколько обгорели стены и потолок комнаты. Из людей никто не пострадал.

Но этим не ограничился натиск врагов на «Солдатскую Правду». Вскоре мы начали испытывать целый ряд «технических» затруднений с выпуском нашей газеты, пока, наконец, в начале июня типография Общественного Градоначальства прямо не заявила, что «за перегруженностью различными работами» она не может более печатать «Солдатскую Правду».

Положение становилось критическим. Дело, с таким трудом поставленное, грозило сорваться. Оставалось только одно — обратиться за помощью к своим друзьям и верным защитникам — солдатам и рабочим г. Петрограда. И мы выпустили очередной номер газеты от 19 июня (6 июня ст. ст.) с таким воззванием, крупно набранным и помещенным на первой странице:

«Товарищи солдаты, товарищи рабочие и работницы! Типография Общественного Градоначальства за перегруженностью различными работами не может далее выпускать вашу газету „Солдатская Правда“. Завтра „Солдатская Правда“ уже не выйдет, завтра вы, солдаты, рабочие и работницы, уже не услышите голоса „Солдатской Правды“.

«Товарищи солдаты, рабочие и работницы! Если нужна вам та газета, которая без всяких колебаний, без всяких зигзагов вела вас по пути к социализму, если нужна вам та газета, большую половину которой вы заполняете своими солдатскими и рабочими письмами, резолюциями и статьями, если нужна вам газета, которая простым

языком говорила вам о том, чего вы не знали или чего не понимали, — то вы сделаете все, что нужно, чтобы „Солдатская Правда“ выходила. Вы, солдатская и рабочая беднота, пойдете по казармам, по заводам и на собранные пятаки купите типографию для „Солдатской Правды“.

«Только купив свою типографию, вы обеспечите беспрерывный выход вашей газеты и можете увеличить ее размер.

«Пусть каждый, кто читает или слушает „Солдатскую Правду“, соберет в один-два дня два-три рубля на покупку типографии.

«Товарищи! Не медлите ни одной минуты! Пусть ни одна минута, с момента прочтения этого нашего обращения к вам, не пройдет без сбора хотя бы нескольких копеек на покупку типографии.

«За дело товарищи: „Солдатская Правда“ в ваших руках.

Редакция».

Помощь со стороны солдат и рабочих не заставила себя долго ждать. Еще воззвание наше было только в наборе, а мы уже получили первое пожертвование — 33 р. 50 к. Его внесли, сложившись между собою, наборщики, набиравшие нашу газету.

Вслед за этим пожертвованием последовал целый ряд других. Некоторе группы солдат разукрасили свои ротные двуколки флагами, прикрепили к ним агитационные лозунги и выехали на улицы Петрограда собирать пожертвования в пользу «Солдатской Правды». Такие двуколки много помогли в сборе необходимых нам средств. Однако, пока-что из типографии Общественного Градоначальства пришлось уйти, и несколько дней газета вовсе не выходила.

Это был тяжелый момент в жизни нашей организации. Солдаты и рабочие, сочувствующие нашей газете, прилагали все усилия для того, чтобы собрать как можно больше средств и дать возможность газете вновь выйти в свет.

Хотя капиталы наши быстро росли, но, конечно, мы одни не в состоянии были бы скоро собрать необходимую для покупки типографии сумму. На помощь нам пришел наш центральный орган — газета «Правда», который также мечтал о собственной типографии и собирал для этого средства. Сложив наши скудные ресурсы, мы смогли, наконец, купить довольно приличную типографию «Труд», помещавшуюся неподалеку от Таврического дворца на Кавалергардской улице в доме № 40.

Здесь вновь родилась, к великой радости петроградских солдат и рабочих, наша «Солдатская Правда».

С переездом в новое помещение наша редакция обогатилась еще одним ценным сотрудником, а именно Львом Николаевичем Александри. Об Александри я слышал еще в 1916 году от Л. Н. Старка. Он тогда только-что приехал из-за границы и в подошве сапога привез чрезвычайно ценную для нас нелегальную литературу. Теперь я имел удовольствие лично с ним познакомиться. Человек в высшей степени образованный и литературный, он сверх того отличался большой усидчивостью и с головой зарывался в кипы всякого рода редакционного материала, просиживая за правкой его до глубокой ночи. Его приход значительно разгрузил меня, так как теперь я уже не должен был, как раньше, почти все ночи просиживать над выпуском очередного номера.

В середине июня, почти одновременно с нашим переездом в новое помещение, в жизни военной организации произошло большое событие — состоялась всероссийская конференция наших партийных военных организаций фронта и тыла. К созыву этой конференции мы готовились уже давно. На фронт и в некоторые тыловые города с большими гарнизонами нами были посланы специальные уполномоченные, которые должны были выявить местных большевиков и добиться командирования представителей их в Петроград на конференцию. Этими уполномоченными была проделана огромная подготовительная работа. Бывало так, что тому или иному нашему уполномоченному, приезжая в город и не имея никаких адресов, приходилось обращаться в штаб находящейся в городе части, а то так и прямо останавливать проходящего по улице солдата вопросом: «А где тут у вас находятся большевики?». И обыкновенно, если не целую организацию, то, по крайней мере, хоть одного большевика ему всегда указывали, а по одному он мог докопаться и до остальных. И таким путем удалось достичь того, что на конференцию съехалось 160 делегатов, от 500 приблизительно полков, представлявших 26 тысяч организованных в коммунистические ячейки солдат. С внешней стороны конференция прошла очень удачно. Докладчиками с большим успехом выступали тт. Ленин и Зиновьев, которых большинство делегатов видело впервые. Резолюции, которые вынесла конференция, вполне

согласовались с общим духом и направлением нашей общепартийной политики.

Но одно обстоятельство явилось для нас совершенно неожиданным и заставило нас призадуматься — это дух неугомонного бунтарства, под знаком которого проходили все выступления делегатов с мест.

Мы еще не ставили тогда вопрос о вооруженном восстании в порядок дня. Для этого у нас не было ни необходимых сил ни средств, да и обстановка отнюдь не благоприятствовала этому. Мы еще только организовывались и копили силы. Между тем в выступлениях на конференции отдельных делегатов звучал призыв сейчас же вооруженной рукой решить вопрос о власти. Были даже совершенно конкретные предложения прекратить обсуждение стоящих в порядке дня вопросов и превратить конференцию в аппарат вооруженного восстания. Конечно, руководителям конференции, хотя и с трудом, удалось отвести конференцию с этого опасного пути и благополучно закончить деловое обсуждение стоящих перед конференцией вопросов.

Конференция закончилась, но революционное клокотание в низах солдатских масс, выразителем которого в некоторой своей части явилась конференция, не прекращалось. И вскоре оно совершенно стихийно и неудержимо вылилось на улицу.

Наступили знаменитые июльские дни.

V. Июльские дни.

Настроение в Кронштадте. — Выступление 1-го Пулеметного полка. — В Химическом батальоне. — Химический батальон не хочет выступать. — 5-ое июля. — Дворец Кшесинской приготовляется к обороне. — Мы пытаемся достать оружие. — Делегация к Половцеву. — Разгром «Правды». — Как мы выпускали «Солдатскую Правду». — 6-ое июля. — Ультиматум Временного Правительства. — Нас окружают. — Мирные переговоры. — Мы сдаемся.

Приближение июльских дней чувствовалось всюду. Стихийно нарастало недовольство широких солдатских масс контр-революционной политикой Временного Правительства.

В редакцию «Солдатской Правды» каждый день большими кипами приходили простые солдатские письма с жалобами на тех, кто тормозит проведение в жизнь революционных начинаний, и с угрозами по адресу буржуев и контр-революционеров.

Такой же рост оппозиционных настроений мог я наблюдать и в Запасном Огнеметно-Химическом батальоне. Здесь почти ежедневно велись оживленные дебаты и споры по вопросам текущего момента. Но в общем эта часть была настроена еще оборончески, и в комитетах ее заседали выбранные с начала революции меньшевики, эс-эры и беспартийные неопределенного толка.

Зато, где действительно все кипело и бушевало — так это в Кронштадте. Мне незадолго до июльских дней пришлось пробыть там около недели. Брат мой, Ф. Ф. Раскольников, с делегацией от Кронштадтского Совета объезжал в это время балтийское побережье и просил меня в его отсутствие взять на себя редактирование кронштадтской газеты «Голос Правды». На местных митингах то и дело раздавались возгласы: «Долой Временное Правительство!». Горячие головы настаивали на немедленном походе в Петроград с требованием передачи власти в руки Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. Раздавались даже упреки по адресу большевистских вождей за то, что они якобы «трусят» и не хотят свергать Временное Правительство.

У меня до сих пор сохранилась одна маленькая, но чрезвычайно характерная записочка того времени, торопливо набросанная на лоскутке бумаги. Записку эту прислал бывший в то время секретарем Кронштадтского Комитета нашей партии матрос Кондаков остановившемуся в Питере у меня кронштадтскому вождю и трибуну т. С. Г. Рошалю. Вот что гласит эта записка: «Товарищ Семен! Скорее возвращайтесь сюда! Вчера был митинг. Масса так нареволюционизировалась, что гонит нас с трибун, говорит, что мы боимся итти в наступление, а сами хотят итти с оружием в Петроград. Скорее сюда! Кондаков». Конечно, Рошаль сейчас же бросился в Кронштадт, и временно ему удалось остановить это движение, грозившее принять неудержимый и буйный характер.

Большие дебаты были в Кронштадте накануне демонстрации 18 июня по поводу того, как итти на демонстрацию: с оружием или без оружия. Кронштадтский Совет, справедливо опасаясь возможной провокации, постановил итти на демонстрацию без оружия. Недовольная этим постановлением большая часть кронштадтцев вовсе отказалась принимать участие в демонстрации, и, действительно, на другой день в Петрограде было едва-едва тысячи три кронштадтцев.

Все это показывает, насколько стихийно назревали события «июльских дней».

Впоследствии меньшевики и эс-эры пытались изобразить июльские события, как заранее обдуманное и подготовленное выступление большевиков. Это, конечно, совершеннейший вздор. Для многих ответственных работников нашей партии июльские события явились столь же неожиданными, как и для меньшевиков и эс-эров. События своей бурной стремительностью превзошли ожидания и спутали предположения и прогнозы очень многих. Здесь почти буквально повторялось то, что мне в июне месяце пришлось видеть в Кронштадте. Масса, своим стихийным напором, толкала руководителей на решительные действия. Особенно много хлопот доставлял нашей военной организации 1-ый Пулеметный полк. Он стремительно рвался на улицу, при чем официально разговоры шли о демонстрации, а неофициально — ответственные представители полка охотно говорили о том, что полк при огромном количестве пулеметов, которое у него имеется, может один без труда свергнуть Временное Правительство. Конечно, на такого рода авантюру комитет военной организации никоим образом не мог дать своего согласия. Странную роль во всех переговорах полка с военной организацией играл единственный в полку большевик-офицер прапорщик Семашко. Он пользовался в полку большим влиянием и несомненно мог бы, если бы захотел, удержать полк от выступления. Как дисциплинированный член партии, он обязан был это сделать. А тем не менее полк первым выступил на улицу. Характерно, что как раз в день выступления полка прапорщик Семашко был во дворце Кшесинской и уверил, что в Пулеметном полку все спокойно. Теперь, конечно, та-

кое поведение прапорщика Семашко не должно нас удивлять. В 1922 году он выявил себя форменным предателем, сбежав с поста первого секретаря нашего полномочного представительства в Латвии и скрывшись где-то за границей. Возможно, что и тогда он преследовал какие-нибудь свои неизвестные нам цели.

За первым Пулеметным полком выступили 180-ый, Запасный Гренадерский и целый ряд других петербургских полков. Движение грозило перейти в стихийный бунт. Тогда Центральный Комитет нашей партии решил принять на себя руководство начавшимся движением и назначил на 4-ое июля мирную демонстрацию под лозунгом «Вся власть Советам».

Я все это время почти безвыходно находился в редакции «Солдатской Правды». 3-го июля мельком побывал на общегородской конференции, которая происходила в это время во дворце Кшесинской. Большинство районных делегатов находилось в крайне возбужденном состоянии; часть настаивала на необходимости вооруженного восстания. «Какая тут может быть мирная демонстрация, — кричал, сильно жестикулируя, какой-то высокого роста делегат: — на улицах стрельба, это новая революция!».

Действительно, в центре города уже стреляли. Люди, притаившиеся на чердаках и балконах буржуазных домов, обстреливали первые группы демонстрантов Пулеметного и других полков, выступавших в этот день по своей собственной инициативе. Однако партийные центры считали вооруженное выступление преждевременным и стояли за придание движению мирного характера.

Вот и 4-ое июля—день, назначенный для демонстрации. Погода прекрасная. Ярко светит солнце. С утра во дворце Кшесинской чувствуется приподнятое настроение. По Каменноостровскому проспекту время от времени проходят воинские части. У дворца Кшесинской они останавливаются и кричат «ура!». С балкона им отвечают. Раздаются речи. Кажется, что демонстрация удалась на славу.

В радужном настроении направляюсь я в свой Запасный Огнеметно-Химический батальон. Мне стыдно, что моя часть примкнет к общему движению последней.

Я смутно надеюсь, не двинулась ли она уже, увлеченная общим потоком демонстрантов. Оказывается, нет: все на месте. Сегодня как раз состоится пленарное собрание всех ротных комитетов и судов. Первым в порядке дня стоит вопрос о демонстрации. Я беру слово. Но по выражению лиц аудитории я вижу, что моя речь успеха иметь не будет. Угрюмо молчат офицеры, которых чуть не половина; остальные, с простыми деревенскими лицами, сидят в смущении: трудно им, не привыкшим к политическим вопросам, разбираться, кто тут прав, кто виноват.

Возражает меньшевик. Как сейчас помню лицемерно-ласковое начало его речи: «Дорогие товарищи! Мне очень жаль, что приходится выступать против своего товарища по партии. Но только он—боль-ше-вик, а я—мень-ше-вик». Далее на сцену появляется знаменитое воззвание ЦИК Советов, этого «полномочного органа революционной демократии», и это оказывается решающим. Большинство голосует за резолюцию, предлагающую присоединиться к резолюции ЦИК Советов. На лицах офицеров видно злорадство. Больше всех ликует присутствующий здесь же помощник командира батальона подпоручик Надеждин. Он хочет воспользоваться случаем, чтобы окончательно меня уничтожить. И он вносит предложение довести до сведения ЦИК, что я, вопреки его постановлению, звал солдат с оружием в руках выйти на улицу и присоединиться к демонстрации. Собрание покорно принимает и это предложение.

Я возвращаюсь во дворец Кшесинской: здесь настроение также далеко не такое радужное, как утром. Говорят о стрельбе, которая была опять в центре города, и о жертвах. Порядочно пострадали кронштадтские матросы, которые в количестве до пяти тысяч пришли сегодня на демонстрацию. Некоторые матросы, отбившиеся от общего отряда, оказались арестованными Временным Правительством. Это страшно сердит матросов. Они клянутся, что не уйдут из Петрограда до тех пор, пока не освободят своих товарищей.

Хотя демонстрация официально уже закончена, но ЦК решает оставить матросов в городе, так как, по имеющимся у нас сведениям, Временное Правительство кон-

центрирует вокруг себя верные ему части, и неизвестно, чего еще от него можно ждать. Я вижу этих матросов, так как часть их остается ночевать во дворце Кшесинской. Сегодня у них особенный, боевой вид: через плечо болтается винтовка, у пояса с одной стороны револьвер, с другой — японский штык. Они и держатся как-то особенно, точно на параде.

5-ое июля. С утра начинают ползти тревожные, волнующие слухи: говорят, что на Дворцовой площади собираются войска Временного Правительства, которые вот-вот будут двинуты на дворец Кшесинской. Почти все главные мосты разведены. Это еще более рождает слухи. Дворец Кшесинской начинает мало-по-малу приготовляться к обороне: всюду устанавливаются пулеметы, поддерживается тесная связь с большевистскими частями.

Неожиданно появляется выпускающий - редактор «Правды» Константин Степанович Еремеев и сообщает потрясающую новость: сегодня утром в помещение «Правды» ворвался отряд юнкеров и «инвалидов» и произвел форменный разгром. Сам Еремеев был арестован, но, так как его, одетого в солдатскую форму, приняли за простого солдата-караульного, — он вскоре был отпущен.

Кто-то сообщает, что со стороны Дворцовой площади по направлению ко дворцу Кшесинской двигаются четыре грузовика, набитые вооруженными матросами Гвардейского Экипажа, части, настроенной в то время весьма реакционно. Тов. Подвойский, председатель военной организации, начинает быстро распределять роли: прежде всего нужно назначить командующего всеми силами, расположенными около дворца Кшесинской. В виду того, что большинство войск, охранявших дворец Кшесинской, состояло из кронштадтских матросов, общее командование было решено поручить брату, который сейчас же отправился делать необходимые распоряжения на случай внезапного нападения. Всех солдат и матросов, находящихся во дворце, он предупредил, чтобы без его распоряжения не было произведено ни одного выстрела, в особенности долгие инструкции давал он пулеметчику, находящемуся в угловой беседке сада дворца Кшесинской; он был несколько отделен от остальных и должен был

действовать самостоятельно, не дожидаясь команды. Всем защитникам дворца Кшесинской были розданы патроны. Пулеметы были снабжены необходимым количеством пулеметных лент. Все это делалось с лихорадочной быстротой, так как ожидали каждую минуту нападения войск Временного Правительства.

Настроение у всех нас было весьма боевое. Брат, желая усилить оборону дворца, послал на артиллерийский морской полигон требование на присылку пушек, а я и агитатор т. Бон, из его квартиры на Большой Дворянской улице, в течение целого часа тщетно пытались дозвониться в Гельсингфорс, чтобы потребовать присылки оттуда сочувствующих нам военных судов.

Было ясно, что дворец Кшесинской может представлять собою действительно неприступную крепость только в том случае, если Петропавловская крепость согласится поддерживать нас и будет обстреливать наступающих фланговым огнем. Немедленно туда были посланы тт. Рошаль, Евдокимов и Антипов для агитации и организации поддержки. Впрочем, мы заранее уже знали, что их миссия пройдет успешно, так как гарнизон Петропавловской крепости относился к нам в высшей степени сочувственно.

Было решено запастись необходимым количеством патронов. С этой целью т. Подвойский делегировал т. К. С. Еремеева и меня к начальнику кронверка Петропавловской крепости потребовать у последнего необходимое нам количество патронов.

Как сейчас помню растерянный вид офицеров Петропавловской крепости, с которыми нам пришлось столкнуться; они были между двух огней: с одной стороны — воля революционного гарнизона, с которым они не могли не считаться, с другой — гнев их непосредственного начальства. Начальник кронверка встретил нас очень любезно, но заявил, что без разрешения Управления Артиллерийского Склада, которое помещалось на Малой Дворянской, 14, он ничего выдать не может.

Возвращаясь обратно к автомобилю, чтобы ехать на Малую Дворянскую улицу, мы увидели небольшую сравнительно толпу народа и ораторов. Это был митинг, со-

званный нашими товарищами, о которых я упоминал выше. Сейчас говорил Евдокимов. «Господи! — услышал я в толпе слезливый голос какой-то бабы: — опять эти большевики мутят! И чего он кулаками-то, кулаками-то машет, проклятый!». После т. Евдокимова выступил какой-то меньшевик. Он говорил тихо, с каким-то виноватым видом, точно не агитировал, а просил у толпы прощения, каялся в каких-то грехах. Стоявший возле меня солдат махнул рукой, плюнул и ушел. «Этот опять будет говорить: подожди да подожди — проворчал он: — а чего ждать-то? Довольно ждали!». В это время мы разыскали автомобиль и двинулись дальше. В артиллерийском складе мы увидели забавную картину. Чиновничество, не будучи уверено, существует ли еще Временное Правительство, лебезило перед нами, на словах обещая все, но на деле боясь пальцем двинуть, чтобы не попасть под ответственность. Пользуясь положением, мы говорили с ними, как власть имеющие, грозили всякими карами. Но они все же так и не выдали нам разрешения на патроны, цепляясь за всевозможные формальные предлоги. Вернувшись во дворец Кшесинской, мы сделали обо всем этом доклад президиуму военной организации.

Между тем мосты попрежнему продолжали оставаться разведенными, а в воздухе носились зловещие слухи. Это не предвещало ничего хорошего. К тому же мы оказались лишенными телефонной связи. Телефонные барышни объявили нам бойкот.

Когда я попробовал поговорить по телефону по поводу выпуска очередного номера «Солдатской Правды», мне со станции в телефонную трубку посыпался целый град насмешек и ругательств. Я однако решил не сдаваться и начал убеждать барышню в том, что мне необходимо переговорить по срочному делу. Барышня, в свою очередь, стала стыдить меня за то, что я «работаю на немецкие деньги». Наш спор закончился неожиданным образом. Какая-то другая барышня, выхватив трубку у первой, громко закричала мне в самое ухо: «Это, вероятно, сам Ленин говорит! Шпион! Мерзавец!» — и с этими словами повесила трубку. Так я и остался стоять у телефонного аппарата.

Чтобы выяснить положение, я предложил президиуму военной организации послать делегацию к командующему войсками Петроградского военного округа. Эта делегация должна указать генералу Половцеву, что с нашей стороны не предполагается никаких аггрессивных действий, выяснить причину разведения мостов, выяснить намерения генерала Половцева относительно нас и параллельно посмотреть, что делается на Дворцовой площади. Правильны ли слухи, что там концентрируются войска, которые будут направлены против нас.

Президиум военной организации согласился со мной, и в качестве делегатов к генералу Половцеву были отправлены К. С. Еремеев и я. Для того, чтобы попасть на Дворцовую площадь, пришлось объехать почти весь город. Все мосты были разведены, за исключением Дворцового и Биржевого, где одна половина моста была поднята, а у другой стоял караул и проверял документы у всех проезжающих. У нас потребовали специальный пропуск от штаба округа на право пользования автомобилем, но, когда узнали, кто мы и с какою целью едем, — пропустили.

Прохожие центральной части города с удивлением и интересом смотрели на нас. Наш внешний вид в достаточной степени выдавал нас. Достаточно сказать, что шофером и его помощником у нас сидели кронштадтские матросы — предмет ужаса и ненависти запуганной и озлобленной буржуазии. Однако матросы нисколько не смущались производимым ими впечатлением и спокойно посматривали по сторонам, а ленточки их головного убора игриво трепыхали в лучах яркого летнего солнца.

На Дворцовой площади действительно были расположены войска, но в очень небольшом количестве. Там и сям стояли ружья, сложенные в козлы. Зато сам штаб округа представлял собою невиданное зрелище: из всех окон торчали десятки солдатских голов. Некоторые солдаты совсем вылезли из окон и стояли на подоконнике или сидели, болтая в воздухе ногами. К. С. Еремеев, глядя на эту картину, усмехнулся. Мне тоже пришла в голову мысль, что может-быть в то время, как мы там готовились к воображаемому нападению, здесь сами боятся, как бы мы на них не напали. И мосты-то разве-

дены, может-быть, только в целях самосохранения. Эта мысль придала мне бодрость.

В штабе округа нам сообщили, что генерал Половцев находится у себя на квартире в том же здании, но вход с соседнего подъезда, что он три ночи не спал, страшно устал и, вероятно, теперь отдыхает. Мы прошли по указанному нам направлению. Пришлось подождать некоторое время в передней. Швейцар с ужасом стал рассказывать нам, что такое тут недавно творилось: «Приехали они, — между прочим заявил он, — на грузовике и начали наш штаб из пулемета обстреливать». — «Кто же это они?» — спросили мы. — «Да большевики!» — уверенно ответил швейцар. Мы, конечно, уверили его, что это — очевидная провокация, так как никто из большевиков не мог обстреливать из пулемета здание штаба. Наконец пришел адъютант генерала Половцева и пригласил нас в кабинет. Он заявил, что генерал только недавно прилег, но он все же доложит ему о нашем прибытии.

Скоро мы увидели и самого генерала Половцева. Он вышел к нам минуты через две, позевывая и застегивая на груди черкеску, в которую он был одет. С нами он был в высшей степени любезен и предупредителен.

Мы задали ему три основные вопроса, которые нас интересовали: 1) почему была разгромлена редакция «Правды», 2) почему разведены мосты и 3) правильны ли слухи о концентрации против нас правительственных войск.

Половцев объяснил нам, что им был отдан приказ разоружать все вооруженные группы людей в пределах города; так как в помещении редакции «Правда» находились вооруженные люди, они также подлежали разоружению. О разгроме и бесчинстве Половцев, по его словам, узнал сам лишь недавно, и им немедленно был отдан приказ вернуть награбленное, а начальнику отряда он сделал строжайший выговор. Разведение мостов он объяснил, как меру чисто предупредительного характера, и категорически заверил, что не собирается итти против большевиков вооруженной силой. Ни т. Еремеев ни я не придавали его словам большого значения, — и мы были правы. Ближайшие же события показали, что Половцев самым наглым и бесстыдным образом врал.

Распрощавшись, мы взяли в штабе округа пропуск на право проезда на нашем автомобиле и спустились вниз. Любопытные картинки суетни в штабе пришлось нам понаблюдать. Между прочим я совершенно ясно помню хлопочущую фигуру студента в блестящем студенческом мундире и с винтовкой через плечо. Это был настоящий прообраз будущей белой гвардии.

Выйдя из дверей на площадь, мы увидели картину, которая заставила нас насторожиться. Оказывается, пока мы беседовали с генералом Половцевым, наш автомобиль с сидящими в нем двумя матросами привлек к себе внимание толпившейся около штаба округа публики. Матросов стали расспрашивать, кто они и зачем сюда приехали. Матросы отвечали очень неохотно. Это показалось публике еще более подозрительным, и она стала угрожающе скапливаться около автомобиля, выкрикивая ругательства по адресу флота, который поддерживает предателей и шпионов большевиков.

Видя такую картину, мы быстрыми шагами направились к автомобилю и заняли в нем свои места. Толпа еще более заволновалась. «Они хотят уезжать! — раздались возгласы. — Это большевики! Не пускать их!». А в задних рядах кто-то даже крикнул: «Бей их!». Минута была рискованная. Однако матрос быстро включил мотор в автомобиль, рванулся вперед, заставив шарахнуться в сторону стоявших перед ним людей. Под угрожающие крики толпы, мы вскоре завернули на Миллионную и здесь уже могли вздохнуть свободно.

Прежде чем вернуться во дворец Кшесинской, мы решили проехать по городу и посмотреть, не скопляются ли где-либо войска Временного Правительства. На улицах мы не обнаружили ничего особенного. Народу было мало. Всюду было тихо и спокойно. Марсово поле, за которое мы особенно беспокоились, было совершенно пусто. На Литейном проспекте в двух или трех местах лежали трупы убитых в перестрелке казачьих лошадей, вокруг них толпились любопытные.

В нескольких местах нас останавливали патрули, и нам приходилось предъявлять пропуск, полученный нами в штабе округа. Наконец, достаточно обозрев город, мы направились на Мойку, в редакцию газеты «Правда»,

чтобы составить акт по поводу произведенного там разгрома.

Когда мы сошли с автомобиля и поднялись в редакцию, ужасное зрелище представилось нашим глазам. Во всех комнатах грудами валялись разбросанные рукописи и бумаги, ящики столов были вывернуты, и многие из них продавлены повидимому ногой. Вообще бросалось в глаза дикое озлобление, с которым был произведен разгром. Пишущая машинка, разломанная ударом чего-то тяжелого, была зашвырнута в угол комнаты; телефоны оборваны, а самые трубки даже и вовсе унесены. Вскоре прибыл старший милиционер и стал составлять, по просьбе К. С. Еремеева, акт о происшедшем. Я же вернулся во дворец Кшесинской, где сделал доклад о всем виденном и слышанном. От т. Подвойского узнал, что в мое отсутствие приезжал с т. Каменевым меньшевик Либер и также заверил, что никакого нападения на дворец Кшесинской не предвидится.

Так как мне нужно было ехать в типографию «Труд» на Кавалергардскую улицу выпускать очередной номер газеты «Солдатская Правда», а мосты были разведены, то я уговорился переехать Неву вместе с братом на маленьком пароходике, прибывшем с ним из Кронштадта и находившемся в его распоряжении. Нам было почти по пути, так как он ехал в ЦИК Советов в Таврический дворец. Вместе с ним ехало человек пять кронштадтцев, которые также были назначены Кронштадтским Советом в качестве руководителей. Брат очень горячился и при сочувствии остальной группы заявлял, что, если ЦИК Советов не исполнит их требования и не отпустит арестованных матросов, то и остальные матросы не уйдут из Петрограда. Пароходик благополучно довез нас до нужного нам места, и мы расстались.

В типографии было не безопасно. Караула никакого не было, а бродившие под окном толпы были настроены очень враждебно, да и от расположенных вблизи конных и казачьих полков можно было ожидать всяких эксцессов. На всякий случай мы написали коменданту Таврического дворца записку с просьбой прислать караул для охраны типографии. Через некоторое время в помещение редакции, гремя шпорами, вошел какой-то блестящий

офицер. «Я к вам от коменданта Таврического дворца», — развязно заявил он, прикладывая руку к козырьку. — Хорошо, мы пришлем к вам караул казаков». — «Почему казаков?» — удивился я. — «Да видите ли, казаки хуже всего к вам относятся, и, если какая-нибудь казачья часть придет вас громить, то она невольно остановится и воздержится, увидев, что вас охраняют казаки». Это казалось более чем подозрительным, однако я не стал пререкаться с офицером и даже, наоборот, поблагодарил его. Офицер расшаркался и ушел. Но никакого караула, ни казачьего ни не казачьего, нам так прислано и не было.

Закончив работу, поздно ночью я направился домой. Тут-то я увидел, что нахожусь в довольно затруднительном положении. В самом деле, как мне добраться на Выборгскую сторону? Мосты разведены, а пароходик, на котором я сюда приехал, уже несомненно давно ушел вместе с братом. Я пошел вдоль набережной, надеясь на какой-нибудь счастливый случай. Мне, действительно, подвезло. В одном месте, несмотря на ночное время, я увидел лодку и сидящего в ней человека. За небольшое вознаграждение он согласился перевезти меня через Неву. Когда мы собрались уже отчаливать, в лодку вскочил еще один запоздалый пассажир — солдат в расстегнутой шинели и без фуражки. Солдат этот оказался одним из демонстрантов, потерявшим во время перестрелки свою часть. Он рассказал нам о настоящем бое, который произошел на Марсовом поле между его частью и казаками. Казаков было больше, и солдаты оказались в тяжелом положении. Неожиданно им оказали поддержку матросы с барок, открывшие в тыл казаков ружейный огонь. Где солдат потерял свою фуражку, он так и не помнил.

Благополучно добравшись домой, я узнал, что брат еще не возвращался. Он приехал вместе с Рошалем значительно позднее меня. От него я узнал, что ЦИК Советов отказался освободить арестованных матросов и едва не арестовал их самих. Несмотря на то, что брат еле держался на ногах от усталости, он все еще порывался объехать расположенные в разных местах матросские части, но мы почти насильно оставили его дома.

На другое утро, 6-го июля, около 9-ти часов утра мы с Рошалем отправились во дворец Кшесинской. Брат, если не ошибаюсь, опять отправился в ЦИК Советов настаивать на освобождении арестованных матросов.

Придя во дворец Кшесинской, мы узнали потрясающую новость. Три четверти часа тому назад звонил по телефону помощник главнокомандующего войсками Петроградского военного округа штабс-капитан Кузьмин и предложил отрядам, находящимся во дворце Кшесинской, немедленно сложить оружие. «Если через полчаса, — заявил он, — оружие не будет сдано, по дворцу Кшесинской будет открыт артиллерийский огонь». Таким языком заговорило Временное Правительство, когда почувствовало за собою силу. А вчерашние уверения и обещания были, конечно, сразу же забыты.

Тов. Подвойский, который говорил по телефону с Кузьминым, чтобы выиграть время, заявил, что сейчас во дворце нет никого из ответственных работников и потому необходимо продлить данный срок, чтобы успеть их уведомить.

Однако Кузьмин остался непреклонен. Шло летучее собрание, которое обсуждало вопрос о том, как бы выиграть время. Одни советовали, чтобы пока перебраться в казармы Запасного Гвардии Гренадерского полка, который все время был с нами и за нас, другие советовали перейти в Петропавловскую крепость. Надо было торопиться, так как срок, данный Кузьминым, уже истек, и каждую минуту можно было ожидать начала артиллерийского обстрела. Большинство голосов решило итти в Зап. Гвардии Гренадерский полк, и мы с Рошалем отправились туда первыми, чтобы предупредить полковый комитет, а остальные стали собираться, чтобы итти туда следом за нами.

В помещении комитета Гренадерского полка оказалось много офицеров, которые окружили нас и с натянутой любезностью стали расспрашивать о происходящих событиях. Мы весьма неохотно удовлетворяли их любопытство.

Время шло, а никто из наших товарищей из дворца Кшесинской не появлялся. Повидимому, в наше отсутствие что-то произошло. Тогда мы покинули Гренадер-

ский полк и направились во дворец Кшесинской. По дороге от одного из наших товарищей мы узнали, что вопрос о переходе в последнюю минуту был перерешен и все направились в Петропавловскую крепость. «Только вы не идите туда, — предупредил товарищ. — Петропавловская крепость уже окружена войсками Временного Правительства, и вам все равно туда не попасть». Однако мы направились дальше.

Здесь произошло одно событие, глубоко взволновавшее и опечалившее меня в то время. У каждого человека бывают моменты и подъема и душевного упадка. И вот один из таких моментов душевного упадка охватил шедшего рядом со мною моего друга Рошаля. Рошаль был страшно измучен и физически и морально. Он еле держался на ногах. И он неожиданно заявил мне, что не пойдет в Петропавловскую крепость, а отправится ко мне домой спать. Обычно веселый и жизнерадостный Рошаль был совершенно неузнаваем. Я попытался-было уговорить его, но он угрюмо повторял: «Нет, я уж не пойду. Кроме того я еврей. Меня убьют». И он, пожав мне руку, повернул по направлению к Сампсониевскому мосту. Бедный Сима как будто предчувствовал, какая ужасная судьба его ожидает. На этот раз он сохранил свою жизнь, но несколько месяцев спустя, уже после Октябрьского переворота, он был зверски убит в Киеве белогвардейскими офицерами.

Слова повстречавшегося нам товарища о том, что Петропавловская крепость окружена войсками Временного Правительства, оказались несколько преувеличенными. Я благополучно прошел мимо дворца Кшесинской и скоро уже был у массивных ворот Петропавловской крепости.

Здесь я увидел Н. И. Подвойского, поспешно садящегося в автомобиль. «Я уезжаю в ЦИК Советов, — на ходу крикнул он мне: — оставляю крепость в ваше с т. Мальцевым распоряжение». Тов. Мальцев, прапорщик, член Всероссийского Бюро военных организаций, стоял тут же. Попрощавшись с т. Подвойским, мы пошли делать необходимые распоряжения по обороне крепости. У нас было большое количество пулеметов и несколько легких воздухобойных пушек. Некоторые пуле-

меты были выставлены прямо на валу крепости, привлекая к себе всеобщее внимание. Мы распорядились их несколько отвести. Другие просто стояли в куче внизу. Мы распределили их также по местам. Больше всего нужно было опасаться провокационных выстрелов, поэтому мы строго-на-строго запретили отвечать на отдельные выстрелы с неприятельской стороны и стрелять только в случае явного нападения. На валах мы установили наблюдателей.

Между тем кольцо войск Временного Правительства все суживалось и суживалось вокруг нас. Уже ясно видно было, как перебегали в Александровском парке от дерева к дереву вооруженные солдаты. Вскоре на наших глазах без единого выстрела был занят дворец Кшесинской. Сопротивляться нам во что бы то ни стало было безумием и бессмыслицей. В нашем распоряжении находилось всего около 300 матросов да человек 200 пулеметчиков 1-го Зап. Пулеметного полка. Вопрос мог быть лишь о том, чего хотят от нас наши враги. Если они хотят нашей жизни, — тогда, конечно, мы будем защищаться до последней капли крови!

Между тем от осаждающих войск пришел парламентер, который предложил нашим парламентерам пойти во дворец Кшесинской для переговоров. Быстро было созвано небольшое общее собрание, на котором в качестве парламентеров были выбраны: кронштадтский анархист Ярчук, один матрос, фамилии которого я не знаю, и я. Вместе с нами отправилось несколько офицеров гарнизона Петропавловской крепости, членов гарнизонного комитета.

Пройдя сквозь цепи осаждающих войск, мы вступили, наконец, во дворец Кшесинской. Как все изменилось здесь за такой короткий срок! Всюду звенят шпоры, всюду офицеры. Только одно знакомое лицо попадается нам навстречу. Это член Петербургского Комитета партии т. Рахья. Он сидит на столе, недалеко от входа. Вокруг него толпятся солдаты. Вероятно, он арестован.

Парламентерами со стороны Временного Правительства являются: меньшевик Богданов, уполномоченный ЦИК Советов, как он себя называет, помощник главнокомандующего шт.-капитан Кузьмин и поручик Мазу-

ренко, один из главных руководителей похода против большевиков. У поручика Мазуренко — рука на черной перевязи, а лицо строго и неумолимо. На наш вопрос, чего же они от нас хотят, он ответил кратко: «Разоружения и сдачи».

Мы заявили, что в крепости находятся только солдаты и матросы, охранявшие дворец Кшесинской в качестве караула. Устраивать бойню солдат с солдатами — безумие. Пусть Временное Правительство гарантирует безопасность, и солдаты разойдутся по своим казармам, а матросы сейчас же сядут на пароходы и вернутся в Кронштадт. Если Временное Правительство опасается возможности перестрелки, то мы согласны погрузить оружие на отдельный пароход, который также последует в Кронштадт.

Однако эти условия не были приняты представителями Временного Правительства. Они категорически требовали сдачи и разоружения.

Нельзя не упомянуть о гнусной роли, которую сыграли при этих переговорах офицеры гарнизона Петропавловской крепости, отправившиеся вместе с нами. Они также категорически требовали нашей сдачи и, забывая о том, что мы перешли в Петропавловскую крепость, следуя настойчивому приглашению солдат гарнизона, и что нас атакуют, а не наоборот, восклицали с неподдельной злобой: «Вы находитесь у нас и вы еще хотите устраивать какое-то сражение. Это безобразие, не забывайте, что мы хозяева крепости» и т. п.

— Ваш Центральный Комитет, — говорили парламентеры Временного Правительства, — также согласен на то, чтобы вы сдали оружие. Вот здесь имеется его представитель. — Мы посмотрели по указанному направлению и увидели т. Сталина, с печальным и мрачным лицом. «Сдаваться?» — спросил я вполголоса, подходя к нему. — «Ничего больше не остается!» — ответил т. Сталин. Посовещавшись с другими делегатами, я сказал представителям Временного Правительства, что мы согласны сдаться, но, так как это вопрос серьезный, то нам необходимо вынести его на решение остальных наших товарищей, находящихся в Петропавловской крепости. Вместе с нами туда же отправился Богданов и т. Сталин.

Первым взял слово Богданов. В своей напыщенной речи он говорил о «воле фронта», «о полномочном органе революционной демократии», «о немецких интригах» и грозил испортить все дело. К счастью, выступавшие после него товарищи Сталин и Ярчук несколько разрядили атмосферу, и собрание подавляющим большинством голосов высказалось за сдачу оружия. На сцену появились грузовики, и, точно дождь, посыпались на них револьверы, винтовки и штыки. Я с т. Сталиным и Мальцевым прошли в небольшой буфет, устроенный гарнизоном Петропавловской крепости, и там за бутылкой квасу стали обсуждать происходящие события. Тов. Сталин был страшно озлоблен против вождей меньшевиков и эсэров и ежеминутно восклицал: «Какие мерзавцы! Какие негодяи!». Через некоторое время т. Сталин уехал, а я поднялся на вал крепости и стал смотреть, что́ делают наши враги. Там же находилось много матросов, которые лежали на свежей травке, согреваемые ярким летним солнцем, и перекидывались остротами.

В лагере осаждавших было некоторое движение. Одни части оставались, чтобы принять от нас оружие и переписать нас, другие строились и отправлялись по домам. Между прочим, совсем недалеко от нас стройно прошла небольшая часть матросов Гвардейского Экипажа, щегольски с иголочки одетая. Их появление вызвало у нас на валу целый град насмешек. «Компотники!» — громко крикнул кто-то из матросов, и его восклицание было покрыто дружным взрывом хохота остальных.

Между тем время шло, а нас всё еще не отпускали. Некоторые начали уже волноваться. Говорили, что, вероятно, это новая измена и предательство. Неожиданно на сцену появился обед, приготовленный для нас солдатами гарнизона. Такая заботливость тронула нас и подняла несколько упавшее-было настроение.

Наконец, часа в 3 приехало несколько членов военных и штатских и, устроив столы тут же на воздухе, стали переписывать всех арестованных. Переписанных тут же освобождали.

Приезжал еще на короткое время Богданов и предлагал освобожденным матросам отправиться на пароход под конвоем, объясняя, что это предохранит их от само-

суда толпы, но матросы категорически от конвоя отказались.

Я полагал, что меня, как офицера, задержат на более продолжительное время и даже, может-быть, вовсе не освободят из-под ареста, но, к моему удивлению, я был на общих основаниях записан и немедленно освобожден.

Проходя через ворота крепости, мимо часовых войск Временного Правительства, я услышал, как один из них громко выругался. «Чорт возьми! — сказал он: — ну и обманули же нас сегодня. Сказали, что в Петропавловской крепости грабители, а здесь, оказалось, все свои же солдаты и матросы». Слушая эту реплику, я неожиданно ясно понял, какое громадное агитационное значение будут иметь эти события для последующего хода революции.

VI. Накануне Октября.

Реакция. — Гнусная клевета на большевиков. — Мы — в подпольи. — Поиски типографии для газеты. — Мы выпускаем «Рабочего и Солдата». — Дела в батальоне. — Офицеры организуют против меня поход. — Голодовка в комендантском управлении. — VI партийный съезд. — Конфликт между ЦК и военной организацией. — «Верховный цензор“. — Рост в войсках большевистских настроений. — Представители петроградского пролетариата в передней Демократического Совещания. — Меня избирают в Совет. — Конфликтная комиссия Совета. — Северный съезд Советов. — Выступление Каменева в нашем батальоне. — Мы входим в полосу восстания.

Июльское выступление рабочих и солдат оказалось разгромленным. Силою прибывших с фронта политически несознательных частей Временному Правительству удалось привести к повиновению и разоружить полки, требовавшие перехода власти в руки Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. Большевистские газеты «Правда» и «Солдатская Правда» были закрыты. Партийные организации наши оказались изгнанными из занимаемых ими помещений и принуждены были перейти на нелегальное положение. Чтобы мы никоим образом не смогли вернуться во дворец Кшесинской, там была помещена воинская часть — Отдельная Самокатная рота. Целый ряд вождей нашей партии был арестован и посажен в «Кресты».

Но врагам нашим и этого оказалось мало. Они решили уничтожить нас раз и навсегда. И для этого они прибегли к самому возмутительному и гнусному средству — клевете. Помню, как я был ошеломлен, когда, выйдя на улицу впервые после пережитых событий, наткнулся на маленький листок бумаги, висящий на стене. На нем черным по белому, со ссылками на имеющиеся якобы точные документы, значилось, что Ленин и Зиновьев — немецкие шпионы. Под «документом» красовалась подпись Алексинского. Такими листками оказался оклеенным весь Петроград. Эти листки явным образом били на погром большевиков. До такой подлости контр-революция еще не доходила. Помню, я долго стоял около этого листка. Бессилие и злоба душили меня. Ведь мы никак не могли отбить направленные против нас ядовитые стрелы. Пресса наша была разгромлена, и сами мы, еще оставшиеся на свободе, не-сегодня-завтра могли быть брошены в тюрьму. И еще другие мысли пришли мне в голову. Я неожиданно ясно понял, что в классовой борьбе все средства хороши. Нам нечего ждать пощады или благородства от наших классовых врагов. Поэтому и мы должны быть жестоки и беспощадны. «Теперь вы торжествуете, — думал я, — но когда-нибудь и на нашей улице будет праздник». Конечно, я менее всего именно в этот момент мог предполагать, что праздник этот наступит так скоро.

Однако надо было, не теряя времени, начинать разрушенную работу снова. К нашей радости оказалось, что большинство ответственных работников военной организации избежали заключения в тюрьму. Подвойский буквальным образом удрал из-под ареста. Невскому тоже каким-то образом удалось спастись. Арестована была на гауптвахте комендантского управления значительная часть нашей периферии — большевиков-офицеров и активных работников полковых партийных ячеек. Мы, оставшиеся на свободе, скоро восстановили прерванную связь и, наконец, устроили собрание в квартире у члена нашей организации Генриха Григорьевича Ягоды. Это собрание походило скорее на подпольное заседание в старое дореволюционное время. Помню, идя на это заседание, я, по старой подпольной привычке, смотрел, не идет

ли за мной шпик. Только убедившись, что в этом отношении я совершенно «чист», рискнул вступить в нужный мне подъезд.

Как приятно было после всего пережитого встретить старых друзей! Казалось, будто годы прошли с тех пор, как мы виделись последний раз, а ведь прошло всего несколько дней. Мы невольно оглянулись по сторонам. Какая перемена! После огромных зал роскошного дворца, после толп рабочих и солдат, которые постоянно нас окружали, мы опять в небольшой комнатке, вокруг стола, подле уютно шумящего самовара. Опять пришли милые, старые времена подпольной работы. Но лучше бы они совсем не приходили!

Кроме старых знакомых — Подвойского, Невского и Ягоды, я вижу еще одно новое лицо. Это старый большевик, родственник Н. И. Подвойского, д-р Кедров. Он был председателем Совета в какой-то юго-восточной области, чуть ли не республике, и теперь приехал работать сюда в Петроград.

Основной вопрос, который стоит в порядке дня, как продолжать дальнейшую работу — легально или нелегально. Всем очевидно, что настоящая обстановка резко отличается от той, которая была раньше. Когда часть наших товарищей сидит в тюрьме, а часть скрывается, когда даже двое из нас присутствующих здесь, Подвойский и Невский, разыскиваются судебными властями, а я нахожусь под следствием, нельзя и думать выявить совершенно легально нашу военную организацию. Это значило бы выдать ее головой Временному Правительству. Но, с другой стороны, и совершенно замыкаться в подполье было бы нецелесообразно. Не все еще позиции нами утеряны. И мы всегда можем надеяться, что, в случае чего, преданная нам рабочая и солдатская масса сумеет нас защитить. Мы единогласно приходим к выводу, что самым разумным методом работы будет метод комбинированный. Главный аппарат организации мы будем держать нелегально, но в то же время на местах будем продолжать свою прежнюю широкую массовую работу. Чтобы лучше законспирировать головку нашей организации, решаем опять, как и во время подпольной работы, перейти на систему партийных кличек. Невский принимает на себя

старую свою партийную кличку «Спица», Подвойский переименовывается в «Андрея Червонного», меня в достаточной степени предохраняет мой литературный псевдоним «Женевский», так как по документам я числюсь «Ильиным». Но в чем никто из нас не соглашается сойти с легального пути, так это в вопросе об издании газеты. Здесь мы все единодушны более, чем где бы то ни было. Газету нужно во что бы то ни стало поставить. Тут не страшны никакие жертвы. Невский великодушно соглашается подвергнуться разгрому. «Пусть сломают пару ребер! — восклицает он: — как-нибудь выживем! Зато газету поставим!». В этом мы все с ним согласны. Решаем, что мы с Н. И. Подвойским со следующего же дня примемся за поиски типографии. Прощаясь, мы долго пожимаем друг другу руки. Кто знает, когда еще нам удастся увидеться!

Следующие дни мы с Подвойским пускаемся на поиски типографии. В большие типографии, конечно, нельзя и сунуться, там нас сразу разгадают, поэтому мы обращаемся в типографии второстепенного порядка. При переговорах мы старательно избегаем слова «большевик», говоря просто, что газета, которую мы собираемся издавать, будет социал-демократической. Однако наши уловки ни к чему не ведут. Видно, большевика можно узнать просто даже по внешнему виду. Нас всюду изобличают, и всюду мы получаем вежливый отказ.

В одном месте судьба нам как будто улыбнулась. Это было на Васильевском острове, в маленькой темноватой типографии, от которой у меня осталось только впечатление огромного количества икон, висевших по всем углам. Здесь неискушенный в политических премудростях хозяин дал нам разрешение на печатание газеты. Но, когда мы на другой день веселые и ликующие пришли выпускать первый номер, он совершенно неожиданно отказал нам. Повидимому, кто-то успел сообщить ему, что мы — «большевики». Позднее мы получили сведения, что в целом ряде случаев, может-быть как раз и в этом, на типографии оказывала соответствующее давление милиция. Так или иначе, но мы снова очутились без типографии.

Однако большевистская настойчивость и упорство все перетрут. После целого ряда злоключений и мытарств

мы, наконец, твердым образом получили для своей газеты типографию. Это была типография «Народ и Труд», помещающаяся на Гороховой улице д. № 42. Для того, чтобы удержать ее за собою, Подвойскому пришлось напрячь все силы своего дипломатического искусства. И в этом отношении он был действительно бесподобен. Как ловко и умело он обхаживал хозяина типографии! Со стороны можно было подумать, что он в него прямо-таки влюблен. Для того, чтобы еще более расположить к себе хозяина типографии, была даже устроена специальная вечеринка со спиртными напитками, являвшимися тогда большой редкостью. Деятельным помощником т. Подвойского по организации этой вечеринки явился т. Кедров. Такого рода усилиями хозяйское сердце было растоплено, и мы получили возможность беспрепятственно издавать газету. Мы быстро распределили между собою роли. Подвойский, Невский и я взяли на себя редакционную часть, Кедров и Ягода — хозяйственную. На экспедицию посадили тт. Анду и Асю [1], милых и славных девушек, до самозабвения преданных партийной работе. Править рукописи и вести корректуру опять посадили мою жену Лидию Борисовну.

Что в нашей редакции появилось нового, так это фиктивный «ответственный редактор», по примеру большевистских газет дореволюционного времени. Таковым явился рабочий В. И. Нарчук. Он не работал в газете, но его именем подписывался каждый номер для того, чтобы, в случае какой-либо распрессии, он один мог явиться ответчиком перед судебными властями и тем дать возможность основному аппарату редакции продолжать свою работу.

Помню, с каким интересом и волнением выпускали мы первый номер «Рабочего и Солдата», как называлась наша газета. На наших глазах возрождалось свободное большевистское слово. Мы с боем брали потерянную позицию. С удовольствием предвкушали мы, как завтра сочувствующие нам рабочие и солдаты Петрограда обрадуются, увидев у газетчиков свою подлинную больше-

[1] Впоследствии я узнал, что фамилия Анды — Дрезденшток, фамилию же Аси я так и не знаю. Кажется, она уже умерла.

вистскую газету. Были мы горды и тем сознанием, что поставили рекорд быстроты, опередив ЦК и ПК нашей партии. Восстановили свою «Солдатскую Правду» раньше, чем им удалось восстановить «Правду».

Из предосторожности мы не написали в газете, что она является органом военной организации, а просто поставили общий заголовок: «Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия». «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». В самом же тексте мы, не скрывая, называли себя большевиками. В связи с этим некоторые типографские служащие предсказывали нам, что на следующий же день мы подвергнемся разгрому со стороны какой-либо казацкой банды.

Положение действительно было опасным. Впечатление от июльских дней еще не улеглось. Совсем недавно с большой торжественностью похоронили убитых в июльские дни казаков, «жертв большевитсткого мятежа». Клевета и самые гнусные поклепы на нас росли со все возрастающей силой. Алексинский дошел до того, что, не удовлетворяясь выпущенными им гнуснейшими листками, стал совместно с молодым писателем Добронравовым издавать целую газетку: «Без лишних слов», единственной задачей которой было из номера в номер в самых паскудных выражениях травить большевиков. Между прочим, в этой газетке в качестве документов, «уличающих большевиков в шпионстве», печатались доставленные, повидимому, из контр-разведки некоторые политические телеграммы Ленина. вперемешку с торговой корреспонденцией Ганецкого и Парвуса. Все это было кем-то из «сих дел мастеров» скомбинировано таким образом, чтобы напустить побольше туману в доверчивые обывательские головы. Когда в середину политической корреспонденции Ленина неожиданно вклеивалась совершенно не связанная с ней телеграмма Ганецкого Парвусу о партии каких-то карандашей, обыватель невольно задумывался, не скрывается ли за этими карандашами чего-нибудь другого, не шифр ли это. Все это было сделано очень ловко. Над делом нашего ошельмования работала рука опытного провокатора.

При таких условиях нападение на нас было более чем вероятно. Не раз во время выпуска номера поглядывали

мы в окошко на узкий длинный дворик, ведущий к нам со стороны улицы, ожидая, не идет ли по нему, направляясь к нам, какая-нибудь погромная банда. Но время шло, а никто так и не приходил. И мы благополучно выпустили и этот и последующие номера нашей газеты.

В нашей типографии за выпуском всякого рода изданий собиралась самая разношерстная публика. Раз в неделю приходил какой-то священник, по фамилии, кажется, Галкин, и выпускал еженедельную газету под названием «Свободная Церковь». Так странно и непривычно было видеть широкие рукава поповской рясы, путающиеся среди шрифтов и корректуры. Приходили и меньшевики, выпускавшие в этой типографии какие-то свои издания. В первый раз приход меньшевиков как раз совпал с печатанием нами первой после июльских дней статьи В. И. Ленина по поводу прокурорского расследования о событиях 3—5 июля. Небрежно взяв оттиск полосы нашей газеты и пробежав ее глазами, меньшевик вдруг остолбенел. Он увидел под статьей подпись «Ленин». Нужно сказать, что какая-то бульварная газета пустила утку, что Ленин уехал «обратно в Германию», это с радостным воем было подхвачено другими газетами. Многие обыватели, а может быть и меньшевики, поверили этому нелепому слуху. И вдруг статья Владимира Ильича, совершенно ясно показывающая, что он находится где-то здесь и внимательно следит за событиями. Меньшевик подозрительно посмотрел на меня и медленно, делая ударение на каждом слове, произнес: «А интересно было бы узнать, где сейчас находится товарищ Ленин!». — «Велика была бы ваша радость,— невольно подумал я, — если бы товарищ Ленин оказался в ваших руках». Окончив свою работу и уходя, меньшевик опять внимательно посмотрел на меня и еще раз, делая ударение на каждом слове, произнес: «А интересно было бы узнать, где сейчас находится товарищ Ленин!». Видно, эта мысль не давала ему покоя.

Но не только одних врагов видел я в типографии. Был там и друг — С. М. Урицкий, приходивший раз в неделю выпускать свой межрайонский журнал под заглавием,

кажется, «Интернационалист». Урицкий тогда еще был межрайонцем. Как сейчас помню его коротенькую фигурку на кривых ножках, когда он раскачивающейся походкой, ежеминутно поправляя пенснэ на носу, шел к своему столу с целой кипой корректурных оттисков в руках. Здесь он взбирался на чрезвычайно неудобную табуретку, которая стояла у его стола. Голова уходила в плечи, и он, вооружившись карандашом, начинал читать и чиркать лежащие перед ним корректуры. От всей его фигуры веяло теплотой и уютом. Впоследствии, ближе познакомившись с ним, я оценил его веселый, открытый характер, сердечность и простоту, с которой он относился ко всем, в первую очередь к своим товарищам по работе.

Работая в газете, я также и после июльских дней не порывал связи со своей воинской частью, Запасным Огнеметно-Химическим батальоном, где попрежнему числился младшим офицером.

Скоро активное участие мое в июльских событиях стало известно офицерам батальона. Кто-то видел меня на автомобиле с К. С. Еремеевым и матросами, кто-то слышал, что я был арестован в Петропавловской крепости. Офицеры решили не оставить этого без внимания и приложить свою руку к общей кампании против большевиков, тем более, что этим они, помимо всего прочего, показывали свое «верноподданническое» усердие Временному Правительству. Короче говоря, я был привлечен к следствию офицерами батальона.

Как сейчас помню заседание офицерского комитета, на котором я допрашивался в качестве обвиняемого. Холодные, сухие офицерские лица. Даже как-то не верится, что это те самые офицеры, с которыми я вместе служил и неоднократно встречался в офицерском собрании за стаканом чаю. Председательствует и допрашивает меня помощник командира батальона поручик Надеждин. Остальные только изредка задают мне вопросы. Нисколько не скрываясь, я еще раз подтвердил свою принадлежность к партии большевиков и подробно рассказал о своем участии в июльских событиях. Когда я закончил, на некоторое время воцарилось молчание. Затем поручик Надеждин сообщил мне, что сейчас я сво-

боден, но чтобы завтра к 10 часам утра я явился к нему и тогда я узнаю постановление офицерского комитета.

Это постановление на следующий день в назначенный час было мне вручено. Я храню его до сих пор. Оно порядком изорвалось и истлело, но текст его совершенно ясен. Не могу отказать себе в удовольствии опубликовать этот чрезвычайно любопытный и характерный для той эпохи документ. Вот он:

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Офицерского Комитета Запасной Химической роты 17 июля 1917 г.

Присутствовали: поручик Надеждин, штабс-капитан Воскресенский, штабс-капитан Димо, подпоручик Рикман, подпоручик Михайлов, прапорщик Бабич и подпоручик Жаткин.

Офицерский Комитет из опроса прапорщика Ильина установил, что прапорщик Ильин:

1. Имеет близкое отношение к Ц. К. С.-Д. большевистской организации.

2. Является сотрудником и членом редакции «Солдатской Правды».

3. 4-го июля предлагал Комитету роты, так как, по его впечатлению, выступил весь петроградский гарнизон, чтобы роте не остаться в хвосте движения, немедленно присоединиться к нему и выступить с оружием в руках.

4. Выступил в роте от себя лично прапорщик Ильин лишь потому, что, хотя и знал о решении Ц. К. взять на себя руководство движением, но не имел официального мандата.

5. 6-го июля прапорщик Ильин, по его словам, состоял во главе вооруженных сил, охранявших дворец Кшесинской, а затем перешедших в Петропавловскую крепость.

В виду изложенного, принимая во внимание несомненное участие прапорщика Ильина в организации, результатом работы которой было разложение армии, разгром на фронте и тысячи смертей темных мало повинных людей, Офицерский Комитет предлагает прапорщику Ильину отдать себя в распоряжение следственных властей, а командира роты просить лишить прапорщика Ильина возможности непосредственно влиять на солдат роты.

(Подлинное за надлежащими подписями).

Адъютант роты

Подпоручик Костылев.

(Печать).

Когда я прочел это постановление, поручик Надеждин сказал мне: «Теперь вам надлежит отправиться в следственную комиссию». — «Зачем?» — спросил я. — «Чтобы

вас там арестовали». Тут уж я не выдержал и возмутился. «Нет, — сказал я: — если вы хотите, то арестовывайте и препровождайте меня куда вам угодно сами, а я добровольно под арест не пойду». Поручик Надеждин стал тогда убеждать меня, что явиться самому в следственную комиссию — в моих же интересах, но я остался непреклонен. Так мы и расстались, каждый при своем мнении. Арестовать же меня он не рискнул, опасаясь, повидимому, гнева со стороны солдат. Доказательство того, что его опасения были не напрасны и возмущение солдат в случае моего ареста было бы велико, я получил очень скоро. Прежде всего, комитет батальона, являющийся выборным органом солдат, опротестовал постановление офицерского комитета и потребовал моего возвращения в батальон. Затем моя кандидатура стала постоянно фигурировать на всякого рода выборах. Так, я прежде всего был избран председателем батальонного суда, потом товарищем председателя батальонного комитета и, наконец, членом Петроградского Совета от постоянного состава батальона. Однако об этом речь будет еще впереди. Пока же вернусь к последовательному изложению дальнейших событий.

Я благополучно избежал ареста. Дело обо мне в следственной комиссии Временного Правительства в связи с моим арестом в Петропавловской крепости, повидимому, разбиралось, но обстоятельства складывались так, что Временному Правительству было не до меня.

Между тем целый ряд моих товарищей по работе, как я писал уже об этом выше, был арестован. В том числе было арестовано большинство наших офицеров-большевиков. Эти последние находились в арестном помещении комендантского управления, находящегося на углу Садовой и Инженерной улиц. Часто, проходя по Инженерной улице, я видел выглядывающие сквозь решетчатые окна знакомые физиономии: Дашкевича, Куделько, Занько, Тер-Арутюнянца и других. При виде меня они начинали улыбаться и махать руками. Все же такое сидение, хотя бы и в очень приятной компании, было им далеко не по душе. Время шло, а их всё держали в заключении, не предъявляя никакого конкретного обвинения. Это наконец возмутило их, и они под предводи-

тельством Николая Васильевича Крыленко, также арестованного вместе с ними, объявили голодовку, требуя немедленного своего освобождения.

Известие о том, что наши товарищи голодают, глубоко взволновало нас.

По постановлению президиума военной организации, Подвойский отправился в Центральный Комитет нашей партии совместно обсудить какой-нибудь шаг для облегчения участи арестованных товарищей, я же был делегирован в комендантское управление к голодающим—уговорить их от имени военной организации отказаться от этой голодовки.

Сидя в трамвае, я тщательно готовился к предстоящей мне весьма деликатной миссии. Я понимал, что попаду в крайне нервную обстановку и встречу упорное сопротивление. Однако, когда я вступил в камеру арестованных (администрация беспрепятственно меня туда пропустила), я увидел большинство товарищей за едой. Оказывается, незадолго до меня был т. Рязанов, посланный от Центрального Комитета нашей партии. Он и уговорил товарищей прекратить голодовку. Все же настроение было весьма повышенное и нервное. При мне т. Крыленко изо всей силы ударил кулаком по столу и взволнованным голосом заявил, что они дурака сваляли, отказавшись от голодовки. Неизвестно, сколько времени им еще здесь торчать. Временное Правительство и не думает об их освобождении.

Я по мере сил стремился разрядить сгущенную атмосферу.

Через пару дней результат этой голодовки и нашего нажима сказался реальным образом, и офицеров начали мало-по-малу освобождать. Вскоре уже на углу Инженерной и Садовой не осталось ни одного арестованного офицера-большевика. Мы, конечно, несказанно были этому рады. Силы нашей организации сразу значительно возросли.

На 25-ое июля был назначен первый после Февральской революции, а по общему счету шестой партийный съезд. Работы в нашей редакции прибавилось вдвое. Ведь наша газета являлась единственной в Петрограде партийной газетой. Ей приходилось временно выполнять функции

центрального органа нашей партии и, следовательно, в данный момент обслуживать партийный съезд, осведомляя о его работах широкую партийную массу. Я почти все время торчал на съезде. Начался он довольно торжественно в помещении Сампсониевского братства на Большом Сампсониевском проспекте Выборгской стороны. Делегатов собралось большое количество. Было много приветствий. Однако с первых же шагов чувствовалось отсутствие т. Ленина. Стол президиума без него как будто осиротел. Невольно вспоминалась так недавно происходившая Всероссийская конференция. Кажется, вот сидит Владимир Ильич в своей характерной позе, когда он слушает речь какого-нибудь делегата с мест. Вся его фигура выражает напряжение. Голова вытянута и слегка наклонена. Рука подложена за ухо, чтобы лучше слышать, а глаза поблескивают весельем и лукавством. Но это только кажется. Ленина нет. Он далеко. Он скрывается. Главными руководителями съезда являются Сталин и Свердлов. В особенности колоритна фигура Свердлова, который своим громоподобным голосом заполняет все уголки огромного зала заседания съезда. Приблизительно к этому времени относится написанное про него шутливое стихотворение Демьяна Бедного, не предназначавшееся для печати:

У нашего Якова
Хватит про всякого
И волос,
И голос.
В кармане готовая резолюция:
«Да здравствует всемирная революция!».

На этом же съезде присутствуют представители межрайонцев, с которыми мы объединяемся. Их руководители избираются в число президиума. Юренев сейчас же занимает место за председательским столом. Троцкий, который сидит в «Крестах», остается в составе почетного президиума.

Полное описание работ съезда можно найти в его протоколах, которые вышли в 1919 г. Здесь же я не могу не остановиться на некоторых особенно патетических моментах съезда. Помню, какой энтузиазм охватил съезд,

когда председателем было заявлено, что съезд хочет приветствовать один из вождей меньшевиков-интернационалистов т. Ларин. Эта картина ярко стоит в моей памяти. Под громовые аплодисменты медленно, еле волоча парализованную ногу и весь подергиваясь, продвигается Ларин сквозь ряды к ораторской трибуне. И чем ближе он подвигается, тем громче становятся аплодисменты. Когда он занимает место на трибуне, видно, как бледно его лицо. Он взволнован. И говорит он с большим подъемом. Он сразу заявляет, что приветствует съезд от имени того крыла меньшевиков-интернационалистов, которое написало на своем знамени: немедленный разрыв с оборонцами (бурные аплодисменты). Далее он сказал, что пришло время, когда все интернационалисты, и большевики и меньшевики, должны объединиться. «Мне известно,—заявил он,—что вскоре на ваш съезд явится сам вождь меньшевиков-интернационалистов т. Мартов и выступит официально». Трудно описать то, что происходило на съезде. когда он закончил свою речь. Чтобы уяснить это, нужно представить себе ту обстановку клеветы и травли, в которой тогда находилась наша партия. В этот момент всякое выражение сочувствия и поддержки было особенно ценно. Казалось, что т. Мартов, а вместе с ним и все то, что было живого и талантливого в рядах меньшевистской фракции, возвращается обратно в наши единые социал-демократические ряды. Однако радость наша была несколько преждевременна. Мартов так на съезд и не явился, а прислал письменное приветствие гораздо более сдержанное по содержанию, чем речь Ларина, и в дальнейшем не изъявил особенного желания объединяться с большевиками. Поэтому т. Ларин вместе с группой своих единомышленников принужден был впоследствии просто выступить из рядов партии меньшевиков-интернационалистов и единоличным порядком вступить в нашу партию.

В первые дни съезд происходил совершенно легально. Все оповещения съезда мы открыто печатали в нашей газете с указанием адреса, куда нужно являться делегатам създа. Хотя некоторые предосторожности и в этот момент мы уже предпринимали. Так например, Подвойский выступил с докладом о работе военной организации

под именем «т. Николая». Сделав свой доклад, он немедленно скрылся из зала заседания.

Но в дальнейшем было найдено целесообразным весь съезд перевести на нелегальное положение, и потому последние его заседания были перенесены за Нарвскую заставу, на Новосивковскую улицу д. № 23, в здание комнаты местного районного партийного комитета. Там съезд и закончил свои работы. Отчеты о работах съезда для помещения их в газету составлял т. Сталин, который тут же во время заседаний набрасывал их на узеньких листках бумаги и передавал мне для дальнейшего использования.

По окончании съезда на моей обязанности попрежнему осталось поддерживать сношения с т. Сталиным и секретариатом Центрального Комитета. Центральный Комитет нашей партии в это время, опять-таки полулегально, помещался на углу Больш. Московской и Разъезжей улиц, в квартире второго или третьего этажа. Я почти каждый день приходил туда за той или иной статьей для нашей газеты и часто заставал мирную семейную картину: Все сидят за столом и пьют чай. На столе уютно кипит большой самовар. Тов. В. Р. Менжинская с полотенцем через плечо выполаскивает стаканы, вытирает их и наливает чай вновь приходящим товарищам. Обыкновенно и я соблазнялся и, по предложению симпатичной Веры Рудольфовны, выпивал стаканчик-другой горячего чая. Невольно просится сопоставление: теперешнее помещение Центрального Комитета. Огромный дом с целым рядом всякого рода отделов и подотделов. Большое количество служащих, которые суетятся и снуют по всем этажам за лихорадочной спешной работой. Естественно, что теперь, при развернувшихся функциях, иначе и не мыслится работа Центрального Комитета. Но все-таки как-то жалко, что ушла и наверное никогда не вернется пора такой простой и незатейливой, но в то же время проникнутой таким глубоким товариществом, сплоченной и спаянной работы. Получая статьи из Центрального Комитета партии, мы и их, так же как и все наши статьи, пропускали через проработку нашего редакционного аппарата. Мы ни на минуту не упускали из виду, что, хотя в силу сложившихся обстоятельств наша газета временно стала исполнять

функции центрального органа партии, все же она по своим основным задачам и по кругу своих читателей — массовая солдатско-крестьянская газета. Так же как и раньше, мы всячески изгоняли из статей всякого рода непонятные для солдат выражения и в первую очередь иностранные слова. В связи с этим у нас начались некоторые трения с отдельными членами Центрального Комитета. Помню, одна из переданных мне т. Сталиным статей, превосходно написанная, заканчивалась литературной цитатой. Цитата эта для массовика-солдата, незнакомого с литературой, была непонятна; поэтому я переделал ее в соответствии с общим духом нашей газеты. На другой день у меня было серьезное объяснение с т. Сталиным. «Кто передал мою статью?» — с раздражением спросил он меня. — «Я». — «Вы не имели права этого делать. Вы мне испортили статью. Там была литературная цитата, а вы мне ее переделали на чорт знает что». Я объяснил т. Сталину, что наша газета является солдатской газетой и потому должна всячески стремиться, чтобы ее статьи были понятны для солдат. Однако мои объяснения не удовлетворили т. Сталина. В моих действиях он усмотрел некоторый подрыв престижа ЦК.

Были у т. Сталина некоторые крупные разговоры и с Н. И. Подвойским, на почве слишком якобы независимой, почти самостийности работы военной организации. В результате целого ряда недоразумений возникло даже настоящее дело по обвинению военной организации в превышении власти и захвате некоторых функций у Центрального Комитета. Для расследования этого дела была выделена специальная комиссия ЦК в составе тт. Иоффе и Смилги. Помню одно из заседаний этой комиссии, на котором в качестве обвиняемых предстали Подвойский, Розмирович и я, а нашим обвинителем выступил т. Сталин. Заседание на время приняло характер очень обостренной пикировки между товарищами Подвойским и Сталиным. Комиссия, выделенная ЦК, весьма умело и тактично повела дело. В т. Иоффе уже тогда совершенно ясно обнаружились черты, поставившие его впоследствии в первые ряды молодой советской дипломатии. Стороны вскоре примирились, был

найден путь для безболезненной и дружной совместной работы. Наше дело имело только одно реальное для нас последствие. Для обеспечения руководства ЦК в нашу газету был прислан «верховный цензор», член ЦК, А. С. Бубнов. Впрочем, об этом речь будет впереди.

В начале августа наша газета за какую-то особенно резкую статью была Временным Правительством закрыта. Повидимому, нагоняй получил и хозяин типографии, потому что он сообщил нам, что к своему глубокому прискорбию не может больше продолжать печатание нашей газеты под другим заглавием, как мы это предполагали. И пришлось нашему бедному «ответственному редактору» т. Нарчуку итти в градоначальство держать ответ за несовершенное им преступление — криминальную статью в газете, а нам с Подвойским пуститься в новые поиски типографии.

На этот раз задача наша оказалась значительно более легкой. Мы скоро сговорились с типографией Василеостровского районного совета (бывш. Шахт), помещающейся в Тучковом переулке 17, где и возродилась наша газета под новым названием «Солдат». Здесь-то и пожаловал в нашу газету «верховный цензор ЦК» т. Бубнов. В силу данных ему от ЦК полномочий, он должен был просматривать все набираемые нами статьи и давать окончательную санкцию на их помещение. От пересмотра нашей тощей хроники и солдатских писем он великодушно отказался. У меня с т. Бубновым как-то сразу наладились добрососедские и даже дружеские отношения. В те дни, когда я один выпускал газету, мы довольно быстро и согласованно заканчивали нашу работу. Совсем другое дело было, когда выпускать совместно с нами газету приходил т. Подвойский. Присутствие «верховного цензора ЦК» в редакции газеты его в глубокой степени возмущало и волновало.

По существу, конечно, решение ЦК о присылке к нам своего «цензора» было в высшей степени обидным для нас шагом. Руководители нашей газеты были в достаточной степени квалифицированные работники, с солидным литературным и партийным стажем, и могли совершенно спокойно самостоятельно вести газету. Никаких уклонов в нашей газете не имелось, и никаких серьезных оши-

бок в нашей прошлой работе допущено не было. С этой стороны возмущение т. Подвойского было вполне понятно. Но, с другой стороны, т. Бубнов был симпатичным человеком и вполне возможно было установить с ним товарищескую основу для работы. Однако здесь буквально коса находила на камень. Наша редакция превращалась в своего рода маленький дискуссионный клуб. Кого это больше всего возмущало, так это метранпажа и наборщиков. Как сейчас помню картину: время уже перевалило за полночь, в дверях редакционного помещения стоит возмущенная фигура метранпажа, из-за него поминутно выглядывают любопытные лица наборщиков, а у нас дискуссия в полном разгаре. Оба противника с пеной у рта доказывают друг другу правильность своей точки зрения. Наконец метранпаж не выдерживает: «До каких же пор, товарищи, вы будете спорить? — восклицает он. — Что же мы к утру только сверстаем номер? Ну, вы как хотите, а я сдаю полосу!». И, ворча, он уходит в наборную. Под таким давлением «снизу», споры прекращались, и мы совместно приступали к продолжению верстки номера.

Впрочем, т. Бубнов пробыл у нас недолго. В середине августа наша партийная типография «Труд», разгромленная в июльские дни, была восстановлена, и Центральный Комитет нашей партии приступил к изданию собственного центрального органа — газеты «Пролетарий». В связи с этим интерес к нашей газете со стороны руководящих кругов нашей партии несколько уменьшился, и т. Бубнов из нашей газеты был отозван. Метранпаж и наборщики могли вздохнуть свободно.

С уходом т. Бубнова и т. Подвойский как-то реже стал бывать в газете. Его отвлекала все растущая работа в районах и в военной организации. Мне приходилось почти одному вывозить газету. По счастью, такой период продолжался недолго. Необходимая мне поддержка была дана. В состав редакционной коллегии газеты вступил только-что приехавший из Франции политический эмигрант Вячеслав Рудольфович Менжинский [1], брат Веры Рудольфовны. Брюнет с большой окладистой

[1] В настоящее время он является председателем ОГПУ.

бородой, серьезным, вдумчивым взглядом и мягкими манерами, он произвел на нас самое благоприятное впечатление. Элегантная наружность его сразу изобличала в нем европейца. Подвойский рекомендовал его мне, как беллетриста. И действительно, статьи т. Менжинского были очень живо и интересно написаны, отчасти напоминая собою беллетристические произведения. Целый ряд номеров «Солдата» мы выпустили с т. Менжинским вдвоем. Работа у нас шла очень дружно и согласованно. Об этом времени приятно вспомнить. Обыкновенно, придя в типографию, мы сразу же усаживались за писание статей для текущего номера. Закончив писание статей, мы удалялись от шума в какой-нибудь укромный уголок типографии и там, сидя на подоконнике или на печатных машинах, оглашали написанные статьи и вносили в них необходимые исправления, буде таковые требовались. Приняв таким образом статьи к напечатанию и обменявшись мнениями по поводу характера предполагаемого номера, мы сдавали весь материал в набор, а сами шли на Средний проспект в ближайшую к нашей типографии чайную. Здесь за стаканом чаю и беседой мы спокойно проводили время необходимое, чтобы сданный нами материал хотя бы частично был набран.

Влияние нашей газеты постепенно росло, тираж ее увеличивался, и скоро мы нашли более целесообразным перенести печатание газеты в нашу предыдущую типографию «Народ и Труд». Мы были настолько сильны, что хозяин типографии, не так давно сам нас оттуда выпроводивший, теперь усиленно звал нас обратно. Некоторое время мы набирали газету попрежнему в типографии Василеостровского районного совета, а затем сверстанные полосы на лошадях перевозили в типографию «Народ и Труд» для печатания, но потом целиком перебрались в эту типографию. Этот период жизни нашей газеты несколько хуже сохранился в моей памяти, так как я постепенно стал отходить от газетной работы. Меня все больше и больше втягивала работа в Запасном Огнеметно-Химическом батальоне. Расскажу об этом по порядку.

После суда надо мной офицерского комитета, я, по приказанию командующего, некоторое время перестал по-

сещать казармы своего батальона. Один раз ко мне на квартиру солдат принес мне выписку из протокола комитета части, заявляющую протест по поводу суда надо мной и моей изоляции. Другой раз тот же солдат принес результаты выборов в батальонный суд, где я оказался избранным председателем суда, вместо ранее исполнявшего эту должность, а ныне заболевшего подпоручика Рикмана. «Завтра вам нужно будет явиться на заседание суда», — предупредил меня солдат, принесший постановление. — «А не арестует меня командир, если я, вопреки его прямому приказанию, явлюсь в батальон?» — спросил я. Мне интересно было, что ответит солдат на этот вопрос. Но он ни минуты не задумался. «Не беспокойтесь, г-н прапорщик, — сказал он: — мы сумеем вас защитить!». Так я, самовольно повинуясь лишь желанию солдат, вернулся в батальон и приступил к исполнению своих обязанностей.

Параллельно со своей работой в батальонном суде я предпринял чтение для солдат популярных лекций по истории революционного движения в России, которые проходили с большим успехом.

Постепенно наша часть заметно революционизировалась. Много помогло этому то обстоятельство, что в наш батальон влились новые пополнения, состоящие преимущественно из заводских рабочих с определенно большевистским настроением. Окончательно переломил настроение солдат корниловский мятеж. Здесь даже и спящие проснулись. Офицерство не смогло скрыть своей симпатии к Корнилову и тем окончательно дискредитировало себя в глазах солдат. Солдаты ясно увидели, что у них есть враг, который копит силы для того, чтобы, выбрав удобный момент, насильственным образом вернуть старые порядки. После корниловского мятежа начинается как бы новый период жизни нашего батальона. На первом же общем собрании, созванном в связи с корниловским мятежом, я избираюсь председателем. В развернувшихся прениях противником моим выступил один из местных меньшевистских лидеров, большой руки демагог, пользовавшийся раньше колоссальным влиянием. Теперь его речь не имела почти никакого успеха. Чтобы обеспечить проведение моей резолюции, я нарочно со-

ставил ее в умеренных тонах, однако солдаты своими добавлениями сами заострили резолюцию и поставили все точки над і. В этих добавлениях солдаты требовали освобождения арестованных большевиков, прекращения травли Ленина и Зиновьева, восстановления «Солдатской Правды» и многого другого. Я с большой радостью ставил каждое из этих добавлений на голосование, и все они единогласно, под гром аплодисментов, были приняты собранием. Это была первая определенно большевистская резолюция, принятая общим собранием солдат нашего батальона.

Такая перемена настроения солдат очень встревожила командный состав батальона. На следующее общее собрание пожаловал уже сам помощник командира батальона, поручик Надеждин. Прекрасный оратор, хитрый и умный человек, он прилагал все усилия, чтобы переломить на свою сторону настроение солдат батальона, но это ему так и не удалось. Опять, как и в прошлый раз, была принята определенно большевистская резолюция.

14-го сентября в Петрограде открылось так называемое «Демократическое Совещание». На этом Совещании должен был быть поставлен опять (в который раз?) вопрос о власти. Так как Петроград на этом Совещании был представлен меньшевистско-эсэровской делегацией Петроградского Совета, не выражающей настроения широких масс, то под руководством Центрального Комитета нашей партии был организован массовый штурм Демократического Совещания делегациями от петроградских фабрик, заводов и воинских частей. В комитете нашего батальона также еще раз была принята резолюция о необходимости перехода власти в руки Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, а для оглашения этой резолюции на пленуме Демократического Совещания был избран я. Как сейчас помню вестибюль Александринского театра, битком набитый делегациями петроградских рабочих и солдат. Душно, накурено. Царит всеобщее возбуждение. Мы требуем, чтобы нас пропустили и дали огласить наши резолюции на пленуме. Караул никоим образом не соглашается нас пропустить. Мы волнуемся, шумим. Наконец появляется своего рода контр-делегация — группа руководителей Демократического Совещания, уполномо-

ченная говорить с нами. Впереди московский городской голова эс-эр Руднев. Он смотрит исподлобья. Его высокий, четырехугольный лоб наклонен вперед. Впечатление такое, как будто он хочет проломить лбом какую-то стену. Пытаясь говорить спокойно, он объясняет нам, что наше выступление на Совещании допущено быть не может, так как наши представители в лице делегации Петроградского Совета на Совещании уже имеются. Мы отвечаем, что Чхеидзе и «либерданы» не выражают нашей точки зрения, мы требуем передачи власти в руки Советов. Тут уж Руднев не выдерживает. Краска бросается ему в лицо. Повышенным тоном он еще раз заявляет, что не может допустить нас на Совещание, и вместе со всем своим штабом быстро удаляется. Мы остаемся ни с чем. Сейчас же организуется импровизированное собрание. Откуда-то появляется т. Бубнов, который предлагает нам не расходиться, а выработать резолюцию протеста по поводу недопущения нас на Демократическое Совещание. Это предложение единогласно принимается. В связи с текстом резолюции начинается новое выступление ораторов. Я оглядываюсь кругом. Больше всего внимания к себе привлекает небольшая группа представителей сравнительно недавно возникшего Социалистического Союза Молодежи. Они спорят и шумят. Живее и бойчее всех хорошенькая, розовощекая, голубоглазая девушка Лиза Пылаева, которую я неоднократно встречал раньше в Выборгском районном партийном комитете. Не будучи в силах сдержать своего буйного темперамента, она неожиданно для всех и в первую очередь для своих товарищей вскакивает на стул и звонким девическим голосом произносит горячую речь от имени Социалистического Союза Рабочей Молодежи. Товарищи ее, видимо, смущены таким оборотом дела. Во время речи они энергично дергают ее за платье, а когда она слезает со стула, обрушиваются на нее со всех сторон: «Дура! Ты чего высунулась-то! Нужно организованно! Ты и десятой доли не сказала того, что надо!». Пылаева, вся красная от волнения, смущенно оправдывается. Я невольно улыбаюсь, глядя на эту сцену. Наконец резолюция выработана, мы подписываемся под нею от имени уполномочивших нас полков и заводов и расходимся.

Рост большевистских настроений в нашем батальоне, так же как и в целом ряде других петербургских полков, повел за собою перевыборы его делегатов в Ленинградском Совете. На место меньшевиков и эс-эров стали избираться большевики. Вскоре были назначены перевыборы и в постоянном составе нашего батальона. Наша большевистская ячейка решила выставить мою кандидатуру. Задача моя в значительной степени облегчалась тем, что делегат постоянного состава, меньшевик т. Усенко, выбранный в первые дни после Февральской революции и прошедший даже в Исполнительный Комитет Совета, так с тех пор почти и не показывался в батальоне и никаких отчетов своим избирателям не давал. Не явился он и на собрание, созванное по случаю его же собственного перевыбора. На этом основании один из его партийных друзей пытался сорвать перевыборы, предлагая перенести их на другой день, но большевики энергично выступили против, и в результате я был избран в Совет подавляющим большинством голосов.

С протоколом этого собрания явился я на следующий день в Смольный институт в мандатную комиссию Петроградского Совета. «Вы избраны вместо т. Усенко? — спросил меня председатель мандатной комиссии. — Он как раз сейчас здесь, пойдемте к нему». Мы прошли в одну из ближайших комнат, где у окна за столом я увидел работающего т. Усенко. Он тоже увидел нас и, точно почувствовав что-то, поднялся к нам навстречу. «Вы переизбраны, — сказал ему, здороваясь, председатель мандатной комисии и протянул принесенную мною выписку из протокола. Тов. Усенко молча прочел выписку, не говоря ни слова расстегнул тужурку, вынул свой мандат и положил его перед председателем мандатной комиссии. Так одним меньшевиком в Петроградском Совете стало меньше.

Работа в Петроградском Совете навалила на меня еще целый ряд новых обязанностей. Помимо присутствия на общих собраниях Совета и его военной секции, я должен был войти в состав районного совета Петроградской стороны (по месту нахождения моей части), где председатель совета большевик т. Скороходов втянул меня во внутрисоветскую работу. Здесь я, вместе с рабочим-

большевиком т. Прохоровым был избран уполномоченным по руководству районной организации Социалистического Союза Молодежи[1], а кроме того — секретарем конфликтной комиссии совета. В особенности любопытной была последняя работа. Задачей конфликтной комиссии являлось разрешать конфликты, возникающие на местах между хозяевами и рабочими. В этом отношении конфликтная комиссия являлась типичным революционным органом, самочинно осуществляющим свою волю. Формально никакой власти у нас не было, но авторитет Совета Рабочих и Солдатских Депутатов был настолько велик, что все наши распоряжения беспрепятственно исполнялись не только рабочими, но, что всего удивительнее, и хозяевами. Во всех случаях появление на месте нашего представителя, члена конфликтной комиссии, являлось решающим. Неправильно уволенная прислуга принималась обратно, обсчитанному при увольнении рабочему выплачивалась сумма его заработка сполна и т. п. От этого авторитет конфликтной комиссии, а вместе с ней и районного совета, возрастал еще больше. Бывало, в определенные часы, когда я, как секретарь конфликтной комиссии, открывал прием, меня со всех сторон осаждали просители рабочие и работницы. И ко времени заседания нашей комиссии у меня набирался целый ряд конфликтных дел, так что, при распределении их, на каждого члена комиссии выпадало по нескольку мест, куда он должен был поехать. Работая таким образом в районнм и центральном советах, я не порывал своей связи ни с газетой, в которой продолжал работать, ни со своим батальоном. В особенности тесную связь стремился я держать с солдатами моего батальона, избравшими меня своим делегатом в Петроградский Совет. Для того, чтобы особенно ясно подчеркнуть разницу между прежним делегатом постоянного состава — меньшевиком и мною — большевиком, я после каждого заседания Совета делал обстоятельные отчетные доклады своим избирателям, подробно информируя их о работах Совета и указывая, за какие предложения я, вместе со

---

[1] В то время Социалистический Союз Молодежи формировался еще при районных советах рабочих и солдатских депутатов.

всей большевистской фракцией Совета, голосовал. К моим докладам относились с большим интересом и вниманием.

Приближался бурный Октябрь. Временное Правительство окончательно выявило свою неспособность управлять страной при настоящих условиях. Кабинеты формировались за кабинетами, но толку от этого не было никакого. На местах назревало такое же настроение, которое было перед июльскими днями. Но только теперь массы сделались гораздо более осторожными. «Теперь уж так просто не выступим, — говорили там и здесь, — Предварительно нужно все подготовить». И подготовка шла во-всю: зондировалась почва в отдельных воинских частях и на заводах. Подсчитывалось оружие. Подготовка шла настолько явно, что об этом прекрасно знали даже наши враги. Буржуазные газеты буквально в каждом номере кричали о готовящемся выступлении большевиков. Называли даже приблизительную дату — 25-ое октября. И все-таки помешать ему ничем не могли.

Крупную роль в деле организации сил революции сыграл Северный съезд советов, состоявшийся 10 октября. Я, в числе других 15 большевиков, был делегирован на этот съезд от Петроградского Совета и принимал участие в его работах до самого конца. На этом съезде впервые большевики господствовали почти безраздельно. На этом съезде определенно выяснилось, что Петроград окружен как бы стальным кольцом большевистских Советов, которые в случае чего всегда могут прийти к нему на помощь. Обстановка для восстания складывалась весьма благоприятно. Это значительно подымало дух и окрыляло надеждами. Выступивший-было с предостерегающей речью член ЦИК меньшевик Богданов был осмеян и освистан. На съезде, в особенности на фракции съезда, определенно говорилось о предстоящем захвате власти Советами. Вопрос стоял главным образом о том, как легче и безболезненнее совершить этот захват. Некоторые провинциалы предлагали сперва совершить переворот на местах с тем, чтобы этим облегчить переворот в Петрограде. Однако в этом отношении ничего определенного решено не было. Было лишь выделено бюро в составе нескольких товарищей, преиму-

щественно военных, которые могли бы не только подготовить, но в случае чего и провести переворот. Помню, в состав этого бюро входили тт. Крыленко, Антонов, Дыбенко и другие, в том числе мой брат Раскольников, несмотря на то, что он в этом время еще находился в тюремном заключении.

Энергично готовилась к предстоящему выступлению и большевистская фракция Петроградского Совета. Помню сугубо секретное заседание нашей фракции совместно с представителями полковых и фабрично-заводских партийных коллективов под председательством т. Лашевича. Несмотря на очень сдержанную и осторожную оценку представителями настроения своих частей, видно было, что момент выступления назрел и массы ждут его. В конце заседания, когда общая картина настроения рабочего и солдатского Петрограда выяснилась с достаточной ясностью, один из делегатов не выдержал и задал председателю собрания т. Лашевичу прямой вопрос: «На которое же число будет назначено общее выступление?». Тов. Лашевич слегка улыбнулся, немного помолчал, а затем твердо, делая ударение на каждом слове, ответил: «Об этом вы своевременно будете поставлены в известность».

Мои химики также волновались и оживленно готовились к предстоящему выступлению. На 12-ое октября мы решили организовать большой митинг с привлечением целого ряда мелких воинских частей, которые были расположены вблизи наших казарм. Чтобы митинг прошел с наибольшим успехом, заручились согласием выступить на этом митинге т. Каменева. Однако до самого конца не было полной уверенности в том, что Каменев действительно выступит на этом митинге. Он был настолько занят в Смольном, что на целом ряде собраний, где заранее было объявлено его участие, он отсутствовал. Мои химики прижали меня к стенке и настояли, чтобы я сам вместе с ними отправился в Смольный и увез оттуда т. Каменева. «Вы его знаете, — говорили они: — и вам это легче удастся, а без т. Каменева митинг будет совершенно сорван». Нечего делать, я согласился. В Смольном я, на мое счастье, лицом к лицу столкнулся с братом, только накануне выпущенным из «Крестов». Он

значительно помог мне в моем энергичном напоре на т. Каменева. Каменев долго и упорно отказывался, ссылаясь на неотложные дела, но в конце концов сдался, и мы победоносно, при радостных криках сопровождавших меня химиков, повели его к автомобилю. В автомобиле разговор вертелся все время вокруг все того же вечного вопроса о предполагаемом выступлении. Тов. Каменев был одним из тех немногих членов нашего ЦК, которые высказывались против вооруженного восстания, считая его преждевременным. И здесь в автомобиле т. Каменев подробно развивал свою точку зрения, указывая на то, что обстановка мало благоприятствует нам, да и сами мы еще далеко не подготовлены к такому шагу. «Вот вы, военная организация, — обратился он внезапно ко мне: — скажите, пожалуйста, знаете ли вы, как разводятся мосты?». Я принужден был сознаться, что техника разведения мостов мне не известна. «Ну вот! — воскликнул т. Каменев. — Нет, — продолжал он: — это не так-то все просто. Тут много всякого рода мелких трудностей, которые мы совершенно не предусматриваем». Однако опасения и скептицизм т. Каменева не встречали ответного отклика в наших сердцах. Мы все рвались к бою и твердо были уверены в победе.

Манеж Владимирского военного училища, где должен был состояться митинг, когда мы приехали туда, был уже переполнен солдатами, и потому я сразу же занял председательское место и открыл митинг. Несмотря на скептицизм, только-что проявленный т. Каменевым в разговоре с нами, речь его на этом митинге была проникнута ярко-революционным, боевым настроением и имела огромный успех. Но, пожалуй, еще больший успех выпал на долю брата, который в своем кратком слове прямо уже призывал солдат к вооруженному восстанию. Этот митинг еще ясней показал мне, что момент назрел и новая революция необходима, мало того — она неизбежна...

Приближались двадцатые числа октября. Я попрежнему разрывался на части, успевая в день побывать на пяти-шести собраниях... Подвойский тоже почти совершенно не посещал газету, участвуя в бесчисленных совещаниях, происходивших в Смольном. По его лицу

я ясно видел, что заветный момент приближается. Он весь сиял от возбуждения и радости. «Хотите, вы будете... генералом?» — внезапно спросил он как-то меня, и глаза его заблистали. Другой раз он спросил у моей жены: «Хотите умереть за революцию? Вы будете во время уличного боя передавать распоряжения!». Один раз он на ходу поймал меня в помещении совета 1-го Городского района и, таинственно отведя в сторону, спросил, кого, по моему мнению, лучше всего поставить во главе наших вооруженных сил: Дзевалтовского, Крыленко или Раскольникова. Я ответил ему, что, по моему мнению, Дзевалтовский совсем отпадает, так как мы его слишком мало знаем; брат, как на зло, сегодня только заболел инфлуэнцой и лежит дома в постели, так что из трех названных кандидатов единственно возможный — т. Крыленко, тем более, что к тому же еще он фронтовой, а следовательно и боевой офицер. Подвойский согласился со мной, и мы расстались.

Наконец, 21-го октября, когда я дежурил в помещении своего Запасного Огнеметно-Химического батальона, ко мне пришла т. Анда и принесла мне от т. Подвойского следующий мандат:

Исполнительный Комитет
Петроградского Совета
Рабочих и Солдатских
Депутатов.

Военный Отдел.

21 октября 1917 г.

№ 1099.

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Товарищ прапорщик Ильин, А. Ф., делегируется комиссаром от Военно-Революционного Комитета при Петроградском Совете Рабочих и Солдатских Депутатов в Огнеметно-Химический батальон.

За Председателя Г. Сухарьков.

Печать.

Секретарь Антонов.

К этому мандату была приложена следующая записка:

Александр Федорович!

Николай Ильич просил, чтобы вы непременно пришли в Смольный институт. Посылаю вам на всякий случай ваш мандат. Вы назначены комиссаром своей роты. С Николаем Ильичем можете

поговорить по телефону 148-11, сведения и связи надо направлять Литейн. — Смольный институт.

С товарищеским приветом Анда.

К сведению.

Ни одного решения без вашего ведома в роте, ни одного распоряжения. Товарищам сказать, что, что бы только ни происходило какие бы ни были события, без санкции Петроградского Совета ничего не предпринимать. Николай Ильич вам добавит.

Я невольно вскочил со своего места. Я понял, что это уже начало активного выступления. От слов мы перешли к делу.

VII. Октябрьская революция.

Я получаю назначение. — В Военно-Революционном Комитете. — В Гренадерском полку. — Временное Правительство разводит мосты. — Наши мероприятия. — Павловское училище хочет выступить. — Взятие Зимнего дворца. — Ударницы в Гренадерском полку. — Заседание полкового комитета. — Наступление Краснова. — Подозрительный «смертник». — Разоружение Павловского военного училища. — Восстание Владимирского военного училища. — Разговоры об образовании власти. — Левые эс-эры показывают свое лицо. — Изгнание эс-эровских агитаторов из Гренадерского полка. — Я отправляюсь с отрядом на поддержку Москве.

Получив мандат, я прежде всего отправился к солдатам сообщить им о моем назначении и дать в качестве комиссара первые необходимые указания. По всем ротам я собрал общие собрания солдат и, сделав небольшой доклад по текущему моменту, объяснил смысл и цель моего назначения. Я указал на то, что контр-революция, группирующаяся вокруг Временного Правительства, в настоящее время мобилизует свои силы, и поэтому Петроградский Совет более, чем когда бы то ни было, нуждается в поддержке выбравших его рабоче-крестьянских масс. «Положение чрезвычайно острое, — говорил я. — Вопрос может встать так: *или* Временное Правительство, *или* Совет Рабочих и Солдатских Депутатов. Поэтому полки петроградского гарнизона должны быть готовы каждую минуту выступить с оружием в руках в защиту своего выборного органа». Солдаты дружными аплодисментами приветствовали мои слова, и, когда я в заключение за-

явил, что отныне ни одно распоряжение командира батальона не может быть исполнено солдатами без моего подтверждения, все единодушно обещали принимать распоряжения только от меня. Настроение солдат было вполне сознательное и революционное. Помню, в одной роте, когда я закончил свое сообщение, у кого-то из солдат вырвался искренний радостный возглас: «Давно бы пора так!». Предупредив таким образом все роты и чувствуя за собой поддержку солдат, я решил поставить в известность о моем назначении и самого командира батальона. Для этого я, не теряя времени, направился в штаб батальона, помещавшийся отдельно от казарм, в которых жили солдаты. Командира батальона гвардии полковника Мартюшова в своем кабинете не было, и принял меня его помощник поручик Надеждин. Заслушав мое сообщение и прочтя мой мандат, он поднял на меня свои холодные стальные глаза и бесстрастным голосом ответил: «Мы принимаем распоряжения и назначения только от штаба Петроградского военного округа. Вы, как офицер, должны были бы это знать». Я вспылил. «Хорошо, — саказал я, — попробуйте действовать помимо меня, но только помните, что ни одно ваше распоряжение без моей заверки не будет выполнено солдатами». Глаза поручика Надеждина на мгновение блеснули злобой, но он овладел собой и, пожав плечами, сказал: «Хорошо, я передам ваши слова командиру, но только помните, что вы играете опасную игру». Я ничего не ответил, поклонился и вышел из комнаты. Мне нужно было спешить в Смольный, где от Николая Ильича Подвойского я должен был получить дальнейшие инструкции. Быстро на трамвае доехал я до Смольного и почти бегом поднялся в третий этаж, где в небольших комнатках раньше ютилась военная секция Петроградского Совета, а теперь помещался Военно-Революционный Комитет.

Здесь все волновалось и кипело. Поминутно приходили и уходили люди, получавшие те или иные распоряжения. Почти в самых дверях столкнулся я с нашим военно-партийным работником, подпоручиком Пулеметного полка Тарасовым-Родионовым. Он вместе со мною прошел в ту комнатку, где сидели члены Военно-Революционного Комитета, и здесь поведал свою чрезвычайно

любопытную историю. Оказывается, штаб Петроградского военного округа для собственной самообороны решил установить на крыше пулеметный отряд и командование этим отрядом поручил . . . подпоручику Тарасову-Родионову. Конечно, это было сделано в полном неведении того, что т. Тарасов-Родионов является партийным большевиком и притом активным работником. Получалась любопытная картина—большевик, охраняющий штаб Петроградского военного округа от большевиков. Тарасов-Родионов пришел сейчас в Военно-Революционный Комитет спросить инструкции, как ему быть: отказаться ли от этого назначения, или принять его с тем, чтобы использовать свое положение в интересах Военно-Революционного Комитета. Насколько мне помнится, решение Военно-Революционного Комитета было принято в духе этого последнего предложения. Тов. Тарасову-Родионову была дана инструкция сформировать пулеметный отряд из наиболее надежных большевиков, с тем, чтобы в нужный момент ударить войскам Временного Правительства в тыл.

Прослушав с большим интересом обсуждение этой инструкции, я отправился в другую комнату разыскивать нужного мне Николая Ильича Подводского. Тов. Подвойского я застал разговаривающим с каким-то неизвестным мне подпоручиком. «А! Вот вы очень кстати! — обрадовался т. Подвойский, увидев меня: — поезжайте-ка вы в Гренадерский полк, там у нас до сих пор нет комиссара». — «Но веть я, Николай Ильич, только-что получил назначение комиссаром в свой Запасный Огнеметно-Химический батальон», — напомнил я ему. «Ничего, вы будете совмещать, — ответил мне Подвойский: — ведь обе эти части расположены на Петроградской стороне и не так далеко одна от другой. Имейте в виду, что это назначение весьма ответственное. Гренадерский полк принимал активное участие в июльских событиях, за это подвергся репрессиям со стороны Временного Правительства, и теперь настроение в нем довольно упадочное. Между тем для нас весьма существенно держать этот полк в своих руках». Разговаривавший до меня с т. Подвойским офицер сейчас же представился мне подпоручиком Гренадерского полка Никоновым и также стал убе-

ждать меня принять это назначение. «Я сам бы мог быть комиссаром своего полка, — заявил он мне между прочим, — так как я тоже большевик, но мне это не так удобно, так как большевиком я сделался недавно, а до июльских дней был активным противником большевизма, и все в полку это прекрасно знают».

Я не возражал против этого нового назначения, и через несколько минут т. Подвойский вручил мне в руки следующий мандат:

Исполнительный Комитет
Петроградского Совета
Рабочих и Солдатских
Депутатов.

Военный Отдел.

22 окт. 1917 г.

№ 1109.

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Товарищ прапорщик Ильин делегируется комиссаром от Военно-Революционного Комитета при Петроградском Совете Рабочих и Солдатских Депутатов в Гв. Гренадерский полк.

Председатель Б. Лазимир.

За секретаря Н. Подвойский.

Получив от Подвойского необходимые инструкции и обещав поддерживать с ним постоянную телефонную связь, я, в сопровождении подпоручика Никонова, отправился в запасный Гвардии Гренадерский полк вступать в исполнение своих новых обязанностей.

В Гренадерском полку я встретил довольно своеобразную и любопытную картину. Прежде всего я установил, что командир полка, полковник Коренев, не пользуется абсолютно никакой властью и всеми делами заправляет полковой комитет, состоящий почти поголовно из левых эс-эров. Партия левых эс-эров тогда еще только образовалась и представляла собой, хотя и дружественную нам, но чрезвычайно болотистую организацию. Так было и здесь. Члены полкового комитета встретили меня довольно любезно и на экстренно созванном собрании комитета единогласно утвердили меня в моих правах, но за всем этим чувствовалась какая-то недоговоренность, и я понимал, что на этих «друзей» особенно полагаться не следует. Друзьями они являются только до поры до времени.

Совсем иное отношение встретил я со стороны общего собрания солдат, которое я сейчас же созвал вслед за

утверждением меня комитетом полка. Здесь я сделал большой доклад о настоящем политическом моменте и с первых же своих слов почувствовал нити доверия, которые протянулись между мной и слушавшей меня аудиторией. Доклад мой часто прерывался возгласами «правильно!», а когда я закончил и предложил резолюцию с выражением готовности встать как один на защиту Петроградского Совета, за мою резолюцию поднялся целый лес мозолистых солдатских рук.

Убедившись, что со стороны солдат Гренадерского полка я встречу полную поддержку своим мероприятиям, я направился в Запасный Огнеметно-Химический батальон сообщить о своем новом назначении. Дорогой я обдумал свое положение и решил, что мне целесообразнее всего обосноваться в Гренадерском полку, как имеющем наибольшее боевое значение, а с Запасным Огнеметно-Химическим батальоном поддерживать главным образом телефонную связь и лишь изредка наведываться в него. Придя в батальон, я прежде всего устроил небольшое заседание с руководителями большевистской ячейки и информировал их о политическом положении и о своих ближайших предположениях. Товарищи приветствовали мое назначение в Гренадерский полк, считая контакт с такой крупной воинской единицей для нашего батальона, слабого по численности и вооружению, весьма полезным. Также одобрили они мое намерение обосноваться в Гренадерском полку и нашли нужным поставить перед батальонным комитетом вопрос о выделении специальной революционной тройки, которая являлась бы как бы моим заместителем во время моего отсутствия из батальона. Договорившись таким образом с товарищами, я вернулся в свой Гренадерский полк.

Вместе с подпоручиком Никоновым мы решили никуда не отлучаться из полка и расположились в помещении пулеметной команды, где оказалась пара свободных кроватей. Перед тем как ложиться спать, мы обошли все казармы для того, чтобы я мог ближе познакомиться с солдатами и узнать их настроение. В одном месте по просьбе солдат мы сделали даже нечто вроде небольшого митинга, рассказав солдатам, как работает и к чему стремится партия большевиков. Солдаты всюду

дружелюбно и ласково нас встречали. Я еще раз почувствовал, что могу быть совершенно за них спокоен. Правда, они не рвались к бою, но зато можно было с уверенностью сказать, что в случае чего они поддержат нас всей своей компактной, сплоченной массой.

Ложась спать, мы не рискнули совсем раздеться и сняли только сапоги, готовые по первой тревоге вскочить на ноги.

На другой день рано утром я позвонил по телефону Подвойскому, чтобы узнать, как обстоят дела и нет ли каких-нибудь новых инструкций. Подвойский сообщил мне, что момент открытого столкновения с Временным Правительством приближается. Временное Правительство пытается сконцентрировать вокруг себя преданные ему части и несомненно сделает попытку разогнать Петроградский Совет. Поэтому нужно быть все время на-чеку и в полной боевой готовности. Узнав об этом, я немедленно переслал в Запасный Огнеметно-Химический батальон следующее распоряжение:

В батальонный и во все ротные комитеты.

Петроградский Совет в опасности. Предлагаю произвести точный расчет поротно всех способных выступить на защиту Петроградского Совета.

Комиссар Запасного Огнеметно-Химического батальона

прапорщик Ильин.

В ответ на это распоряжение я получил следующее отношение, которое до сих пор хранится у меня в моем архиве:

Т. комиссару.

Из Запасного Огнеметно-Химического батальона.

По постановлению батальонного комитета выбран временный центральный орган из трех лиц. Вошли: Ермаков, Рогаткин и Чижевский, и мы тепрь уже [сконструировались]. Оружие у нас в порядке. Количество людей — 400 человек на-лицо. Ваше приказание будет исполнено. Пока все. Что будет, известим.

Дежурный член Ермаков.

Такого же рода распоряжение дал я и в Гренадерском полку, при чем выяснил, что по спискам полка в нем значится 1 900 солдат, но из них 600 нестроевых, а 300 занято караулами, так что в нужный момент полк выставит всего около тысячи штыков. Все же и это была

довольно внушительная военная сила. Благополучно обстоял вопрос и с вооружением. Винтовок и патронов к ним было вполне достаточно. На всякий случай я записал в свою записную книжку точные цифры имеющегося в моем распоряжении оружия.

Едва я кончил все эти учетные дела, как ко мне прибежал солдат и сообщил, что Временное Правительство разводит мосты. Я вскочил на ноги. Мне невольно вспомнились июльские дни, когда Временное Правительство именно с того и начало свой поход против нас, что развело мосты. Разведение мостов мне представилось как бы первым шагом попытки к нашему разгрому со стороны Временного Правительства. Неужели Временное Правительство опять одержит над нами верх? Нет, теперь уже соотношение сил не то. Весь петроградский гарнизон—как один за нас. Нужно только нам самим быть решительнее. И в первую очередь мы никоим образом не должны допускать разведения мостов. Я немедленно вызвал несколько человек солдат, сформировал из них два патруля и послал один к Гренадерскому, другой к Сампсониевскому мосту — с твердой директивой во что бы то ни стало свести мосты. «Если будет оказано сопротивление, действуйте оружием», — сказал я им на прощанье. Через несколько минут один из патрулей вернулся, таща какие-то тяжелые железные предметы. «Товарищ комиссар, — доложил мне старший, — мы свели мост, а чтоб надежнее было — забрали ключи, которыми сводится и разводится мост. Теперь уже его никак нельзя развести». За патрульными, кряхтя и ругаясь, тащился старик-сторож моста, недовольный тем, что солдаты забрали имущество, вверенное его охране. «Ничего, дедушка, не беспокойся, — утешал я его: — ключи у нас будут в полной сохранности. Вот мы их здесь положим в полковом комитете, а дня через два-три, когда все успокоится, вернем тебе обратно». — «Да я ничего... Уж ладно», — проворчал себе под нос старик и, взглянув еще раз на ключи, повернулся к выходу. Такое же распоряжение о присылке в полковой комитет ключей для разводки моста дал я и другому моему патрулю. Скоро весь угол комнаты, где помещался полковой комитет, был завален тяжелыми ключами.

Едва я покончил с этим делом, как меня попросили к телефону. Говорил Подвойский. «Что, у вас разводятся мосты?» — спросил он. Я рассказал ему подробно, как было дело, и сообщил о сделанных мною распоряжениях. «Прекрасно, — ответил Подвойский: — ни в коем случае не допускайте разводки мостов. Такая же директива дана всем полкам. Каждый мост мы поручили охране близ расположенного полка. В этом отношении на обязанности Гренадерского полка лежит охрана Самсониевского и Гренадерского мостов, Троицкий мост охраняет Петропавловская крепость, а охрану Тучкова моста мы возлагаем на Запасный Огнеметно-Химический батальон». Выслушав Подвойского, я немедленно дал распоряжение в Запасный Огнеметно-Химический батальон взять под свое наблюдение Тучков мост и ни в коем случае не допускать его разводки.

Эпизод с мостами интересен и характерен тем, что здесь мы впервые выступили как сила, противопоставляющая себя Временному Правительству. Временное Правительство дало распоряжение, а мы самочинно, опираясь на вооруженную силу, отменили это распоряжение и настояли на своем. Этим шагом мы уже непосредственно вступали в борьбу с Временным Правительством. Теперь можно было ожидать с его стороны ответного выпада. Вполне вероятно, что оно попытается двинуть против нас те части, которые еще остались ему верными. На всякий случай я решил взять под свое наблюдение Петроградскую сторону и разослал по всем близлежащим к полку улицам патрули с обязательством немедленно сообщить мне, если они обнаружат что-нибудь подозрительное.

Сообщения, которые я получал со всех сторон, вполне подтверждали мои опасения. Временное Правительство действительно собирало вокруг себя верные ему части. Таковыми в первую очередь являлись военные училища. Нужно было во что бы то ни стало помешать ему в его планах. Необходимо было воспрепятствовать концентрации войск у штаба Петроградского военного округа. Передо мной в этом отношении становилась совершенно определенная и ясная задача: взять под свое наблюдение Павловское и Владимирское военные училища, которые находи-

лись как раз между Запасным Огнеметно-Химическим батальоном и Гренадерским полком. Главную задачу наблюдения я возложил на Огнеметно-Химический батальон, как ближе к ним расположенный.

Наблюдение за Павловским военным училищем облегчалось тем обстоятельством, что в стенах училища, кроме юнкеров, находилась обслуживающая училище команда солдат, очень небольшая по численности, но в высшей степени революционно настроенная. С этой-то командой я в первую очередь и установил самую тесную связь, позволявшему мне знать все, что делалось в стенах училища.

Вечером 23 октября ко мне в Гренадерский полк прибежал запыхавшийся солдат этой команды и в волнении сообщил, что Павловское военное училище получило приказ от Временного Правительства явиться в полном составе на Дворцовую площадь и юнкера собираются выступать.

Я решил немедленно обследовать положение на месте и, взяв с собой двух членов полкового комитета—прапорщика Гана и еще одного товарища-солдата (оба левые эс-эры), поехал в Павловское военное училище.

Подъезжая к училищу, я увидел группы солдат, вооруженных с ног до головы. В одном месте, прямо на мостовой, посредине улицы стоял пулемет. В темноте осеннего вечера, освещенной лишь яркими газовыми фонарями, картина эта казалась странной и жуткой.

При ближайшем рассмотрении солдаты эти оказались моими химиками. Они радостно приветствовали меня и заявили, что стоят настраже у Павловского училища, готовые принять с ним бой в случае, если юнкера вздумают выступить на поддержку Временного Правительства. Лица их сияли отвагой и воодушевлением.

Разговор с химиками сильно поднял мое настроение. Меня порадовало их революционное чутье и инициатива. Ведь фактически я предписал им только вести наблюдение за военными училищами. О намерении Павловского военного училища я сам узнал лишь только-что и никакого распоряжения химикам сделать еще не успел. Тем не менее, они сами поняли, что им нужно делать, и небольшими силами геройски обложили училище, готовые умереть на своем революционном посту.

С такими солдатами можно было ничего не бояться!

Я простился с химиками и направился в Павловское военное училище. В помещении команды солдат училища я застал большое волнение. Маленькая комнатка, ярко освещенная небольшой электрической лампочкой, спускавшейся с потолка, была битком набита солдатами, шумно разговаривающими между собой. Председатель комитета с умным и энергичным лицом немедленно поставил меня в курс событий, происходящих в данный момент в училище. Оказывается, получив приказ Временного Правительства прибыть на Дворцовую площадь, юнкера собрались уже выступить, но команда солдат училища категорически заявила, что она не допустит выступления и с оружием в руках будет ему противодействовать. Совместно с отрядами Красной гвардии фабрики Дукат и химиками они оцепили училище, расставили пулеметы так, чтобы все входы и выходы были под пулеметным обстрелом, и приготовились, несмотря на свою малочисленность, оказать геройское сопротивление выступлению юнкеров. Председатель комитета показал мне набросанную на клочке бумаги маленькую дислокацию расположения отрядов с указанием, где находятся пулеметы. Все было разумно и носило характер организованности. На лицах же руководителей этой небольшой кучки смельчаков, противоставших целому военному училищу, я считал решимость и отвагу. «Юнкеров выступить мы не допустим, — горячо заявил мне председатель комитета, солдат: — скорей согласимся лечь все до одного!». Я обещал ему всемерную поддержку как химиков, так и гренадер.

Узнав, что сейчас как раз происходит заседание училищного комитета, на котором обсуждается вопрос — выступать или не выступать, я немедленно поспешил туда вместе с сопровождавшими меня товарищами. Наше появление в зале, где заседал училищный комитет, вызвало в собрании некоторое движение. Все с удивлением оглядывали нас, не зная, кто мы и зачем сюда пришли. В это время держал слово специально делегированный на это собрание член доживавшего свои последние дни меньшевистского Центрального Исполнительного Комитета Советов, какой-то офицер. Он сперва настаивал на немедлен-

ном выполнении приказа Временного Правительства; но потом, видя, что собрание далеко не единодушно поддерживает его, предложил «согласительную» резолюцию, смысл которой был таков: комитет Павловского военного училища считает нежелательным в данной обстановке выступление юнкеров на улицу, но, если Временное Правительство настаивает и даст вторично приказ о выступлении, то Павловское училище немедленно его выполнит.

Когда он окончил, я попросил слова. Председатель собрания, осведомившись и узнав, что я являюсь представителем Гренадерского полка, нашел необходимым запросить прежде собрание о согласии предоставить мне слово. Таковое согласие было дано.

Я сильно волновался, так как знал, что, если мне не удастся убедить их словами, то придется в буквальном смысле слова вступить с ними в бой. Об этом я прямо и открыто заявил им с первых же своих слов. Я сказал, что, если над нами сейчас висит опасность гражданской войны, то их выступление положит тому первый шаг. Гренадерский полк наготове. Мы не можем допустить выступления юнкеров на улицу и мы этого не допустим.

Товарищи мои по Гренадерскому полку выступили после меня. Они указывали на то, что, если весь петроградский гарнизон принял определенное решение не выступать на улицу по распоряжению Временного Правительства, то выступление юнкеров будет шагом нетоварищеским, дезорганизующим, ставящим юнкеров в особое положение по отношению к остальным частям.

После нашего выступления вопрос почти немедленно был поставлен на голосование, результаты которого весьма характерно показали колебание и нерешительность юнкеров. Человека три было за выступление, человек пять против и человек 18 воздержавшихся. Пробовали-было переголосовать, но результат получился приблизительно такой же. Тогда постановили считать результат голосования окончательным.

Закрывая собрание, председатель предложил приветствовать товарищей гренадер от имени Павловского военного училища. Жидкие аплодисменты были ему ответом.

Уезжая, я посоветовал команде солдат училища и впредь держать связь с близ расположенным от нее Запасным Огнеметно-Химическим батальоном, а комитету последнего поручил держать училище под постоянным наблюдением и быть готовым всегда оказать команде солдат нужное содействие. Связь эта продолжалась и еще сыграла свою роль в последующих событиях.

На другой день, 24 октября, положение выяснилось с достаточной ясностью. На вызов Временного Правительства явились лишь ничтожные кучки юнкеров и солдат разного рода оружия. Было совершенно очевидно, что весь петроградский гарнизон стоит на стороне Петроградского Совета. Группируя сведения, поступавшие ко мне со всех сторон, я составил себе такую картину количества войск, прибывших к Зимнему дворцу на защиту Временного Правительства[1]: 1) два отделения Михайловского военного училища; 2) 700 человек юнкеров Петергофской школы прапорщиков; 3) 300 человек Ораниенбаумской школы прапорщиков; 4) три роты (около 500 человек) Гатчинской школы прапорщиков; 5) 200 человек ударного женского батальона; 6) 200 человек казаков. Всего по моим расчетам выходило около двух тысяч человек. Это была вся та несметная рать, которую Временное Правительство смогло противопоставить Петроградскому Совету. Понятно, что дальше ждать было бы смешно, и Петроградский Совет приступил к активным действиям по свержению Временного Правительства и захвату власти в свои руки. День 24 октября явился первым днем вооруженного восстания Петроградского Совета против Временного Правительства.

Я все время держал тесную связь с Военно-Революционным Комитетом и следил за развертыванием событий и нашего наступления на Зимний дворец. Гренадерский полк не был привлечен к активным операциям. Военно-Революционный Комитет решил оставить его в резерве, считая, что он и так был достаточно потрепан в июльские дни. Помню, уже начинало темнеть, когда раздался пер-

---

[1] Цифры эти взяты из моей записной книжки того времени. *А. И.-Ж.*

вый пушечный выстрел. Это холостыми зарядами стреляла «Аврора», вошедшая в устье Невы. Я шел в это время по двору, а впереди меня двигался какой-то солдат. От неожиданности он споткнулся и выругался. «Чорт возьми! — проворчал он: — у нас тут своя война». Вслед за пушечным выстрелом раздался треск пулемета. По-видимому, сражение разыгрывалось во-всю. Я сейчас же поспешил в полковой комитет и нарядил одного солдата к шт.-капитану Дзевалтовскому, который являлся одним из руководителей операций у Зимнего дворца. Дзевалтовский, недавно прибывший с фронта, был тоже офицером Гренадерского полка и потому держал связь с полком, который он считал своим. В данном случае я поручил солдату узнать от Дзевалтовского, как обстоят дела и не нужно ли ему подкрепления. Одновременно я распорядился держать половину полка в полной боевой готовности. Солдат вскоре возвратился и сообщил со слов Дзевалтовского, что все обстоит благополучно: части, находящиеся в Зимнем дворце, постепенно сдаются, и он направляет к нам для содержания под стражей свой первый трофей — женский ударный батальон.

Было уже совсем темно, когда женщины-ударницы, окруженные конвоем, вступили на территорию Гренадерского полка. Я впервые видел ударниц и потому с особенным интересом приглядывался к ним. В общем, они производили довольно-таки жалкое впечатление. По стриженым головам и простым, грубым обветренным лицам их можно было принять за молодых солдат, но сразу же бросался в глаза их низкий рост (по сравнению с гренадерами они казались прямо карликами), маленькие ручки и так нелепо выглядевшие в обмотках толстые ноги. С тремя из них, в том числе с их командиром, тотчас же по их приходе сделались обмороки. Мы кое-как дотащили их до помещения полкового комитета, посадили здесь на стулья и дали воды. Постепенно они пришли в себя: «Эх, не нужно бы вам воевать!» — невольно вырвалось у кого-то из солдат. «Да разве мы знали?—горячо заявил командир отряда. — Нас обманом завлекли на Дворцовую площадь. Мы получили предписание явиться туда для парада, а вместо этого оказались впутанными в какую-то войну». Я переглянулся с членами полко-

вого комитета. Вот к каким средствам принужден был прибегать Керенский для того, чтобы поддержать свою падающую власть!

Однако ударниц нужно было где-то разместить. Я произвел расчет, их оказалось 138. Арестное помещение при полку для такого количества пленниц было, конечно, слишком мало. Вместе с председателем полкового комитета т. Федоровым мы выбрали пустую изолированную казарму и поместили ударниц там, поставив у дверей надлежащий караул. На другой день я получил распоряжение от Военно-Революционного Комитета освободить ударниц и предоставить им возможность следовать на Финляндский вокзал для дальнейшего направления в свои казармы на станцию Левашово. Я тотчас же объявил им об этом, и они радостно засуетились и начали собираться и строиться, приготовляясь в путь-дорогу. Буржуазная печать впоследствии писала, что пленные ударницы подверглись всякого рода истязаниям, а часть их была изнасилована. Все это, конечно, совершеннейший вздор. Когда ударницы были уже в сборе, ко мне явилась от них специальная делегация и поблагодарила за хорошее и товарищеское к ним отношение.

Я искренно пожал им руки и пожелал счастливого пути. Скоро их небольшая серая колонна скрылась за массивными воротами казарм Запасного Гренадерского полка.

Итак, переворот совершился. Министры Временного Правительства, за исключением Керенского, были арестованы. Петроградский Совет прочно держал власть в своих руках. Совместно с т. Федоровым мы решили созвать полковой комитет для того, чтобы выявить его отношение к происходящим событиям. На это собрание Федоров решил пригласить и командира полка. Любопытно, что с того момента, как я появился в полку, командир его словно сквозь землю провалился. Я самочинно распоряжался полком, рассылал патрули, держал в полку арестованных, а подлинный хозяин полка, его командир, ничем не выявлял своего присутствия. На первый взгляд это могло показаться странным. Но хитрый командир полка знал, как ему нужно себя вести, и действовал вполне обдуманно и со своей точки зрения

даже разумно. В самом деле, что ему было делать? В душе он несомненно сочувствовал Временному Правительству и по долгу службы должен был ему подчиняться. С другой стороны, он ясно видел, что сила на нашей стороне и попытка его выступить в полку против меня повела бы только к его собственной дискредитации. Поэтому он предпочел пока-что вовсе устраниться с поля действия и выждать — чья возьмет, чтобы потом присоединиться к той стороне, которая победит.

На заседание полкового комитета он явился, туго затянутый и парадный, но взволнованный, так как не знал как следует, для какой цели его пригласили. Во время заседания, когда ораторы один за другим стали высказываться в пользу совершившегося переворота, он сидел как на иголках и видно заранее приготовлял ту речь, которую ему придется сказать. Он, конечно, понимал, что сейчас победили большевики и, если он хочет остаться командиром полка, ему тоже нужно высказаться в пользу переворота, но в то же время все его офицерское нутро протестовало против этого. Несомненно, скрываясь все это время, в глубине души он надеялся, что верх одержит все-таки Временное Правительство и тогда он припомнит, кому нужно, это временное умаление своего престижа. Но случилось то, чего ни он ни многие другие лица его круга не ожидали: победили большевики.

Неизвестно, долго ли бы еще просидел так в волнении командир полка, если бы его имя не упомянул кто-то из членов полкового комитета. «А интересно было бы услышать, — заявил один из товарищей, оканчивая свою речь, — как относится к совершающимся событиям наш командир полка». Полковник как пружинка вскочил со своего места и эффектно повернулся на каблуке к задавшему ему вопрос товарищу. «Как же мне относиться к этой революции, — как-то крикливо, стараясь быть развязным, заявил он, — когда это подлинно народная революция? Я вчера видел такую картину. У Зимнего дворца стрельба. Стреляют даже из орудий, а по Троицкому мосту спокойно идет трамвай и прохожие спешат каждый по своему делу, как будто совершается что-то вполне естественное и нормальное. Нет, это подлинно народная революция, и я приветствую ее». Не думаю,

чтобы кому-нибудь из присутствующих показались убедительными доводы полковника, но его больше не трогали. Важно было то, что в этот момент он не пошел вразрез с общим настроением полка, и поэтому ему охотно простили некоторую нескладность его речи. Заседание скоро закончилось, и полковник, видимо успокоенный, покинул помещение полкового комитета.

Между тем под Петроградом назревали новые события. Керенский, бежавший из Зимнего дворца, убедил казачьего генерала Краснова двинуться вместе со своим отрядом на Петроград для того, чтобы военной силой восстановить власть Временного Правительства. Об этом я узнал и от Военно-Революционного Комитета и ... непосредственно от генерала Краснова. Произошло это таким образом. Я сидел в помещении полкового комитета, когда из канцелярии полка пришел писарь и принес какой-то листок с напечатанным на пишущей машинке текстом. Я заинтересовался, что это такое? Оказалось, что это воззвание генерала Краснова, призывающее полки петроградского гарнизона расправиться с большевиками и присоединиться к его отряду. Я так и подскочил на месте. Воззвание Краснова свободно разгуливает по Петрограду и даже попадает в воинскую часть. Я сейчас же бросился в канцелярию полка расследовать это странное обстоятельство. Оказывается, это воззвание было непосредственно передано из штаба генерала Краснова по телеграфу или телефону, сейчас не помню как. «Что же вы с ним сделали?» — спросил я. «А мы его приняли, перепечатали на машинке в двух экземплярах и передали один — командиру полка, другой — в комитет».—«Больше никуда не давали?».—«Никак нет!».— «Ну так вот что, дорогие товарищи, — сказал я: — больше никаких воззваний из штаба генерала Краснова не принимать. Он объявлен врагом народа, и всякие сношения с ним я буду считать изменой». — «Слушаюсь»,— ответил за всех делопроизводитель канцелярии, но по его лицу и по лицам всех остальных писарей я видел, что на эту публику полагаться особенно не следует. Эти лощеные, окопавшиеся в тылу хозяйские сынки, конечно, не сочувствовали перевороту и несомненно сознательно приняли и передали по назначению воззвание Краснова.

«Ничего себе порядочки! — думал я, возвращаясь к себе в полковой комитет: — генерал Краснов идет против нас вооруженной силой и в то же время беспрепятственно разговаривает с петроградскими полками». Я тотчас же позвонил в Военно-Революционный Комитет, сообщил о полученном воззвании и обратил внимание на предательскую работу наших органов связи.

Параллельно с наступлением на Петроград генерала Краснова началась концентрация контр-революционных элементов внутри столицы. Несомненно, что эти элементы находились в самом тесном контакте со штабом красновских войск. Я постоянно держал наготове дежурную половину полка. Патрули, попрежнему рассылаемые мною, зачастую приводили ко мне контр-революционных агитаторов и вообще подозрительную публику. Помню, один патруль привел ко мне какого-то интеллигентного солдата «смертника»[1], агитировавшего против советской власти. Он был одет во все черное, а на фуражке у него красовалось изображение черепа и двух перекрещивающихся человеческих костей. «Почему вы утверждали, что советская власть доживает свои последние часы?» — спросил я его. — «Очевидно, у меня есть к тому основания», — нахально глядя мне в лицо, ответил он. Я отправил его на полковую гауптвахту, надеясь на досуге поближе познакомиться с ним. Но увы! на следующее же утро караульный начальник сообщил мне, что решетка в его камере перепилена и он скрылся неизвестно куда. Мне было очень жаль, что такая интересная птица вылетела из моих рук.

В особенности внимательно стал я наблюдать за Владимирским и Павловским военными училищами. Со стороны этих училищ в первую очередь можно было ожидать всякого рода неприятностей. Главным образом меня беспокоило Павловское военное училище, так как Владимирское, по имевшимся у меня сведениям, было более демократично по составу юнкеров и преподавательского персонала. Однако события показали иное, и

---

[1] Особая разновидность ударных батальонов, формировавшихся Керенским для наступления против Германии, а отчасти, несомненно, и в контр-революционных целях.

удар последовал как раз со стороны «демократического» Владимирского военного училища. Впрочем, об этом речь будет еще впереди.

Когда генерал Краснов занял Гатчину и стал продвигаться дальше, я в одном из своих телефонных разговоров с т. Подвойским спросил: не следует ли двинуть против Краснова также и мой Гренадерский полк? «Не беспокойтесь, — ответил мне на это т. Подвойский: — ваш полк потребуется еще и здесь». И действительно, в тот же день я получил приказ от Военно-Революционного Комитета войти в контакт с Петропавловской крепостью и разоружить юнкеров. Получив приказ, я сейчас же отправился в Петропавловскую крепость переговорить о том, как лучше и безболезненнее провести эту операцию. Комиссара Петропавловской крепости т. Благонравова не было, и я направился к его помощнику Тер-Арутюнянцу, которого я хорошо знал по совместной работе в военной организации. Бедный Тер-Арутюнянц так измотался за последние бурные дни, что его прямо узнать было нельзя. От усталости он заснул, сидя в кресле перед столом, за которым работал. Окружающие двигались рядом на цыпочках и говорили шопотом, боясь его потревожить. Мне жаль было будить его, но дело не ждало, и я заставил его сбросить с себя дремоту. Прочтя еще раз совместно приказание Военно-Революционного Комитета, мы стали обсуждать, как нам действовать. Я высказал свое соображение, что главную опасность для нас представляет Павловское военное училище, а потому разоружение необходимо начинать с него. Однако задача разоружения облегчается для нас тем обстоятельством, что внутри этого училища у нас есть ценный союзник, а именно команда солдат училища, в верности и преданности которой я уже успел убедиться. С этой командой я нахожусь в постоянной связи, а потому и сейчас думаю провести разоружение, опираясь главным образом на эту команду. Тер-Арутюнянц одобрил мой план и обещал со своей стороны поддержку всеми наличными силами крепости. Вернувшись к себе в полк, я прежде всего стал вести переговоры с командой солдат Павловского военного училища. Они приветствовали идею разоружения юнкеров и заявили, что могут прове-

сти это собственными силами, если я позволю им воспользоваться некоторой частью своих химиков, с которыми они находятся в постоянном контакте.

Я сильно беспокоился за успех этой операции, однако она прошла у них великолепно. Юнкера были разоружены, окружены конвоем и направлены под арест ко мне в Зап. Гвардии Гренадерский полк.

Как сейчас помню вечер дождливого осеннего дня и длинную колонну юнкеров, окруженную конвоем и робко глядящую вперед навстречу неизвестному будущему. Может-быть, некоторые из юнкеров ожидали расправы с нашей стороны. Однако я разместил их более или менее прилично в том же помещении, где незадолго перед тем находились в заключении ударницы. Когда дней через пять, по сложившейся обстановке, юнкеров можно было освободить из-под ареста — правда с обязательством немедленно отправляться по домам, ко мне опять, так же как и от женщин-ударниц, явилась делегация поблагодарить от имени всех юнкеров за хорошее к ним отношение.

Пока я так возился с павловцами, во Владимирском училище назревали крупные события. Эс-эровские агитаторы убедили юнкеров восстать на поддержку наступающему на Петроград генералу Краснову. В ход была пущена даже ложь. Так, юнкеров уверили, что Краснов со своими войсками находится уже около Нарвских ворот.

Как раз накануне выступления ко мне звонил назначенный Петроградским Советом комиссар этого училища, по фамилии, если не ошибаюсь, Лебедев, и, сообщив, что в училище наблюдается некоторое брожение, просил прислать ему на всякий случай команду химиков. Я немедленно сделал соответствующее распоряжение, команда химиков в училище была действительно послана и, как мне стало потом известно, приняла на себя первый удар восставших юнкеров.

Помню я эту тревожную ночь, когда юнкера восстали. Я спал, как и все это время, одним глазом и, конечно, не раздеваясь. Проснулся я от шума шагов и быстро вскочил с кровати. Прибежавший химик в волнении сообщил мне, что юнкера только-что пытались обезоружить отряд химиков, присланный мною, но те оказали сопротивление и теперь идет перестрелка. На поддержку хи-

микам прибыла еще команда из ватальона, однако юнкеров больше, и химики несут потери. Я немедленно поднял на ноги дежурную половину полка. Оказалось всего 200 человек, но я полагал, что этого числа достаточно. Во главе отряда я поставил подпоручика Никонова, как единственного в полку офицера-большевика. На левых эс-эров в таком серьезном деле я положиться опасался.

Рассвет еще чуть брезжил, когда отряд выступил на улицу.

Из донесений, которые ко мне поступали, я знал, что отряд немедленно по прибытии ко Владимирскому военному училищу вступил с юнкерами в бой.

Сначала т. Никонов хотел атаковать помещение училища с фасада, но, увидев, что это чрезвычайно трудно, поставил заслон, а сам с частью отряда зашел с другой стороны и стал через соседний дом пробираться юнкерам в тыл.

Чтобы лично осмотреть расположение борющихся сил, я вместе с председателем полкового комитета т. Федоровым отправился на место. Когда я прибыл туда, на нашей стороне были уже броневики и давало свои первые выстрелы знаменитое орудие, которое и заставило в конце концов юнкеров сложить оружие. Тут же находился назначенный Петроградским Советом комендант города, левый эс-эр, прапорщик Нестеров, человек невысокого роста, с целой шапкой волос, спускавшихся на плечи.

Выяснив положение и убедившись в том, что поддержки высланному отряду, по крайней мере в ближайшее время, не потребуется, я направился обратно в казармы полка.

По дороге у меня произошла любопытная, но очень опечалившая меня встреча. На углу Шамшевой улицы и Большого проспекта Петроградской стороны я увидел покупающим газеты своего бывшего законоучителя, священника Введенской гимназии, где я когда-то учился, Николая Михайловича Гурьева. Я поздоровался с ним и тут только увидел, что он не один. Рядом с ним стоял мой бывший одноклассник и товарищ по нелегальной революционной работе Владимир Владимирович Пруссак. Я только второй раз видел его по возвращении из

ссылки и потому, естественно, обрадовался. «А, Володя!» — радостно сказал я и подошел к нему, протягивая ему руку. Но, увы! моя радость не нашла соответствующего отклика в его душе. Он не двигался с места и, засунув руки в карманы, как-то исподлобья посмотрел на меня. «А ты в Смольном работаешь?» — неожиданно задал он мне вопрос. «Да работаю», — ответил я. «В таком случае я не могу подать тебе руки», — сказал он и еще глубже засунул руки в карманы. Я громко выругался и, не говоря ни слова, направился дальше.

Этот эпизод в глубокой степени огорчил меня. С Пруссаком мы когда-то были большими друзьями. Вместе работали в нелегальной межученической организации, вместе были арестованы 9 декабря 1912 г. по «витмеровскому» делу, и только потом наши пути разошлись. Я уехал за границу, а он был вновь арестован по делу «революционного союза», судился и получил бессрочную ссылку в Сибирь. Революция вернула его обратно в Петроград. И вот теперь такая встреча.

Я еще раз убедился в одном непреложном факте. В годы моей подпольной работы в 1910—1911—1912 гг., среди петербургской учащейся молодежи, в особенности среди школьной, большим успехом пользовались анархические и другие подобного же рода бесформенно революционные течения. На первый взгляд казалось, что представители этих течений ничем не отличаются от нас, социал-демократов. Действительно, они также работали, организуя рабочий класс на борьбу с самодержавием и предпринимателями, они также арестовывались, также садились в тюрьмы и подвергались всякого рода другим преследованиям. На словах они даже заявляли, что считают себя левее нас. Но все это было до поры до времени. Едва наступили такие серьезные испытания, как война и революция, как они в огромном своем большинстве покатились по наклонной плоскости. Отсутствие целостного миросозерцания дало себя знать. Только социал-демократы большевики, вооруженные марксистско-ленинским методом, сумели разобраться в событиях и сохранили ясную голову и ту же сплоченность партийных рядов. Размышляя об этом, я незаметно дошел до казарм Гренадерского полка.

Между тем обстрел из единственного орудия, которое имели осаждающие, оказал свое влияние на юнкеров, и они сдались. Отряд гренадер первый вступил в помещение Владимирского училища, и командир его т. Никонов был назначен комендантом училища.

Узнав, что юнкера сдались, я немедленно выехал в помещение училища, опасаясь, как бы пленные не сделались жертвой самосуда. Мои опасения были основательны. На Большом проспекте Петербургской стороны я увидел следующую картину. Посередине улицы двигались юнкера, окруженные конвоем, а кругом них шумела и волновалась толпа, требуя немедленной над ними казни. Возбуждение толпы было так велико, что у Тучкова моста продолжать конвоирование пленных было уже небезопасно, и пришлось остановиться, отвести юнкеров в Петровский парк, поставить на мосту крепкий заслон и подождать успокоения толпы.

С большим трудом удалось довести юнкеров до места заключения.

Одновременно с подавлением восстания юнкеров был нанесен и решительный удар отряду генерала Краснова. Мало того, Краснов и весь его штаб оказался захваченным в плен советскими войсками. Только Керенскому опять удалось сбежать и скрыться. Однако Краснов не долго пробыл под арестом. Доставив его в Петроград, Военно-Революционный Комитет вскоре освободил его под честное слово, что он не поднимет больше оружия против советской власти. Это было более чем наивно. Как будто в гражданской войне для тех, кто борется против освобождения рабочего класса, может существовать какое-то честное слово. Конечно, Краснов, тотчас же по освобождении, поспешил на юг и там принял самое активное участие в организации белогвардейских армий и борьбе их против советской власти. Впрочем, в то время мы вообще страдали избытком прекраснодушия и повторяли почти буквально ошибки Парижской Коммуны, за которые она когда-то так жестоко поплатилась. Разве не ошибкой, например, было освобождение нами отдельных юнкеров и даже целых юнкерских училищ, о которых я только-что рассказывал? Ведь известно, что большинство этих юнкеров также преспокойно уехало на юг

и там составило ядро, вокруг которого формировались белогвардейские части, действовавшие потом против нас. А буржуазные газеты? Ведь как долго мы не решались посягнуть на «священную» свободу слова! Газеты эти изо дня в день чуть не плевали нам в лицо, поливая нас потоками клеветы и грязи и открыто призывая к вооруженному против нас выступлению, а мы всё терпели и только месяца через два спохватились и догадались засыпать эту вонючую помойную яму.

Уроки Парижской Коммуны во многих отношениях были основательно нами забыты. Потребовалась большая встряска — убийство ряда наших вождей, открытое выступление против нас белогвардейских банд, чтобы мы научились, наконец, быть суровыми и беспощадными.

После ликвидации красновского наступления начались споры и толки вокруг формирования нового правительства. Наша партия сформировала чисто большевистский кабинет, но не возражала против вступления в него определенного количества левых эс-эров. Левые же эс-эры выставили лозунг объединенного социалистического кабинета с привлечением в него правых «социалистических» партий. Вокруг этого вопроса возникла полемика, которая очень скоро перекинулась к нам в полки.

31-го октября ранним утром я получил следующую записку от секретаря нашего большевистского коллектива Запасного Огнеметно-Химического батальона т. Соловьева:

Тов. прапорщик!

Вам необходимо бы быть сейчас в 9 час. утра на общем собрании, т. к. на вчерашнем собрание разбилось на-двое и ни к чему не пришло. Возможно, пройдут резолюции оборонцев.

Секр[етарь] Соловьев.

31—X—17 г.

Я, конечно, сейчас же поспешил на собрание, где мне одному из первых было предоставлено слово. Я говорил довольно долго. Рассказал о перипетиях борьбы с Временным Правительством, сообщил о сформировании рабоче-крестьянской власти и подробно остановился на разборе первых декретов советского правительства о мире, земле и рабочем контроле. В заключение я остановился на тех трениях, которые возникли у нас за последнее

время с левыми эс-эрами. Нам предлагают заключить блок с правыми социалистическими партиями и образовать единое социалистическое правительство. В принципе мы не возражаем против такого объединения, но вопрос в том, на какой платформе объединяться. Нам говорят: сперва объединимся, а потом поговорим о платформе. На это мы не согласны. Нас хотят просто столкнуть с того пути реформ, на который мы вступили. Мы говорим так: сперва установим платформу, а потом увидим, с кем мы можем объединиться. Наша платформа ясна. Мы уже приступили к осуществлению основных требований рабочего класса. От своей задачи мы ни за что не отступим. Как ни лестно нам заседать совместно с «почтенными» меньшевиками и эс-эрами, но для этого мы не поступимся интересами рабочего класса. Кто согласен с общим направлением нашей работы, милости просим работать вместе с нами. Кто не согласен — скатертью дорога. В этом случае ни о каком объединении, конечно, не может быть и речи.

Трудно передать тот энтузиазм, который охватил солдат, когда я закончил свою речь. Мой заключительный возглас: «Да здравствует власть рабочих и крестьян!» был покрыт громовым «ура!». Я не успел оглянуться, как очутился в воздухе, подхваченный десятками дюжих солдатских рук. Больше никто не выступал на этом собрании, и резолюция, приветствующая образование новой рабоче-крестьянской власти, была единогласно принята всеми присутствующими. Этим Огнеметно-Химический батальон еще раз подтвердил свою политическую сознательность. Приняв активное участие в Октябрьском перевороте, он и в дальнейшем проявил себя стойким и надежным защитником советской власти.

Несколько иная картина наблюдалась, к сожалению, в Зап. Гвардии Гренадерском полку. Как я уже говорил, комитет этой части состоял почти сплошь из левых эс-эров. И тут-то ненадежность этих «друзей» сказалась в полной мере. Они определенно гнули свою линию, причем доходили до того, что не гнушались даже прибегать к довольно-таки некрасивым средствам.

Прежде всего это выявилось как раз в тот же самый день, когда происходило только-что описанное мною со-

брание в Зап. Огнеметно-Химическом батальоне. Ранним утром, когда я собрался уже итти на это собрание, я случайно узнал, что как раз на это же самое время т. Федоров созывает собрание полкового комитета. До сих пор я неизменно присутствовал на всех заседаниях комитета, и таким образом это было первое собрание, которое мне приходилось пропустить. «Почему вы собираете комитет?» — обратился я с вопросом к т. Федорову. «Да видите ли, есть целый ряд неотложных хозяйственных вопросов», — ответил он мне. «А не лучше ли отложить собрание до моего возвращения? Мне бы не хотелось пропускать его». «Нет, — уверил меня т. Федоров, — вы можете вполне не присутствовать на этом собрании. Обсуждаться будут исключительно хозяйственные вопросы. Отправляйтесь себе спокойно в Огнеметно-химический батальон».

Однако, когда я вернулся обратно в полк и взглянул в протокол заседания комитета, я буквально схватился за голову. На первом месте протокола стояла резолюция, принятая комитетом полка по вопросу о текущем моменте. Резолюция эта носила определенно эс-эровский характер. В ней выявлялось недовольство по поводу образования правительства «одной партии» и высказывалось мнение, что спасти страну может только правительство, составленное из представителей всех социалистических партий. Вне себя я бросился к т. Федорову и потребовал от него объяснений, что все это значит. Он вначале смутился, но потом объяснил мне, что вопрос всплыл совершенно «случайно», резолюция же эта является продуманным решением полкового комитета. Конечно, он наглым образом врал, но что я мог с ним поделать.

Другой раз тот же Федоров заявил мне, что полковой комитет хочет устроить в полку большой митинг с привлечением представителей всех социалистических партий. Я, конечно, не возражал против устройства такого рода митинга. В назначенный час, когда солдаты начали уже мало-по-малу заполнять манеж, предназначенный для митинга, я поинтересовался узнать, представители каких партий явились к нам в полк для выступления. Каково же было мое удивление, когда я узнал, что явилось че-

тыре оратора и все сплошь эс-эры. «Зачем такое количество эс-эров? — удивился я: — а где же меньшевики?». Очевидно, они не потрудились явиться», — ответил мне т. Федоров. «Неужели и большевики не захотели выступить в Гренадерском полку?» — спросил я. «Нет, — нагло глядя на меня, ответил т. Федоров, — большевиков мы не приглашали. Мы считали, что от большевиков будете выступать вы». — «Ну уж извините, — возмутился я: — если вы приглашаете представителей всех партий, потрудитесь пригласить и большевиков. Мне трудно выступать против оппонентов, так как я целиком погряз в делах полка и не вполне в курсе последних событий. Без представителя большевиков я митинга не открою». Тов. Федоров, ворча что-то себе под нос, пошел делать соответствующие распоряжения, а я отправился в офицерское собрание посмотреть на прибывших эс-эровских агитаторов. Вскоре меня догнал и т. Федоров. В офицерском собрании разыгрался весьма любопытный эпизод, о котором я до сих пор не могу вспомнить без улыбки. Среди эс-эровских агитаторов я неожиданно для себя увидел одетого в матросскую форму своего старого школьного товарища — Лазаря Алянского. Алянский был причастен к революционному движению, но партийным эс-эром и тем более агитатором в дореволюционное время он никогда не был. Удивило меня также и то, почему он одет в матросскую форму. До войны он, будучи исключенным из петербургской гимназии, учился в Париже, а во время войны при призывах постоянно получал отсрочки по состоянию своего здоровья. Я был так ошеломлен, увидев Алянского, да еще в таком костюме, что остановился на месте и воскликнул: «Лазарь! А ты-то что здесь делаешь?». Такое обращение с моей стороны, повидимому, очень не понравилось Алянскому. Он весь как-то съежился, еще глубже засунул руки в карманы своего бушлата и, мрачно глядя на меня, сказал: «С изменником родины и революции не желаю разговаривать». Это взорвало меня. Как-никак мне было нанесено оскорбление, да еще в присутствии моих солдат. Однако я не желал сам предпринимать против него каких-либо мер, а потому заявил, обращаясь к присутствующим здесь членам полкового комитета и в первую

очередь к т. Федорову: «Товарищи! Вы слышали, как меня, представителя Петроградского Совета, оскорбил здесь сейчас представитель партии эс-эров. Я апеллирую к вам. Я прошу, чтобы вы избавили меня от необходимости выслушивать подобные вещи».

Однако, как же можно было ожидать, чтобы эс-эр пошел против эс-эра? Федоров промямлил что-то несвязное, пытаясь примирить нас, и остальные члены комитета не двинулись в мою защиту. Я плюнул и пошел к себе в полковой комитет. «Ничего, — думал я, — подождите, когда начнется митинг, я доведу до сведения солдат об этом инциденте». Однако мне не пришлось ждать так долго. Оказывается, при этой сцене присутствовало несколько солдат, сочувствующих большевикам. Они сейчас же побежали в манеж, где уже почти весь полк был в сборе, и рассказали об оскорблении комиссара полка и недопустимом поведении председателя полкового комитета. Это сообщение вызвало целую бурю негодования. Весь зал стонал от возмущенных криков: «Вон!», «Долой!», «Не желаем теперь слушать этих мерзавцев». Нечего делать. Полковому комитету пришлось в вежливой форме передать «бедным» эс-эрам, что солдаты не желают их слушать и что во избежание еще большего скандала им лучше поторопиться со своим уходом.

Однако дело этим не кончилось. Общее собрание, самочинно открывшееся, пригласило прийти в манеж меня и Федорова, и здесь вместо митинга началось настоящее судебное разбирательство. Один за другим выходили ораторы и «крыли» председателя полкового комитета за то, что он допустил в помещении полка оскорбление комиссара, назначенного Петроградским Советом. Возбуждение собрания было так велико, что раздавались крики, требовавшие не только смещения т. Федорова, но даже его ареста. Взволнованный, бледный вышел давать свои объяснения т. Федоров. Он указал на то, что все время работал в полном контакте с комиссаром, а в данном случае просто не расслышал (?!), когда я обращался к нему за защитой. Конечно, это объяснение не выдерживало никакой критики. Достаточно было бы одного моего слова, и он был бы смещен с должности председателя полкового комитета. Но я подумал, кем же его за-

менить. Подпоручик Никонов попрежнему комендантствовал в своем Владимирском училище, а кроме него не было никого, кто бы одновременно был близок нам в идеологическом отношении и в то же время пользовался в полку авторитетом. Нет, пусть уж остается т. Федоров. Может-быть, этот урок послужит ему на пользу.

Поэтому я взял слово и сказал, что случай сам по себе несомненно возмутителен, но возможно, что т. Федоров и действительно не слышал моего к нему обращения. Смещать т. Федорова не стоит, так как мы до сих пор все время работали с ним в контакте. Ограничимся тем, что было высказано на этом собрании, и будем считать этот вопрос исчерпанным.

Когда я кончил, я увидел, что т. Федоров смотрит на меня благодарными глазами. Действительно, собрание еще немного поволновалось, но в результате приняло мое предложение.

Митинг о текущем моменте все же состоялся на следующий день. Не знаю, хотел ли полковой комитет сделать мне приятное, или это вышло невольно, но на этот раз из «представителей партий» был только один большевик — Николай Николаевич Кузьмин. Он сделал обстоятельный доклад, и собрание единогласно приняло предложенную им большевистскую резолюцию. Сидя на этом митинге, я даже и не подозревал, что этот день является последним днем, который я провожу в Зап. Гвардии Гренадерском полку. А между тем это было так. Вечером этого дня произошло событие, которое направило мой жизненный путь на новые рельсы.

Не помню, чем я был занят, когда к воротам Гренадерского полка подъехали извозчичьи дрожки. Это был мой брат Раскольников. Быстро войдя в помещение полкового комитета и видя, что кругом никого нет, он прямо приступил к делу. «В Москве, — сказал он, — сейчас происходят бои между войсками Московского Совета и Временного Правительства. В ход пущена даже артиллерия. Петроградский Совет посылает сейчас туда отряд для помощи нашим товарищам. Ударной группой отряда является отряд матросов под моим начальством. Но, к сожалению, в нашем отряде нет ни одного боевого

офицера. Ни согласишься ли ты отправиться вместе с нами? Подвойский согласен».

Я подумал: в Петрограде как будто все успокоилось, и в ближайшее время нельзя ожидать каких-либо волнений; между тем в Москве лилась кровь; там была нужна наша помощь. И я дал свое согласие. На тех же дрожках, на которых приехал брат, мы отправились с ним в Смольный урегулировать вопрос о моем заместителе в Гренадерском полку и получить дальнейшие инструкции.

VIII. Начало гражданской войны.

Погоня за бронепоездом Керенского. — Матросы учатся воевать на суше. — Первый успех. — В Москве. — Мы — в институте для благородных девиц. — У Муралова. — Захват Хитрова рынка. — Наш отряд превращается в ВЧК. — Митинг моряков. — Мы отправляемся на юг. — В Туле. — Мы грузим оружие для донецких шахтеров. — Разговоры с Москвой по прямому проводу. — Матрос восстанавливает в Калуге советскую власть. — Мы двигаемся дальше. — Шпион в поезде. — Впереди — ударники. — Приезд в Белгород. — Засада. — Мы захватываем неприятельский паровоз. — Бой у ст. Тамаровка. — Положение в Харькове. — Прибытие черноморского отряда. — Мы преследуем ударников. — Бой у дер. Крапивной. — Дальнейшие бои. — Разгром ударников. — Пленный офицер. — Моя болезнь. — Я возвращаюсь в Петроград.

Отряд, который Петроградский Совет сформировал для помощи Москве, состоял из следующих частей войск. Основным ядром являлся 428-ой Лодейнопольский полк. Этот полк стоял в Выборге и считался большевистским. Во время Октябрьского переворота и боев с Керенским он был вызван в Петроград на поддержку Петроградского Совета и немедленно прибыл не только в полном своем составе, но и со своим командиром полковником Потаповым. Это был едва ли не единственный командир полка, который перешел на сторону Петроградского Совета тогда, когда его победа была далеко еще не очевидна. Он был сравнительно молодым и производил впечатление расторопного и энергичного человека. Для партийного контроля к нему были приставлены в качестве комиссаров два старых большевика К. С. Еремеев и Вегер (отец). Кроме этого полка в отряд входили две артиллерийские

бронированные площадки Путиловского завода с обслуживающей их командой, один или два броневых автомобиля, отряд питерской Красной гвардии и матросский отряд, которому предстояло быть головной, ударной единицей. Сформирован этот последний отряд был матросом-большевиком Н. А. Ховриным, а командование над ним принял мой брат Ф. Ф. Раскольников.

В этот-то отряд я и вступил, сдав свою должность комиссара Зап. Гвардии Гренадерского полка левому эс-эру прапорщику Гану. Очень не хотелось мне передавать свою должность левому эс-эру, но что было делать? Из большевиков никого подходящего для замещения этой должности в полку не находилось.

Заехав по дороге в Смольный и получив некоторые руководящие инструкции от Подвойского и Антонова, которые еле держались на ногах от усталости [1], мы с братом отправились на Николаевский вокзал, где грузился в эшелоны наш небольшой воинский отряд. Погрузка производилась очень медленно и с большими трениями. Дело в том, что центральный орган железнодорожников Викжель, в котором было очень много всякого рода железнодорожных чиновников и очень мало рабочих, заявил, что в начавшейся гражданской войне он будет держать нейтралитет и не допустит военных перебросок ни с той ни с другой стороны. И железнодорожные власти, пользуясь этим постановлением Викжеля, чинили нам всякие препятствия, чтобы так или иначе помешать отправиться в Москву. С большим трудом при помощи железнодорожных рабочих собрали мы поездной состав, но, когда дело дошло до паровоза, то найти его оказалось свыше наших сил. На наши требования железнодорожные власти неизменно отвечали нам, что все паровозы в разгоне и ни одного свободного паровоза в их распоряжении не имеется. Возмущенные до последней крайности, отправились мы с Ховриным и Железняковым к какому-то важному железнодорожному заправиле, кажется—

[1] Фигуру В. А. Антонова я никогда не забуду. Я поражался, как может измениться человек в какую-нибудь пару дней. Растрепанные волосы, ввалившиеся щеки, заострившийся нос и огромные круги под глазами делали его похожим скорее на какую-то тень из загробного мира, чем на живого человека.

начальнику движения. Рослые фигуры матросов, увешанные всякого рода оружием и с винтовками в руках, повидимому произвели на него надлежащее впечатление. Он заметно струхнул, но все же в весьма мягких и ласковых выражениях заявил нам, что, к его глубокому сожалению, он никак не сможет предоставить нам паровоза по той простой причине, что такового сейчас в его распоряжении не имеется. Такое заявление, конечно, ни в какой степени не могло нас успокоить. «Довольно, наконец, дурака валять! — заревел Ховрин: — дадите вы нам, чорт возьми, паровоз, или нет?». И он с такой силой ударил винтовкой по полу, что последний затрещал. У начальника движения затряслись коленки. «Мы остаемся в вашем кабинете до тех пор, пока вы не дадите нам паровоз, — заявили мы: — а вы останетесь в качестве нашего заложника». Начальник движения заволновался, заторопился, стал вызывать каких-то лиц, зазвонил по телефону, и в результате не более как через полчаса паровоз у нас появился. Таким образом, мы смогли начать свое путешествие [1]. Отряд свой мы построили следующим образом. Впереди поставили бронированные площадки Путиловского завода, потом головной ударный отряд моряков, и, наконец, в хвосте двигались вагоны с нашими главными силами: красногвардейцами и 428-ым Лодейнопольским полком. Я поместился вместе с так называемым «штабом» матросского отряда. По существу никакого правильно организованного штаба отряда не было. Просто около брата сгруппировалось ядро наиболее передовых и активных матросов, и это ядро, разместившись вместе в одном из предоставленных нам вагонов III класса, и называло себя «штабом». В состав штаба, кроме меня, входил уже известный нам организатор отряда матрос Н. А. Ховрин, знаменитый матрос-анархист Анатолий Железняков, матросы Берг, Баранов, Колбин и целый ряд других товарищей матросов, фамилии которых по-

[1] Тов. Ф. Раскольников в своей книге «Кронштадт и Питер в 1917 году» (стр. 258) рассказывает, что получением паровоза мы обязаны не столько начальнику движения, сколько неизвестному машинисту, который, сочувствуя нам, предложил свои услуги и не только раздобыл где-то паровоз, но сам повел его и весь наш эшелон на Москву.

истерлись в моей памяти. В штаб входил и сухопутный офицер, прапорщик Незнамов, левый эс-эр, каким-то образом тоже приглашенный братом в отряд. Настроение в отряде было очень веселое и бодрое. Помню, Баранов почти всю дорогу пел и плясал. Остальные весьма охотно и дружно ему подтягивали. Некоторые осматривали и чистили винтовки, приготовляясь к предстоящим боям.

Веселое настроение нисколько однако не помешало нам серьезно и по-деловому организовать продвижение вперед нашего отряда. Мы с самого начала усвоили очень хорошее правило контролировать работу телеграфа. На каждой станции мы просматривали все телеграммы, которые передавались по линии. Таким образом мы следили за тем, чтобы, с одной стороны, сообщение о нашем движении не было передано нашим врагам, а с другой стороны — чтобы во-время узнать о всяком скоплении войск впереди нас. Просмотром телеграмм обыкновенно занимались наши комиссары К. С. Еремеев и Вегер. Как сейчас представляю себе картину. Поезд только-что остановился. Еще никто из матросов и солдат не успел выскочить с чайником за кипятком, как по платформе несется взлохмаченная фигура Вегера в светлой офицерской шинели (он был, если не ошибаюсь, военный врач). Его борода и огромная шевелюра седых волос развевается по воздуху. Можно подумать, что это сам бог саваоф, спустившийся на землю. Общую картину несколько портит маленькая офицерская фуражка, каким-то образом примостившаяся на этой большой голове. Стремительно несясь вперед и раздвигая прохожих, он спрашивает каждого встречного и поперечного: «Где здесь телеграф?». За ним поспевает плотная фигура, с неизменной трубкой, К. С. Еремеева, всегда такого медлительного, но здесь также неожиданно приобретшего необходимую эластичность. Представительные фигуры наших комиссаров, а главное звон оружия, доносившийся из глубины наших вагонов, всегда делали свое дело. Начальники становились с нами любезными, все двери перед нами открывались, и все необходимые справки нам давались. Просмотрев телеграммы, мы обыкновенно не задерживались и через пару минут двигались дальше,

стремясь как можно скорее прибыть в Москву. Такой просмотр телеграмм скоро натолкнул нас на весьма важное открытие. На станции Любань [1] из одной служебной телеграммы мы узнали о направлении от Новгорода к Чудову какого-то неизвестного нам бронированного поезда. Чтобы узнать, что это за поезд и куда он направляется, мы дали телеграмму его начальнику с требованием остановиться в Чудове и ждать там нашего прибытия. Однако, приехав в Чудово, мы узнали, что поезд не только не остался нас ждать, но, получив нашу телеграмму и ничего нам не ответив, с большой поспешностью отправился в противоположную от нас сторону, а именно по направлению на Москву. Это ясно нам показало истинную физиономию этого поезда. Из расспросов мы поняли, что это тот самый поезд, который принимал активное участие в боях под Петроградом в отряде Краснова. Снарядом из этого поезда была убита наш товарищ Вера Слуцкая. Говорили, что в этом поезде, весьма возможно, скрывается бежавший из Гатчины глава Временного Правительства Керенский.

Услышав такого рода сообщения, мы встрепенулись, как охотники, почуявшие дичь. Необходимо было во что бы то ни стало захватить этот поезд. Тем более, что он направлялся в Москву и мог оказать совершенно нежелательную помощь нашим противникам. Мы сейчас же дали телеграмму в Окуловку и в Бологое с требованием всеми средствами задержать этот поезд, а сами, не теряя времени, устремились по его следам. Однако задержать этот поезд было не так-то легко. Он был великолепно вооружен, и жерла пушек устрашающе выглядывали из его бойниц. Нужно было иметь большую революционную смелость, чтобы попытаться помешать ему в его движении вперед. А чего можно было ожидать от «викжелеобразных» железнодорожных чиновников? Естественно, что в Окуловке нам с большими извинениями сообщили, что никак не смогли задержать бронепоезда и он благополучно проследовал дальше. Мы были вне себя от негодования. Уже без всякой надежды послали мы вторую

---

[1] Тов. Раскольников в своей книге говорит, что это произошло на ст. Тосно, мне же помнится, что это было на ст. Любань.

телеграмму в Бологое, а сами немедленно двинулись дальше, прося машиниста развить предельную скорость. Может-быть, случайно наш паровоз окажется быстроходнее, чем у них. С большим волнением и трепетом подъезжали мы к Бологому. Было уже совсем темно, но при свете станционных фонарей мы сразу увидели, что столь нужного нам бронированного поезда на станции нет. Однако, из расспросов местных административных лиц и главным образом рабочих местных железнодорожных депо, мы узнали, что поезд здесь удалось задержать и он лишь сравнительно недавно прорвался, свернув по направлению на Полоцк. Это придало нам бодрости, и мы немедленно двинулись вслед за поездом по Полоцкой ветке. В виду того, что неприятель был неподалеку, приходилось итти медленно и осторожно, с потушенными огнями. Было очень томительно. Время тянулось нестерпимо долго. В темноте очертания предметов терялись, и местность, по которой мы ехали, казалась какой-то странной и фантастической. Некоторые матросы, утомленные ожиданием и волнением, полегли спать, но большинство было на ногах и с нетерпением ожидало предстоящей встречи с врагом. На какой-то небольшой станции мы остановились. В темноте мы проследовали в тускло освещенное вокзальное помещение. Здесь от местного административного персонала мы узнали любопытную новость. Бронированный поезд стоит всего лишь в какой-нибудь полуверсте от нас. Он не может продвинуться дальше, так как революционный гарнизон ст. Куженкино разобрал перед ним железнодорожный путь. Таким образом, этот поезд фактически оказался в ловушке. «Нельзя ли снестись по телеграфу с этим поездом или со станцией Куженкино?». — «Увы! — отвечали железнодорожники: — спасаясь от вас, они оборвали все телеграфные провода». Действительно, выйдя наружу, мы убедились, что телеграфные столбы стоят одиноко и сиротливо, лишенные своей обычной проволочной сети. Мы устроили небольшое военное совещание. Было решено, что главный отряд, во главе с Потаповым, Вегером и Еремеевым, будет находиться в резерве, а матросский отряд направится первым, войдет в соприкосновение с неприятелем и предложит ему сдаться.

Решив таким образом, мы вместе с матросами сели опять в наши вагоны и так же медленно стали подвигаться дальше. Брат перешел на самую головную бронированную площадку, чтобы в случае столкновения руководить артиллерийским огнем, а я и Ховрин остались в качестве начальствующих лиц при отряде. Время тянется томительно медленно. Наконец, стоп! Куда-то приехали. Вылезаем из вагонов. Перед самым носом стоят наши бронированные площадки, а дальше темно и ничего не видно. В чем дело? Объясняют, что броневой поезд стоит неподалеку. Наши пытаются войти с ним в переговоры, но что́ из этого выйдет, — сказать трудно. Во всяком случае, можно во всякую минуту ожидать нападения с их стороны. Брата нигде не видно. Мы с Ховриным решаем, что стоять и чего-то ждать у вагонов нам нечего. Нужно подойти с матросами ближе к броневику и посмотреть, что́ там делается. Может-быть, можно даже захватить его неожиданным штурмом. Зарядив винтовки, наш отряд начинает медленно продвигаться вперед. Постепенно глаза привыкают к темноте. Я начинаю различать местность. Полотно проходит по небольшой поляне, окруженной со всех сторон густым лесом. В лесу ясно слышится стук топора. Может-быть. это белогвардейцы готовят пулеметные установки? Я оглядываюсь на наш отряд. Боже! На что мы похожи! Матросы не умеют вести сухопутной войны, а сейчас они как будто и вообще не чувствуют боевой обстановки. Идут по самому полотну кучами, курят, разговаривают. Я обращаю на это внимание товарища Ховрина. «Так невозможно! — говорю я: — мы идем совсем на виду. Стоит заработать пулемету, и от нас ничего не останется. Мы можем погубить весь отряд». Ховрин со мной соглашается. «Знаете что, т. Женевский? — говорит он: — вы — боевой офицер. Примите командование отрядом». — «Хорошо». — «Товарищи! — обращается Ховрин к матросам, которые следуют за нами: — сейчас вами будет командовать т. Женевский. Он боевой офицер и знает, как воевать». Матросы останавливаются и смотрят на меня, ожидая, что́ я скажу. Я немедленно перехожу на язык военной команды. «Товарищи! — кричу я: — слушай мою команду! Прекра-

тить разговоры и курение! Вправо и влево от полотна по линии в цепь!». Однако, о ужас! Матросы растерянно стоят на месте. Они не знают, что такое рассыпаться в цепь. Вот тебе и армия! Вот тебе и война! Я кое-как объясняю матросам сущность рассыпного строя, и они нехотя сворачивают с полотна направо и налево, теряясь в мелких кустарниках. Я вздыхаю свободно. Теперь по крайней мере мы не представляем собою такую великолепную мишень для неприятеля. Так мы проходим еще несколько шагов. Однако я вижу, что некоторые матросы опять сворачивают с поляны на полотно. «Куда же это вы?» — полушопотом кричу я им. «Да там мокро, мы уж лучше здесь пойдем». Я вскипаю: «Я убедительно прошу вас, товарищи, итти там, где вам показано! Или мы воюем, или мы дурака валяем! Итти все кучей по полотну мы никоим образом не можем». Матросы ворча сворачивают опять в кусты. «Трудно воевать при таких условиях, думаю я. Парни они несомненно хорошие и храбрые, но ни дисциплины ни элементарного знания военного дела у них нет. Вот и воюй при таких условиях!».

Сзади себя слышу какое-то волнение. Я оборачиваюсь. Группа матросов бежит ко мне и, захлебываясь от радости, кричит: «Сдался! Броневик сдался!». Тут уж никакая сила не может удержать матросов в кустах. С радостными криками несутся они со всех сторон на полотно, и скоро мы веселой гурьбой возвращаемся обратно к нашим эшелонам. Всякая дисциплина окончательно идет на смарку.

В «штабе» я узнаю все последние новости. Оказывается, белогвардейцы откуда-то взяли, что матросов — 5 000 человек, и, считая, что всякое сопротивление бесполезно, сдались. Между тем нас было едва ли более семисот человек. Позднее, когда мы увидели прекрасное вооружение поезда и его мощную броню, мы порадовались, что дело закончилось так безболезненно. Не знаю даже прямо, как бы мы взяли его. Наши легкие броневые площадки с воздухобойными пушками, конечно, сразу же разлетелись бы вдребезги от действия мощной артиллерии бронепоезда. От действия же нашего огня его прекрасно защищала толстая, почти непроницаемая

броня. Что́ в этом деле сыграло решающую роль, так это наша предприимчивость и энергия. Мы так настойчиво преследовали бронепоезд, что нагнали страху на его команду. А моральное воздействие на противника всегда и во всех войнах играет первенствующую роль.

От радости, что бронепоезд сдался, все матросы, находившиеся в «штабе», были в восторженно-приподнятом настроении духа. Все двигались, шумели, кричали. Вдруг совершенно неожиданно раздался выстрел, и брат упал на скамейку. Я вскочил на ноги. Все замерли. — «Измена! Предательство! — проносились мысли в моей голове: — Нас окружили!». Я оглянулся и увидел, что у одного из матросов дымится в руках револьвер. Это же заметили и остальные. «Ты чего стреляешь?» — послышались возгласы. «Да я нечаянно», — растерянно отвечал матрос, видимо сам ошеломленный происшедшим. «Дурак! Нечаянно! Ты Раскольникова убил!». Мы бросились к брату, но он, улыбаясь, сам поднялся нам навстречу. Оказывается, он упал нарочно, думая, что в него стреляют из окна. Пуля, к счастью, никого не задела. Это был первый случай неосторожного обращения матросов с огнестрельным оружием, а сколько таких случаев было потом! И сколько было, благодаря этому, случайных, нелепых жертв!

В броневике оказались большие запасы всякого рода оружия. Матросы на радостях стали вооружаться, кто чем попало. У каждого помимо винтовки оказалось по револьверу, к поясам почти все прикрепили по японскому штыку, многие набили себе полные карманы ручных гранат. Это было чрезвычайно опасно, так как большинство не умело обращаться со вновь приобретенным оружием. Скоро некоторые наши вагоны стали походить больше на склад оружия, чем на воинский эшелон.

В числе других предметов вооружения матросы нашли великолепную кавказскую шашку с серебряной рукояткой в виде лошадиной головы и резными серебряными украшениями на ножнах. Эта шашка едва не послужила яблоком раздора между матросами. Каждому хотелось получить ее. Тогда кто-то внес предложение подарить эту шашку от имени всех матросов товарищу

Раскольникову, и это предложение примирило всех и утихомирило разбушевавшиеся страсти. Брат был весьма польщен таким выражением внимания со стороны матросов и тут же надел эту шашку поверх своего черного морского пальто. С этих пор он за все время своего пребывания в отряде уже не снимал ее. Это, конечно, противоречило установленной форме и со стороны выглядело довольно странно, но зато придавало всей его фигуре какой-то особенный революционно-партизанский отпечаток.

Наконец, к нам в штаб привели первых военнопленных. Их было очень немного. Всего лишь два офицера. Остальной командный состав, в том числе командир бронепоезда, как мы узнали, спороли с себя погоны и удрали в лес, опасаясь расправы. Они думали этим выиграть, но на самом деле только проиграли. Окрестные крестьяне и солдаты куженкинского гарнизона большинство из них переловили и расправились с ними судом Линча. Между тем сдавшиеся нам в плен офицеры сохранили свою жизнь.

Для допроса военнопленных к нам в вагон пришли Потапов, Еремеев и Вегер. Пленные держали себя очень просто и с готовностью отвечали на все наши вопросы. Они признали свое участие в бою под Петроградом. По их заявлению, они были направлены туда Керенским, который уверил их, что в Петрограде «взбунтовалась чернь». Вначале они поверили этому утверждению и, действительно, на подступах к Петрограду собственными глазами видели цепи маленьких черных фигурок. Однако, когда вслед за этими фигурками они увидели серые солдатские шинели, они поняли, что это междоусобная война, и отступили от Петрограда с твердым намерением вернуться обратно на фронт. Керенского, по их словам, в бронепоезде не было.

Не утруждая пленных дальнейшими допросами, мы направили их под конвоем в Петроград в Смольный, а сами решили продолжать свой путь на Москву. Бронепоезд мы наскоро укомплектовали своей командой, и он отправился вслед за нами.

В Бологом местные железнодорожные рабочие с интересом ждали нашего возвращения и, узнав о нашем

успехе, от души поздравили нас. Веселые и бодрые мы направились дальше.

Уже глубокая ночь. Следовало бы, собственно говоря, спать, но как-то не спится. В Вышнем-Волочке и Клину мы узнаем последние московские новости. Оказывается, после ожесточенных боев войска Временного Правительства капитулировали, и власть перешла в руки Московского Совета. Командующим войсками Московского военного округа избран солдат Муралов. Мы громко кричим «ура!».

Вот, наконец, и долгожданная Москва. Железнодорожные пути начинают разбегаться во все стороны. Вдали виднеются купола многочисленных московских церквей. Мы прислушиваемся. Нет, никакой стрельбы не слышно. Повидимому, наши сведения правильны, и в Москве все более или менее успокоилось. После коротких разговоров с железнодорожниками наш поезд ставят на запасные железнодорожные пути неподалеку от Николаевского вокзала. Брат, Еремеев и Вегер сейчас же отправляются в Московский Военно-Революционный Комитет, а мы с Ховриным остаемся с отрядом. Решаем пока-что весь отряд оставить в вагонах, но все же некоторым матросам даем увольнение в город. Наш приезд в Москву сразу же омрачился печальным инцидентом, несколько испортившим наше хорошее настроение. Один из матросов, идя в город и желая похвастаться перед товарищами своим трофеем, достал из своего кармана захваченную им на бронепоезде гранату английского образца и по нечаянности дернул за приделанный к ней шнурок. Когда граната загорелась, он так растерялся, что не догадался отбросить ее подальше от себя и в результате был убит на месте ее взрывом. Стоявшие рядом с ним его товарищи матросы также были поранены осколками гранаты.

Наконец вернулся брат. Он побывал у Муралова и получил от него ордер на занятие под отряд любого подходящего помещения в районе Николаевского вокзала. Потапов со своим полком пожелал остаться в вагонах, и, следовательно, помещение нужно было найти только для матросов и красногвардейцев. Взяв с собой несколько человек матросов, мы с братом отправились на поиски.

Сперва мы облюбовали какую-то школу, но оказалось, что это не только школа, но и пансионат, где нашему отряду было бы, конечно, слишком тесно. Забрели в какой-то роскошный барский особняк, но там оказалось много коллекций музейного характера, которые могли бы быть по неосторожности перебиты матросами. Наконец, усталые и измученные, мы наткнулись на вполне подходящее для нас помещение. Это был занимавший огромное здание и чрезвычайно удобно для нас расположенный «Институт для благородных девиц», помещавшийся около Красных ворот. В этом огромном помещении воспитанниц было совсем немного, и мы нашли возможным переселить их в верхний этаж, а два нижних этажа взять под наш отряд. Конечно, начальница института, старая дворянка, была страшно недовольна нашим вторжением и убеждала нас покинуть здание института, но мы остались непреклонны. В самом деле, лучшего помещения мы найти бы не смогли. Мы успокоили начальницу, что в помещение будут введены только матросы — народ, славящийся своей чистотой и опрятностью.

Скоро матросы стройной колонной уже входили в помещение института. Многие острили, что без женского института мы никак не можем обойтись. В самом деле, в Питере мы ведь тоже занимали помещение аристократического женского учебного заведения, а именно — Смольный институт. Однако, несмотря на свой веселый нрав и остроты, все матросы прекрасно понимали, как сугубо осторожно они должны вести себя в непосредственной близости к женскому учебному заведению. Я уверен, что, если бы кому-либо из матросов пришла мысль о каких-либо бесчинствах в этом направлении и он попробовал бы ее высказать, он не только не встретил бы никакого сочувствия, но прямо-таки был бы избит своими товарищами. И нужно сказать правду, что за все свое почти двухнедельное пребывание в здании этого института матросы вели себя безукоризненно.

«Штаб» наш избрал для себя отдельную комнату, где, кроме рядами стоящих кроватей и ночных столиков около них, никакой другой мебели не было.

Вечером этого же дня в помещении Московского Совета состоялось заседание Военно-Революционного Коми-

тета, на котором присутствовали и представители нашего отряда.

Было решено задержать наш отряд в Москве и использовать его для очистки Москвы от контр-революционного и вообще нежелательного элемента. ВЧК или ГПУ в то время еще не было, и потому это задание вполне соответствовало обстановке того времени.

На другой день мы получили и конкретные задания. Нужно было, во-первых, сделать облаву на Хитров рынок и, во-вторых, произвести повальные обыски в Чернышевом переулке, где, по сведениям Военно-Революционного Комитета, формировалась какая-то контр-революционая дружина. Для того, чтобы привести в исполнение оба этих задания, мы с братом разбили матросский отряд на две части. Брат отправился со своим отрядом в Чернышев переулок, а я, захватив кроме матросов еще и броневик, — на Хитров рынок. Вместе со мною отправился присланный от Муралова прапорщик Чеколлини, большевик и ответственный работник штаба. Чеколлини сообщил мне, что по сведениям, имеющимся в штабе, на Хитровом рынке в большом количестве продается оружие, похищенное из частей во время октябрьских дней. Нужно это оружие захватить и конфисковать. Для того, чтобы лучше провести эту операцию, мы окружили Хитров рынок со всех сторон, а сами с оставшимся отрядом и с броневиком двинулись на середину площади, которую занимает рынок. Боже, какой переполох мы произвели! Всякие торговцы, оборванцы, какие-то растрепанные женщины бросились во все стороны и стали стремглав убегать от нас. Однако, увы! Все окружные улицы оказались запертыми нашими заслонами, и уйти с площади было никак нельзя. Некоторые в страхе носились с одного конца площади на другой, надеясь хоть где-нибудь найти себе лазейку, но это было невозможно, везде они натыкались на неумолимые цепи матросов. Экспансивный Чеколлини наконец не выдержал и стал гоняться с револьвером в руках за некоторыми, особенно упорно старавшимися удрать от нас, субъектами. Это, конечно, создало еще более волнения и паники. Наконец я кое-как остановил Чеколлини, и мы с ним так распределили свои функции. Я останусь с отрядом и

броневиком на площади, буду поддерживать порядок и принимать арестованных и конфискованные вещи, а он с группой матросов будет обходить окружающие площадь дома и производить поголовные обыски. За такого рода занятием мы и провели весь день до вечера. Вначале я держал свой отряд наготове, ожидая каждую минуту, что в том или другом доме нам будет оказано вооруженное сопротивление. Однако, время шло, Чеколлини оканчивал осмотр одного дома за другим, а все было тихо. Наконец мне надоело стоять так без дела, и я, оставив за себя старшего начальника, вместе с Чеколлини пошел в один дом. В этом доме были маленькие, бедные, но опрятные квартирки. По углам висели неизменные образа с теплящимися перед ними лампадками. На окнах цвели горшки с геранью. По стенам стояли кровати с пуховичками и подушками, тесно прижимаясь к каким-то незатейливым, пузатым комодикам. Мы открывали эти комодики, и матрос, производивший обыск, осторожно, чтобы не помять лежавшее в ящиках белье, прощупывал его содержимое, чтобы выяснить, нет ли здесь где-нибудь спрятанного оружия. Все-таки это было довольно-таки некрасивое и неприятное дело. И я был очень рад видеть, что матросы держатся так корректно и так аккуратно производят обыск. Невольно вспомнилось, как производили обыск в старое время городовые. Они, не разбираясь, вываливали все содержимое ящиков на пол, не заботясь о том, кто и как потом будет все это собирать. После этого дома мы вошли в соседний дом. Здесь было нечто невообразимое. Повидимому, этот дом представлял собою не что иное, как публичный дом самого низкого пошиба. В полутьме на каких-то грязных нарах лежали растрепанные, полураздетые женщины. Некоторые из них были пьяны. Какой-то субъект, еле поддерживающий падающие штаны, пытался проскочить мимо нас, но его перехватили матросы. Было душно и смрадно. Еле дождавшись конца обыска, я вышел на улицу. Как-то странно было после темноты и вони видеть ясный ноябрьский день и вдыхать свежий, морозный воздух.

Наши обыски не привели к тем результатам, которых мы ожидали. Никакого оружия, если не считать каких-

то поломанных шашек да пары револьверов, мы не нашли. Или в штабе округа сведения были неправильны, или оружие было великолепным образом запрятано. Единственно, чего мы наловили в большом избытке, так это бездокументного хулиганья. Некоторые были так ободраны, что нельзя даже было с уверенностью сказать, одеты они или голы. Окончив обыски, мы окружили их конвоем и направили в ближайший комиссариат милиции. Однако там, как я узнал после, тоже не знали, что с ними делать, и большинство из них отпустили обратно на все четыре стороны. Продрогшие и усталые вернулись мы обратно к себе в «Институт благородных девиц». От брата я узнал, что его поход окончился также неудачно. Никакого следа белогвардейской организации в Чернышевом переулке ему найти не удалось. Единственный трофей его заключался в большом количестве всякого рода револьверов и охотничьих ружей, которые он насобирал в разных квартирах переулка. Все это оружие было положено в довольно поместительную корзину, которую с трудом дотащили до нас и установили в нашем «штабе» двое матросов.

Утомленные событиями дня, мы с братом решили пойти прогуляться и заодно посмотреть на Москву. Было уже поздно, но улицы были полны народа. «Как быстро жизнь вошла в колею, — думалось мне: — давно ли здесь были кровопролитные бои, а вот опять все настроено на мирный лад, как будто ничего и не было». В особенности большое оживление наблюдалось на Тверской. Магазины были ярко освещены. Извозчики и автомобили проносились мимо. Роскошные шубы сменялись военными мундирами.

Мы зашли выпить по стакану кофе в кафе «Бом». Здесь была та же картина. Скрипач с чувством играл серенаду Брага, а за столиками, потягивая кофе и сиропы, сидели сытые лощеные лица с дамами в изысканных туалетах. Они с удовольствием слушали музыку, стараясь не думать о таких «неприятностях», как война и революция. «Сидите, наслаждайтесь, — невольно думал я: — торопитесь использовать свои последние часы. Скоро пролетарская метла навсегда выметет вас из ваших насиженных гнезд».

На другой и на третий день мы не получили никакого задания от штаба округа, но тем не менее наш отряд не бездействовал. Не знаю откуда, весть о прибытии в Москву революционного отряда матросов, наводящего в Москве порядки, получила широкую известность, и к нам потянулись всякого рода просители. То хозяин дома притесняет бедняков, то лавочник скрыл у себя большие запасы продовольствия и не желает его продавать, то в такой-то квартире происходят какие-то подозрительные собрания. Обыкновенно такой проситель обращался со своим сообщением или горем к первому встречному матросу, затем вокруг него собиралась кучка, и поэтому, когда он доходил до штаба, то вместе с ним приходили и матросы, согласные отправиться с ним и расследовать его дело. Мы всегда давали согласие и полномочия матросам на такого рода экспедиции. Конечно, мы этим отчасти узурпировали права Московского Совета, но мы понимали, что власть в Москве еще только формируется и всякая помощь с нашей стороны в этом отношении может быть принята ею только с благодарностью.

Наконец к нам стали обращаться даже и из уездов. То поп притесняет крестьян, то крестьяне не знают, как поделить помещичью землю, то кулаки зашебаршили. Такие призывы о помощи всегда встречали живой отклик со стороны матросов. «Тов. Женевский, — бывало обращается ко мне какой-нибудь матросик, с ног до головы увешанный оружием: — разрешите нам с компанией на два дня в волость съездить, там поп мужикам ходу не дает». Рядом с ним мнется корявый, бородатый мужичонко. «Дозвольте, ваша милость, — тянет он: — вздохнуть мужику не дает. Не признает советску власть». — «Ну, езжайте, только не задерживайтесь долго». И матрос и радостно семенящий ногами мужичонко скрываются за дверями комнаты. Большую тогда роль сыграли в Москве матросы. Благодаря своему развитию и сознательности, они, появляясь на местах, представляли из себя не только вооруженную силу, но и агитаторов и организаторов. Во многих деревнях они организовали и укрепили власть деревенской бедноты. Однако были матросы, которых такого рода деятельность не удовлетворяла. Они мечтали о бурных событиях, гран-

диозных столкновениях. Все понимали, что буржуазия еще не побеждена, что она разгуливает по улицам, а в тайниках готовит против нас оружие, надеясь при первом удобном случае напасть на нас. Ненависть же матросов к буржуазии была велика. Одним из таких неудовлетворенных был матрос Берг. Крепкий, коренастый, точно выточенный из камня, он томился в бездействии. Его могучие руки и огромный голос, за который его шутя прозвали «иерихонская труба», искали себе применения. И ему пришла такого рода идея: устроить грандиозный матросский митинг в центре буржуазного квартала на Театральной площади. Эта мысль захватила и увлекла его. «Пусть буржуи посмотрят на матросов, какие мы есть», — раскатисто смеясь, говорил он, расправляя свои могучие плечи и выпячивая грудь. «Что же ты скажешь им там?» — спрашивали его любопытствующие. «Я им прямо скажу, что я буду их вешать, — не задумываясь, отвечал Берг и при этом прибавлял свое любимое выражение: — Жизнь за жизнь, кровь за кровь». Ошибочно было бы заключить по этим выражениям, что Берг был кровожадным человеком. Несмотря на свою наружность и грубые слова, он был простым и добрым парнем. Мало того, иногда в своих выступлениях он вдавался в настоящий лиризм, становясь подлинным поэтом. Но в то же время, когда надо было, он умел по-пролетарски резко ставить вопрос.

Мысль Берга об организации митинга на Театральной площади была принята, но было решено пригласить на него не буржуазию, а рабочих, для чего широко оповестить о митинге рабочие окраины. Живо закипела работа. Матросы сами кустарным образом стали писать на клочках бумаги объявления о митинге, а затем разбрелись по всему городу для расклейки этих объявлений по стенам и фонарным столбом. Однако на этом митинге рабочих собралось немного. В большинстве собралась гуляющая публика центральных улиц. В молчании выслушав матросов-ораторов и даже поаплодировав им, она без всяких эксцессов разошлась. Этот митинг получил название «митинга моряков».

Вскоре мы решили созвать совещание в штабе Московского военного округа и еще раз поставить вопрос о на-

шем отряде. Если в Москве нам, кроме обысков и арестов, делать больше нечего, то не лучше ли нам отправиться туда, где в нас есть действительная боевая нужда? Такое совещание в штабе округа под председательством т. Муралова вскоре и состоялось. От нашего отряда присутствовали: Вегер, Еремеев, брат и я, из чинов штаба, кроме Муралова, были начальник штаба Аросев, Мандельштам («Одиссей»), Чеколлини и еще ряд других лиц. Вопрос встал в общей форме — об обороне Москвы. Из докладов выяснилось, что московские военные власти не имеют представления о том, что делается вокруг Москвы. Для обороны подступов к Москве ими выставлены сторожевые посты на пятой версте по каждой железнодорожной линии. Эти посты должны немедленно сообщить в штаб округа, если увидят какой-нибудь неприятельский отряд, направляющийся на Москву. Некоторые представители штаба склонны были признать такую постановку дела вполне удовлетворительной. Тогда выступили наши представители с самыми резкими возражениями. Москва слишком крупный центр, чтобы заботиться только о собственной самообороне. Ограничиться только выставлением сторожевых постов слишком мало. Да и какая это защита — сторожевой пост в пяти верстах от нее? Поздно уже будет думать о защите, когда противник окажется в пяти верстах от Москвы. Нужно подумать о расширении сферы своего влияния. Этим мы одновременно и поможем общероссийскому делу и лучше всего обороним Москву. Некоторые возражали нам, указывая, что мы задаемся слишком широкими планами, но большинство все же поддержало нас, по крайней мере в отношении нашего отряда. Было бы, конечно, очень желательно, чтобы наш отряд пошел в глубокую разведку, но в этом отношении решающий голос должен быть за столицей — Петроградом, а не за Москвой. Москва не имеет права самостоятельно послать куда-либо наш отряд. В результате этого заседания мы пришли к решению о целесообразности командировать наших комиссаров, Вегера и Еремеева, в Петроград для получения дальнейших инструкций. Вслед за комиссарами в Питер вскоре потянулся и полковник Потапов вместе со всем своим отрядом. Он уверял, что получил в этом

отношении распоряжение из Петрограда. Такая серьезная убыль нашего отряда нас глубоко огорчила. В самом деле, если впереди никаких военных действий не предвидится, нечего и нам здесь торчать, а вернуться в Питер всем вместе. Если же впереди предстоят бои, то какой же смысл обессиливать наш отряд и лишать его такого опытного военного специалиста, как полковник Потапов? Сгоряча мы готовы были обвинить полковника Потапова в измене и предательстве. Но остановить его мы не могли — он не был нам подчинен [1].

Наконец мы получили первые распоряжения из Петрограда от т. Антонова. Сначала эти распоряжения были переданы по прямому проводу; потом с более подробными инструкциями прибыл к нам член Петроградского Военно-Революционного Комитета прапорщик Павлуновский. На наш отряд возлагалась следующая задача: отправиться в Донецкий угольный бассейн, а затем и дальше на Дон—проверить, правильны ли сведения, что донской атаман Каледин не пропускает на север поезда с углем и продовольствием и что он формирует против нас контр-революционные войска. Если эти сведения оказались бы правильными, то нам надлежало всеми средствами, вплоть до применения оружия, воспрепятствовать ему в его намерениях. Если наших сил окажется мало, то по нашему требованию нам будет выслано подкрепление. Одновременно на наш отряд возлагалась задача организовывать по всем тем местам, где мы будем проезжать, Советы Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Прапорщик Павлуновский прикомандировывался к нашему отряду в качестве комиссара от Военно-Революционного Комитета. Получив такого рода распоряжение, мы стали собираться в путь-дорогу. Прежде всего, нужно было позаботиться об увеличении нашего отряда. Мы дали в Петроград телеграмму с просьбой вернуть к нам отряд полковника Потапова. Но не-

[1] Дальнейшая судьба полковника Потапова такова. В 1918 г. он был в Петрограде уполномоченным по формированию 1-го корпуса Рабоче-Крестьянской Красной армии. Затем он был поставлен во главе советских войск, сражавшихся на Мурманском фронте против английского десанта. По одной версии он бежал к англичанам, по другой — был взят ими в плен во время ранения.

зависимо от этого, мы стали вести переговоры с т. Мураловым о прикомандировании к нашему отряду некоторой части московских войск. В результате этих переговоров в наш отряд влились следующие части: батарея артиллерии, прожекторская команда, отряд московской Красной гвардии и Московская школа прапорщиков. Когда Муралов впервые предложил нам взять с собою школу прапорщиков, мы удивились: «Неужели юнкера с нами поедут?!» — воскликнули мы. Но Муралов объяснил нам, что это особенная школа и по комплектованию и по настроению. Эта школа комплектовалась исключительно солдатами — георгиевскими кавалерами, независимо от их образовательного ценза. Во время московских боев она не выступала против Московского Совета, а когда Совет оказался победителем, одна из первых признала его власть. Тов. Муралов хотел теперь на деле испытать ее лойяльность и потому предложил нам взять ее с собою. Мы согласились.

Во время наших хлопот и сборов к нам пришла из Петрограда телеграмма, очень нас огорчившая. Петроградский Военно-Революционный Комитет отзывал из нашего отряда тов. Раскольникова для работы его во вновь организуемом Народном Комиссариате по морским делам. Это, конечно, была огромная потеря для отряда. В связи с этим, а также в связи с тем, что в наш отряд влились новые части, мы решили устроить общее собрание нашего отряда, на котором произвести полные перевыборы всего командного состава.

Такое собрание вскоре и было нами устроено. Большой актовый зал был переполнен собравшимися матросами и солдатами. Было накурено и душно. Но настроение у всех было великолепное. В особенности матросы радовались предстоящему выступлению. Вынужденное бездействие в Москве уже порядочно всех утомило. После информационного сообщения о предстоящем походе Раскольникова и Павлуновского, отряд приступил к выбору командного состава. В то время еще не было точного регламента для такого рода выборов. Поэтому все кандидатуры голосовались открытой баллотировкой — простым поднятием рук. Мы даже не задавались в то время вопросом, правильно ли это будет или нет.

Руководящую роль на собрании играли, как это и можно было ожидать, матросы. Они были политически сознательнее всей остальной массы и, кроме того, представляли собою единый сплоченный коллектив. Поэтому начальником отряда, по предложению, если не ошибаюсь, брата, был единогласно избран матрос Ховрин. На остальные командные должности были избраны следующие товарищи: начальником штаба отряда был избран я, адъютантом штаба — матрос Анатолий Железняков, начальником пехоты отряда — начальник Московской школы прапорщиков капитан Скавронский, начальником артиллерии — московский офицер поручик Хрусцевич, начальником бронепоезда — моряк кондуктор флота Годлевский, начальником снабжения солдат — Толкачев. Обо всех этих товарищах нужно сказать несколько слов. Капитана Скавронского, беспартийного, но производящего симпатичное впечатление пожилого офицера, нам рекомендовали московские товарищи. Поручик Хрусцевич, называвший себя большевиком, являлся командиром той батареи, которая влилась в наш отряд, и мы своим избранием только утвердили его в том звании, которое он фактически и занимал. Годлевский с самого начала захвата нами бронепоезда, как человек, хорошо знающий артиллерийское дело, принял на себя руководство им, и поэтому вполне естественно, что мы утвердили его начальником бронепоезда. Солдат Толкачев был прислан к нам для работы по снабжению из Петрограда. Он был большевик и с большой горячностью произносил агитационные речи. Прапорщика Павлуновского общее собрание, согласно с полномочиями, полученными им от Петроградского Военно-Революционного Комитета, утвердило в звании комиссара отряда, хотя никто не отдавал себе ясного отчета, что будет делать комиссар при партийном начальнике отряда. Впрочем, такая неясность наших взаимоотношений нисколько не помешала нам в нашей дальнейшей работе. Мы быстро ужились, подружились и втроем, Ховрин, Павлуновский и я, прекрасно заправляли всеми делами отряда. Много значило, что начальником отряда был такой простой и славный товарищ, как матрос Ховрин. Он не держался за свое начальническое место, не задирал кверху

носа и сам любил прежде, чем предпринять какое-нибудь решение, обсудить его вместе со своими ближайшими товарищами. Со всеми без исключения матросами, солдатами и красногвардейцами отряда он был неизменно внимателен и прост. За это его все любили.

Проводив брата в Петроград, мы спешно стали собираться в путь-дорогу. Начальник снабжения оказался очень энергичным парнем и набрал такое количество консервов и всякого рода продовольствия, что его с избытком хватило бы на несколько месяцев. За бельем и обмундированием я сам отправился на Ходынку в склады и привез его на наших огромных грузовиках. Некоторое осложнение вызвало получение нами денег. Тов. Муралов выдал мне записку в казначейство на получение нами двадцати тысяч рублей. Однако саботажничавшие казначейские чиновники ни за что не хотели выдать мне денег. Пришлось пройти по всем ступеням до самых высших начальников и там пригрозить, что, если они не дадут мне денег, то за получением их придет весь отряд. В результате деньги я все-таки получил и сразу же смог выдать из них небольшое жалованье всему отряду.

Что еще нам было необходимо, так это легковые автомобили. У Муралова, к которому мы обратились по этому поводу, не оказалось лишних автомобилей, и потому он выдал нам разрешение на реквизицию автомобилей частных. Мы немедленно приступили к этому делу. В то время реквизиция производилась очень просто. Группа матросов, вооруженных револьверами, выходила на какой-нибудь оживленный перекресток улиц и там поджидала, когда подойдет какой-нибудь автомобиль. Едва автомобиль показывался, матросы с криками окружали его со всех сторон и, потрясая револьверами, приказывали остановиться. Если этот автомобиль оказывался советским, то его благополучно пропускали дальше, но в то время таких было еще очень мало, и большинство автомобилей принадлежало частным владельцам. С этими последними разговор был очень короток. Пассажирам вежливо предлагалось продолжать свою дорогу пешком, а сам автомобиль по большей части вместе с шофером, который не желал покидать машины, поступал в наше распоряжение. Матросам очень понравилась эта «игра»,

и они нареквизировали такое большое количество машин, что по крайней мере добрых две трети пришлось отправить обратно по домам. Воображаю себе радость их владельцев. Зато выбор у нас оказался огромный, и мы смогли подобрать себе действительно великолепные машины. В связи с реквизицией автомобилей произошел следующий инцидент, который задержал наше отправление на несколько часов. Помню, когда уже мы погрузились в эшелоны, к нам в штабный вагон влетел сияющий Берг и в волнении сообщил, что ему удалось реквизировать такой роскошный автомобиль, который превосходит все имеющиеся в нашем распоряжении. Мы сейчас же выскочили из вагонов и убедились, что все сказанное Бергом — сущая правда. Действительно, автомобиль, реквизированный им, являлся последним словом автомобильной техники. Обрадованные мы немедленно начали грузить его в наш товарный вагон. Однако радость наша была непродолжительна. Вскоре нам позвонили от Муралова и сообщили, чтобы мы немедленно выгрузили автомобиль, так как он принадлежит бельгийскому консулу. Конечно, автомобиль нужно было возвращать, но наши матросы возмутились. В особенности бушевал Берг, который незадолго до того был счастлив и горд, что достал для отряда такой великолепный автомобиль. Пришлось устроить специальное заседание штаба, на которое приехал и представитель тов. Муралова, чтобы утихомирить разбушевавшиеся страсти и убедить Берга и другие анархистствующие элементы в необходимости сохранять лойяльность по отношению к иностранному представительству. В результате матросы с большим сожалением сами выгрузили автомобиль и передали его представителям штаба Московского военного округа. Инцидент был улажен.

Сборы в дорогу заняли у нас довольно много времени. Для лучшей связи я на всех эшелонах провел телефонные провода и потому, сидя у себя в штабном вагоне, мог переговариваться с другими частями нашего отряда. Один телефонный аппарат я установил даже на самом паровозе, чтобы иметь возможность лично осведомляться у машиниста о причине всякой неожиданной остановки. Для того, чтобы местные железнодорожные власти не чи-

нили препятствия в нашем продвижении на юг, мы с Павлуновским добились от главного дорожного комитета Московско-Курской, Нижегородской, Муромской и Окружной казенных железных дорог специального удостоверения, что ему известно об отправке на юг нашего отряда. Нам удалось организовать и поездной лазарет. Правда, врача у нас, насколько я припоминаю, не было, но зато был фельдшер и одна или две сестры милосердия. Под лазарет мы отвели половину одного вагона, там заведующий лазаретом установил несколько кроватей и расположил небольшую аптечку, столь нужную нам в пути.

Наконец, 10-го ноября все было готово, и мы двинулись в путь-дорогу. Во время хода поезда мы с начальником пехоты капитаном Скавронским обошли все вагоны, давая последние инструкции матросам, юнкерам и красногвардейцам. Время было смутное, и неожиданного предательского нападения можно было ожидать каждую минуту. «Если на нас неожиданно нападут, — говорили мы, — немедленно тушите электричество, выбивайте прикладами окна и открывайте огонь по неприятелю». Однако эта ночь прошла совершенно спокойно.

Первая большая остановка была у нас в Туле. Здесь нужно было задержаться на несколько дней для того, чтобы захватить с собою побольше оружия для рабочих Донецкого каменноугольного бассейна. Появление в Туле наших эшелонов и в особенности наших бронированных поездов произвело большой переполох в городе. В особенности перепугались обыватели, когда мы, чтобы обследовать местность, залили всю Тулу ярким светом своих великолепных прожекторов. Кто был совершенно спокоен, так это наши друзья, партийные единомышленники, тульские большевики. Они были искренно рады нашему прибытию. Нужно сказать, что в Туле мы нашли довольно своеобразную политическую картину. Местный Совет уже давно вынес постановление о взятии всей полноты власти в свои руки, но практически, опасаясь меньшевиков и эс-эров, ничего для этого не предпринимал, и положение оставалось неопределенным. Приход нашего отряда дал Совету и местным большевикам твердую почву под ноги и укрепил в Туле влияние Совета. В 1924 году Тульский Истпарт выпустил сборник, под

названием «Октябрьский переворот в Туле». В этом сборнике, к сожалению, ничего не говорится о пребывании в Туле и роли нашего отряда. Между тем я едва ли ошибусь, если скажу, что прибытие нашего отряда имело решающее значение в деле захвата власти тульским Советом. Наш отряд, правда, активного участия в какихнибудь военных действиях не принимал, но своим присутствием устрашил оборонцев и придал смелости нашим партийным единомышленникам. Аргументы, которые мирно покоились в дулах наших пушек, помогали нам весьма скоро и вполне безболезненно разрешать все вопросы. Так был решен вопрос о выдаче с тульских оружейных заводов необходимого нам вооружения. В захваченные еще из Москвы пустые товарные вагоны мы скоро начали складывать штабелями новенькие тульские винтовки и патроны к ним.

В Туле мы встретились с делегацией донецких горнорабочих, которые приехали сюда хлопотать о вооружении для горняков. Велика же была их радость, когда они увидели, что мы уже выполняем порученное им задание! Мы немедленно поташили их в штабный вагон и здесь попросили сделать небольшой доклад о положении дел в Донецком бассейне. Рабочие сообщили, что настроение у горняков очень революционное. Там фактически существуют всего только три партии: большевики, анархисты и максималисты. Группировки более правого направления не пользуются абсолютно никаким влиянием. Главная беда горняков — отсутствие оружия. Благодаря ему, шахтовладельцы, опираясь на небольшие отряды казаков, диктуют горнорабочим свою волю. Если бы удалось горняков вооружить и создать из них на месте мощную Красную гвардию, то этот район сделался бы одним из наиболее надежных опорных пунктов Советской власти на юге России. Этот рассказ произвел на всех нас сильное впечатление. Еще с большей энергией принялись мы за погрузку оружия, стремясь как можно скорее покинуть Тулу и двинуться на юг, на воссоединение с нашими друзьями горнорабочими.

Весь день проходил у нас в горячей работе. Вечером же я шел обыкновенно на телеграф и разговаривал с Москвою по прямому проводу о делах и нуждах нашего

отряда. По счастливой случайности, копии этих разговоров сохранились у меня по сей день. В виду того, что они довольно ярко характеризуют обстановку того времени, я приведу их с небольшими лишь сокращениями:

— У аппарата начальник штаба революционных войск прапорщик Женевский. Передайте в Петроград Совету Народных Комиссаров [1] следующее:

Нет ли каких изменений в предполагаемом следовании нашего отряда? Отправился ли следующий эшелон матросов, и, если нет, то необходимо, чтобы он немедленно выступил [2]. Где отряд подпоручика Ремнева? [3]. Отправлены ли 11 000 патронов для нагана, заказанных для тульских оружейных складов? Передайте Викжелю, чтобы он предупредил станции нашего следования о движении наших эшелонов, так как неожиданное появление блиндированных поездов наводит панику на местное население. Когда можно получить ответ из Петрограда?

— Сейчас же приступим к переговорам с Петроградом и, как получим ответ, так немедленно сообщим.

— А кто разговаривает?

— У аппарата помощник командующего войсками Чубов.

* * *

— Я — Тула. Попросите к аппарату помощника командующего войсками Чубова.

— Сию минуту. Кто спрашивает?

— Начальник штаба отряда сводных войск прапорщик Женевский.

— Вы здесь?

— Да.

---

[1] В то время отдельные комиссариаты еще не были как следует организованы, и потому по всем вопросам, даже самым мелочным, приходилось обращаться непосредственно в Совет Народных Комиссаров или даже лично к тов. Ленину. *А. И.-Ж.*

[2] Вслед за нами должен был отправиться, кроме отряда полковника Потапова, еще матросский отряд. Он, действительно, был сформирован, но в последнюю минуту получил другое назначение — взять Ставку. *А. И.-Ж.*

[3] Подпоручик Ремнев — один из активных партийных работников в Кронштадта. *А. И.-Ж.*

— Я — Москва, штаб округа. У аппарата адъютант командующего Грицман. Что угодно?

— В 2 часа я говорил по прямому проводу с помощником командующего войсками Чубовым и просил его передать несколько вопросов Петроград Совету Народных Комиссаров. Какой ответ Петрограда?

— С Петроградом сообщение прервано, и переговорить не удалось.

— Когда же можно переговорить Петроградом и как?

— Если удастся, переговорим завтра утром.

— Передайте в управление Московско-Курской ж. д., чтобы они разрешили начальнику участка службы путей выдачу и обмен необходимых для блиндированного поезда путевых инструментов.

— Хорошо. Распорядимся. До свиданья. У аппарата командующий войсками Муралов. Когда вы выезжаете из Тулы и почему так здесь задержались?

— Думаем выехать из Тулы завтра вечером. Задержались потому, что грузим оружие.

— Завтра мы ждем из Петрограда отряд украинских войск, присланных Антоновым.

— Какая цель присылки этих войск: та же, что и наша, или нет?

— В телеграмме, полученной от Антонова, сказано, что эти войска наши.

— Относительно нашего отряда ничего не сообщали из Петрограда?

— Ничего, но был сегодня товарищ отряда Потапова, который сообщил, что Потапов с отрядом придет сегодня ночью или завтра. Количество отряда мне пока неизвестно.

— Потапов поедет вслед за нами и с тою же целью или нет?

— Я думаю, что поедет по тому же направлению и с тою же целью, но вы, не ожидая его, поезжайте дальше.

— Хорошо.

— Что еще можете сказать?

— Больше ничего.

— До свиданья, товарищ Женевский. Желаю вам успеха. Давайте о себе знать по возможности почаще.

— Буду давать сведения с каждой крупной станции
— До свиданья.
— Всего хорошего.
— Привет всему отряду.
— Спасибо.

* * *

21 ноября 1917 г.

— Кто у аппарата?

— У аппарата начальник штаба отряда Петроградских сводных войск прапорщик Женевский. Кто говорит?

— У аппарата адъютант командующего войсками прапорщик Грицман. Я разговаривал вчера ночью с народным комиссаром Антоновым. Вот что он мне передал. Ваш отряд должен следовать дальше. Подготовлявшийся на помощь вам отряд из Петрограда изменил направление и отправился на Ставку. Ставка взята. Духонин убит. Крыленко вступает в главнокомандование после небольшого боя с ударниками. Корнилов с 200 текинцами бежал. Подпоручик Ремнев должен сейчас быть в Могилеве. Заказ на патроны выполняется. В Петрограде арестован управляющий военным министерством Маниковский и начальник генерального штаба Марушевский. Вашу просьбу о перемене путевых инструментов я срочно отправил в управление дороги.

— Передайте Викжелю, чтобы он уведомил все станции пути нашего следования о движении нашего эшелона и о том, что целью нашего движения является разгрузка узлов, так как вид блиндированных поездов, появляющихся неожиданно, пугает жителей.

— Хорошо. Что слышно в Туле?

— В Туле все спокойно. Прибыл ли в Москву украинский отряд, о котором говорил вчера тов. Муралов, и отряд подполковника Потапова?

— Нет, еще не прибыл, но ожидается. Когда думаете двинуться дальше?

— Двинемся дальше сегодня вечером. Кончаем делать все то, что было предположено.

— Каково настроение в отряде?

— В отряде настроение хорошее. В особенности хорошо чувствуют себя солдаты, которые всем обеспечены и заявляют, что никогда не имели такого комфорта. Ма-

гросы несколько томятся бездействием и ловят спекулянтов.

— Не забудьте вашего обещания регулярно извещать нас об отряде. Счастливого пути. Грицман.

— До свиданья. Передайте привет тов. Муралову.

— Передадим. Всего.

На этом переговоры мои по прямому проводу с Москвою прекратились. Положение было в достаточной степени выяснено, и нужно уже было думать о дальнейшем продолжении нашего путешествия.

Как раз перед самым нашим выездом из Тулы к нам поступило сообщение о том, что какая-то контр-революционная банда захватила город Калугу и разогнала там местный Совет Рабочих и Солдатских Депутатов. Первой нашей мыслью было — немедленно двинуться туда и восстановить власть местного Совета. Но потом мы одумались. А как же с нашей непосредственной задачей? Ведь она также неотложна. А шахтеры? Ведь они ждут — не дождутся нашего оружия.

Мы устроили заседание штаба и всесторонне обдумали наше положение. В результате мы пришли к следующим выводам. Конечно, наша прямая обязанность — двинуться на юг, но и оставить совершенно без поддержки Калугу мы не можем. В какой же форме должна выявиться эта поддержка? Выделить какой-нибудь отряд из нашего отряда мы, естественно, не можем. И так численность нашего отряда чрезвычайно мала. А поддержки из Питера, как это видно из моих разговоров по прямому проводу, мы скоро получить не можем. И мы выделили для поддержки Калуге... одного матроса. Это звучит довольно анекдотично, но это нисколько не странное решение. В задачу этого матроса входило какими бы то ни было средствами сформировать отряд и выгнать белогвардейцев из Калуги. Что наше решение было разумным, видно из последующих событий. Матрос (фамилию его, к сожалению, не помню) очень быстро и блестяще выполнил возложенное на него поручение. У меня до сих пор хранится присланная им по окончании операции те-

леграмма, которую мы получили уже в Белгороде. Вот текст этой телеграммы:

Срочно. Белгород. Штаб отряда сводных петроградских войск. Из Калуги.
29.XI.1917 г., № 202.

Калуга 28 ноября была окружена крупными силами революционных войск. Ударники и вся свора сложила оружие. Прошло без кровопролития. Жду дальнейших приказаний. Имею отряд 250 человек, 4 орудия — 3 дюйма, 11 пулеметов, запас 700 винтовок.

Вот подлинный и прекрасный портрет революционного матроса. В течение одной недели он, благодаря своей революционной энергии, буквально из ничего формирует сильный отряд и вырывает советский город из рук контрреволюционного врага. И характерная деталь: посылая телеграмму, он забывает поставить под ней свое имя. Он слишком мало думает о себе. Такого рода матросы являлись верной и надежной опорой Советской власти. Немудрено, что они побеждали всюду, где появлялись. С винтовкой и революционным словом прошли они всю Россию, разбивая контр-революционные банды и устанавливая власть Советов, власть трудящейся бедноты.

Однако я забежал несколько вперед, а потому вернусь к последовательному изложению событий. Отправление матроса против Калуги было последним делом, которое мы имели в Туле. Дела были закончены, и потому мы в тот же день дали распоряжение о дальнейшем движении на юг. Для того, чтобы мы двигались быстрее, я назначил начальника артиллерии подпоручика Хрусцевича, человека весьма расторопного и энергичного, комендантом нашего поезда. На его обязанность ложились все переговоры с железнодорожыми властями и все технические распоряжения о нашем следовании. Согласно данному мной обещанию Муралову, я с каждой крупной станции посылал телеграммы, сообщающие о местонахождении отряда, ему, а также в Петроград Совету Народных Комиссаров. Таким образом мы благополучно миновали ряд важных пунктов и, наконец, проехали Орел. На перегоне Орел—Курск у нас произошел случай, который довольно сильно взволновал нас и в дальнейшем заставил держаться настороже. Во время хода поезда

к нам в штабный вагон ввалились два матроса, волоча за собою какого-то юнца в солдатской шинели. «Это что за личность?» — удивились мы. «Не знаем, товарищи, — ответили матросы: — мы захватили его в одном из наших вагонов. Едет с нами. А кто такой — неизвестно». — «А ну-ка, давайте-ка его сюда». Матросы оставили нам солдата и удалились. В нашем купе в это время находились трое: Ховрин, матрос Михайлин и я. Мы с интересом стали разглядывать захваченного в плен субъекта. Он казался нам весьма и весьма подозрительным. Начать с того, что по лицу и рукам сразу можно было определить в нем интеллигента. Пальто его, хотя и не имело погон, но выглядело слишком хорошо сшитым для рядового солдата. Повидимому, это был юнкер. В таком случае невольно напрашивалась мысль, не со шпионскими ли целями забрался он в наш эшелон. Зорко наблюдая за ним, мы приступили к допросу. Кто он? Куда едет? Как попал в наш поезд? Но увы! ни на один вопрос от него нельзя было добиться ответа. Заплетающимся, как от сильного опьянения, языком он стал нести нам невероятную чушь. Повидимому, все это была ни более ни менее, как симуляция. После долгих безрезультатных попыток мы решили немного попугать его. Вытащив револьверы, мы стали уверять его, что, если он чистосердечно не ответит нам на все наши вопросы, то мы немедленно, здесь же, сейчас же убьем его. При виде револьверов наш пленник стал метаться, плакать какими-то полупьяными, полубезумными слезами, падать перед нами на колена и умолять нас отпустить его. Было отвратительно смотреть на эту дрожащую, извивающуюся фигуру. Но все же своими совершенно нелепыми ответами он явно хотел втереть нам всем очки. Это, наконец, начинало нас раздражать. Больше всех горячился, требуя ответа на вопросы, матрос Михайлин. Тыча своим револьвером в самое лицо солдата, он кричал, что убьет его сию же минуту, если он не перестанет валять дурака. Вдруг и в самом деле раздался выстрел, и солдат свалился на пол. «Ну, уж убивать-то не следовало», — невольно вырвалось у меня. Однако Михайлин сам был смущен. Оказывается, выстрел последовал у него случайно. Мы все бросились к солдату посмотреть, на-

сколько серьезно он ранен. Но оказалось, что пуля по счастливой случайности даже и не задела его. Только левый висок его оказался слегка опаленным. Свалился же он или от страха или опять в целях симуляции. Так или иначе, но после этого выстрела у нас как-то пропала охота продолжать его допрашивать. Закралось даже сомнение: а что как он и в самом деле сумасшедший? Мы решили отложить опрос его до другого раза, а пока под надежным конвоем отправить в лазарет, чтобы наши медицинские силы определили состояние его здоровья. Сказано — сделано.

Через две минуты после того, как пленник покинул наше купе, мы слышим вдруг крики, шум, выстрелы, и поезд останавливается. Мы выскакиваем. Что такое? Уж не нападают ли на наш поезд? Дверь в наше купе распахивается, и взволнованный матрос кричит нам: «Пленник бежал. Наши матросы преследуют его!». Оказывается, дело произошло следующим образом. Когда пленника вели через целый ряд вагонов в лазарет, наш поезд проходил мимо какой-то небольшой станции и, естественно, несколько замедлил ход. Воспользовавшись этим обстоятельством, а также темнотой (была глубокая ночь), солдат на ходу выпрыгнул с площадки поезда и бросился бежать. Матросы-конвоиры также спрыгнули за ним, и началась погоня и стрельба. Можно себе представить, какой переполох произвела эта история на той станции, около которой мы проезжали! Переполох этот усугубился тем обстоятельством, что один из конвоиров, стреляя по беглецу, случайно ранил в бедро проходившего мимо стрелочника. В результате дело повернулось совершенно неожиданным для нас образом. Пленник так и убежал, а местные железнодорожники, не понимая, в чем дело, возмутились и стали грозить нам забастовкой. Некоторые шли даже дальше и заявляли, что пустят наш поезд вместе со всем отрядом под откос. Пришлось выделить группу матросов, которая во главе с Ховриным отправилась к железнодорожникам, рассказала им, как было дело, и выразила сожаление по случаю невольного ранения стрелочника. Этим инцидент был исчерпан, и мы имели возможность двинуться дальше. Однако мы были в достаточной степени обеспокоены и

решили удвоить нашу бдительность. Шпион в нашем поезде — это ведь не шутка!

Приехав в Курск, мы прежде всего бросились на телеграф посмотреть, какие телеграммы передаются, и здесь наткнулись на чрезвычайно важное для нас открытие. Мы узнали, что по Сумской ветке на Белгород движется какой-то отряд, состоящий из нескольких ударных батальонов. Что это за отряд и зачем он двигается, нам было неизвестно, но то, что он снялся с фронта и направляется вглубь России, показалось нам весьма подозрительным. Может-быть, это и был тот самый отряд, который вместе с генералом Корниловым бежал из Быхова. Так или иначе, но нужно было принять какие-то меры. Мы дали этому отряду телеграмму с требованием немедленно сообщить, по чьему распоряжению и куда он двигается, а сами на всех парах направились в Белгород, чтобы поспеть туда раньше этого отряда. Как мы и ожидали, никакого ответа на нашу телеграмму мы не получили. Совершенно ясно, что отряд этот не признавал Советской власти и двигался с враждебными ей намерениями. Мы нажали все педали, чтобы как можно скорее добраться до Белгорода. По существу, наше движение вперед и желание загородить дорогу ударникам было большим с нашей стороны нахальством. Мы не знали ни численности ни вооружения нашего противника. Мы не знали, какие части стоят в Белгороде и как они настроены. Наш же отряд был очень немногочислен. Но уверенность в правоте нашего дела и в том, что местная беднота нас поддержит, была так велика, что мы не задумываясь шли навстречу опасности, избирая для этого самые прямые и кратчайшие пути. Такая уверенность уже сослужила нам службу в прошлом. Почти голыми руками мы захватили великолепный белогвардейский бронепоезд. Может-быть, и теперь военная удача будет сопутствовать нам в наших делах. Однако, надежда на удачу не мешала нам зорко следить за всем нас окружающим и наводить необходимые справки о том, что впереди. Так, мы узнали, что в Белгороде стоит довольно многочисленный гарнизон. В нем расположено около шести тысяч польских легионеров. Это почти в шесть раз превосходило численность нашего отряда. У многих дрогнуло

сердце. Но мы, не задумываясь, продолжали наш путь. Волков бояться — в лес не ходить, и, кроме того, кто не рискует, тот не выигрывает.

Вот наконец и Белгород. Как сейчас ясно представляю себе его. Морозное, пасмурное ноябрьское утро. Матросы, заспанные, вылезают из вагонов и, поеживаясь от холода, строятся на вокзале. Оказывается, ударников здесь пока еще нет, и потому у нас есть время приготовить им достойную встречу. Мы переводим бронепоезд на Сумскую ветку и там же располагаем по обе стороны железнодорожного пути засаду из матросов. Одновременно мы посылаем матроса сообщить местным властям о факте нашего прибытия. Вскоре этот матрос возвращается в сопровождении изящно одетого молодого господина, который рекомендуется нам: «Меранвиль-де-Сент-Клер — председатель местного ревкома». Наружность гостя и его аристократическая фамилия внушают нам мало доверия. Однако, к нашему величайшему удивлению, он оказывается меньшевиком-интернационалистом, по идеологии чрезвычайно близко стоящим к нам. Из его небольшого доклада мы узнаем местную ситуацию. Оказывается, Белгородский Совет признал центральное Советское правительство, постановил взять в свои руки власть в Белгороде и для этой цели выделил революционный комитет, председателем которого и является он, Меранвиль-де-Сент-Клер. Узнав о цели нашего прибытия, Меранвиль обещает нам самую горячую поддержку местного Совета. «А что вы скажете относительно польских легионов?». Меранвиль объясняет нам, что польский легион, расположенный в Белгороде, считается самым левым из всех польских частей, сформированных Пилсудским. Офицерство его в большинстве принадлежит к левой части П. П. С. (партии польских социалистов), к так называемой «Левице», а солдаты на недавно происходивших выборах в Учредительное Собрание в подавляющем большинстве голосовали за большевиков. Эта информация как нельзя больше окрыляет наш дух. «Численность польских легионеров, — продолжает Меранвиль, — действительно достигает шести тысяч, но, как боевая сила, они ничто, так как у них почти совершенно нет оружия».

В связи с сообщением Меранвиля, мы совместно с ним устраиваем небольшое совещание и единогласно приходим к следующему выводу. Пренебрегать таким богатым резервуаром человеческого материала, как польский легион, конечно, не следует, но в то же время было бы ошибкой сразу же выдвигать его в первую линию. Лучше всего сохранить его в качестве нашего резерва. Мы первые вступим в бой с противником и постараемся одолеть его нашими собственными силами. Если же нам станет тяжело, то мы быстро вооружим легионеров винтовками, предназначенными для донецких шахтеров, и двинем их нам на поддержку. Для переговоров с легионерами мы выделили ряд наших товарищей. Им надлежало войти в связь с командным составом легиона и его солдатским комитетом. Было вынесено также пожелание об устройстве общего собрания солдат легиона, где бы мы могли развернуть нашу платформу. Меранвиль любезно согласился сопровождать нашу делегацию и познакомить ее со всеми необходимыми нам лицами. Распрощавшись с Меранвилем и пожелав успеха нашим делегатам, мы принялись за срочную работу по созданию укрепленной позиции под Белгородом. Теперь, когда мы заручились поддержкой местной власти, мы могли действовать более решительно и смело. Вокруг Сумской железнодорожной ветки мы выкопали настоящие окопы, установили пулеметы и создали неприступную позицию. Мы работали с лихорадочной быстротой. Ведь каждую минуту на горизонте могли показаться эшелоны ударников. И как хорошо было бы сразу же захватить их в капкан! На станцию Белгород мы назначили своего коменданта, а штаб отряда перенесли в город, где заняли под него гостиницу «Версаль». Нужно было уведомить о нашем прибытии Харьков. Поэтому мы командировали туда одного из наших матросов-большевиков, которому поручили войти в связь с Харьковской партийной организацией.

Вечером в наш штаб вернулась делегация, посланная нами в польский легион. Миссия их увенчалась полным успехом. Солдаты не только вынесли постановление о полной нашей поддержке, но и решили несколько перетрясти свой командный состав, при чем

часть реакционных начальников была смещена и арестована. Оставшийся на своих местах командный состав легиона во главе с его начальником, полковником Яцкевичем, после такого рода явлений почувствовал к нам большое уважение. На другой день мы имели удовольствие видеть их у себя. Они были очень любезны и со своей стороны обещали нашему отряду полную поддержку.

Вскоре вернулся и товарищ матрос, делегированный нами в Харьков. Он вернулся не один, а в сопровождении члена Харьковской большевистской организации, молодого тов. Перлина, присланного к нам для связи. Из слов Перлина мы узнали общее положение дел в Харькове. Оказывается, Харьковский Совет вынес в свое время постановление о взятии власти, однако в революционный комитет или, иначе говоря, «семерку» избрал в большинстве соглашателей, украинских социал-демократов и эс-эров. Единственно кем держался ревком, это его председателем, вождем местных большевиков тов. Артемом. Пользуясь большим авторитетом, Артем принуждал иногда соглашательское болото ревкома итти революционным путем. По настоянию Артема, для руководства всеми вооруженными силами Харькова была выделена особая военная комиссия или «пятерка», соотношение сил в которой было несколько более благоприятно для большевиков. В военную комиссию входили два большевика, два украинских социал-демократа и один левый эс-эр. О движении ударников в Харькове уже давно знают и надеются отразить их наступление на Харьков, если оно последует. Мы с большим интересом выслушали сообщение тов. Перлина.

Однако, время шло, а неприятель все еще не показывался. По нашим расчетам он давно уже должен был бы быть в Белгороде. Очевидно, он нарочно задержался, так как каким-то образом пронюхал о том, что мы готовим ему «почетную» встречу. Необходимо было послать разведку, которая попыталась бы выяснить, где сейчас неприятель и что он предполагает делать. В эту экспедицию вызвался отправиться начальник нашей артиллерии подпоручик Хрусцевич. Вместе с ним отправилось несколько человек матросов. Они сели на паровоз и от-

правились в ту сторону, откуда мы ждали неприятельских эшелонов.

Мы с особенным удовольствием отправили на разведку т. Хрусцевича, так как трудно было найти в нашем отряде кого-нибудь более пригодного для этого. Человек несколько авантюрного характера и вряд ли серьезный большевик, он тем не менее обладал большой смелостью, находчивостью и энергией, что было незаменимо в таком деле, как разведка. Мы знали, что с пустыми руками он не вернется. И действительно, через какую-нибудь пару часов мы вновь увидели его в Белгороде, веселого и торжествующего. За своим паровозом он тащил на буксире неприятельский паровоз, а, явившись в штаб, он представил нам захваченную им в плен неприятельскую разведку — офицера-ударника и двух солдат. Оказывается, дело произошло следующим образом. На одной из промежуточных станций Хрусцевич заметил паровоз и догадался, что это — разведка отряда ударников. Незаметно подобравшись к этой станции, он стремительно ворвался вместе с матросами в станционное помещение и обезоружил находившегося там офицера и солдат. Офицер, когда его ввели к нам в помещение штаба, был очень мрачен. Это был еще совсем молодой человек, в чине, если не ошибаюсь, поручика. Он наотрез отказался отвечать на все наши расспросы о численности отряда ударников и просил скорее привести над ним в исполнение то, для чего мы привели его сюда. «О чем вы просите?» — удивились мы. «Я же знаю, что вы меня расстреляете», — еще более мрачно ответил офицер. Мы поспешили уверить офицера, что такого порядка, как расстрел военнопленных, в нашем отряде не водится. Однако предчувствие все-таки не обмануло офицера. Через несколько дней, благодаря новым непредвиденным обстоятельствам, он действительно был расстрелян. Впрочем, об этом речь будет впереди. Пока же мы отправили его в белгородскую городскую тюрьму.

Первый успех сильно воодушевил нас. Теперь нам окончательно стало невмоготу просто сидеть на месте и ждать. Да и чего ждать? Противник не отваживался итти против нас, значит он недостаточно силен, так почему бы нам самим не перейти в наступление? Первую

попытку в этом направлении во всяком случае необходимо сделать.

Мы устроили заседание штаба, на котором выработали план следующей операции. Наш бронепоезд должен вплотную подойти к эшелонам противника и обстрелять их артиллерийским и пулеметным огнем. Затем так же быстро он должен вернуться обратно в Белгород. Таким образом мы нагоним достаточно страху на ударников. Кроме того, мы испортим их подвижной состав и лишим их возможности двигаться дальше. Руководителем всей операции мы назначили комиссара отряда прапорщика Павлуновского. На всякий случай мы прицепили к бронепоезду пару теплушек, где поместили небольшой отряд наших матросов. Прощаясь с Павлуновским, мы еще раз предупредили его, что ни в какие переговоры с неприятелем он не вступал, а ограничился бы только обстрелом эшелонов.

С волнением и нетерпением ожидали мы возвращения нашего бронепоезда. Конечно, он великолепно защищен своей мощной броней от ружейного огня неприятеля, а снарядом в него на так-то легко попасть; но вдруг противники умудрятся испортить позади него железнодорожный путь и отрезать его от своей боевой базы? Сердце замирало при мысли об этом. Потерять такой наш козырь, как бронепоезд, было для нас равносильно смерти. Мы, кажется, не выдержали бы такого позора и горя.

Но вот звонит полевой телефон, и с передового поста мне сообщают, что бронепоезд возвращается обратно. Радости нашей нет границ. Мы готовимся поздравлять наших героев с удачным окончанием экспедиции. Но что это? Павлуновский вылезает из бронепоезда чернее тучи. Матросы также чем-то угнетены и озлоблены. Я экстренно созываю штаб, и Павлуновский делает на нем доклад о событиях минувшего дня. Оказывается, началась операция как нельзя более удачно. Появление бронепоезда у ст. Тамаровка, где стояли эшелоны ударников, было для них совершенно неожиданным. Канонир бронепоезда Серебряков первым же выстрелом головного оружия разбил паровоз и дальнейшими меткими выстрелами обратил в щепы несколько вагонов. Ударники стали разбегаться в разные стороны, а часть их, подняв руки кверху, по-

бежала навстречу бронепоезду, крича, что они сдаются. Вместо того, чтобы принять военнопленных и продолжать обстрел поезда или подумать уже об обратном возвращении, Павлуновский, по своей горячности, решил покончить дело с ударниками единым разом и, вопреки данной ему нами инструкции, вступил с ударниками в переговоры о полной сдаче всего ударного отряда. Пока длились эти переговоры, ударники успели сорганизоваться и начали цепями обходить поезд со всех сторон. Часть их показалась даже в тылу с явным намерением испортить железнодорожное полотно. Только тогда, когда над головами наших товарищей засвистели пули, они поняли, что ударники их наглым образом обманули. Вне себя от негодования, матросы бросились в атаку против вдесятеро превосходящего их численностью противника, но, конечно, были с потерями отбиты. В числе прочих товарищей в этой схватке был убит один из активнейших работников нашего штаба, великолепный товарищ, большевик, матрос с корабля «Республика» Михайлин. Остался один только выход: спешно отступать. Отстреливаясь от наступающего на него неприятеля, бронепоезд дал задний ход и благополучно прорвался сквозь охватившие его со всех сторон цепи ударников. Матросы были страшно возмущены тем, что им пришлось потерять ряд прекрасных товарищей. Во многом они винили начальника экспедиции тов. Павлуновского. Один из матросов настолько разгорячился, что там же во время боя с ударниками чуть не убил Павлуновского выстрелом из винтовки. Хорошо еще, что винтовка дала осечку (случай весьма редкий!), а то пришлось бы Павлуновскому, вообще прекрасному и энергичному товарищу, одному из активнейших деятелей Октябрьского переворота, сложить свою голову таким нелепым образом под этой злосчастной Тамаровкой.

Павлуновский был настолько взволнован всем происшедшим, что заявил о своем немедленном отбытии из отряда. Он даже успел вручить мне удостоверение, что передоверяет мне свои обязанности комиссара отряда. Но нам общими усилиями удалось его успокоить и оставить в отряде.

Когда заседание штаба окончилось, ко мне обратилась группа матросов с просьбой разрешить им отправиться

на поиски трупов товарищей, погибших в этом бою. Им казалось очень обидным, что они лежат там не прибранные и не похороненные. Это, конечно, было очень опасное предприятие, так как бой происходил почти у самого неприятельского расположения, но товарищеская спайка у матросов так велика, что они пренебрегали всякого рода опасностью. Я, конечно, дал им такого рода разрешение. Почти полночи эта группа где-то пропадала и вернулась только под утро разочарованная и раздосадованная. Оказывается, они нашли трупы наших товарищей, в том числе товарища Михайлина, но не смогли их доставить, так как наткнулись на неприятельское сторожевое охранение и попали в перестрелку. По словам этих товарищей, трупы матросов оказались страшно изуродованными. Видно, ударники с какой-то дикой жестокостью глумились над нами. Так, у Михайлина полчерепа было снесено шашкой, а внутренность головы оказалась набитой бумагой. Этот рассказ произвел ужасное впечатление на матросов. «Вот как они поступают с нашими товарищами! А мы тут с ними церемонимся! Где пленный офицер?». И я и Ховрин убеждали матросов быть хладнокровнее и ни в коем случае не трогать пленника. Они, не смея возражать, стояли мрачные и насупленные, но потом все-таки самочинно ворвались в городскую тюрьму, вывели пленного офицера и расстреляли его. Говорят, что офицер умер очень мужественно и сам подавал команду расстрела.

Бой у Тамаровки все же нельзя было назвать совершенно неудачным. Основные свои задачи он так или иначе выполнил. Во-первых, он сильно деморализовал противника, а во-вторых—лишил его подвижного состава.

О деморализации противника мы могли судить по тому громадному количеству перебежчиков, которое стало притекать к нам со ст. Тамаровка. Перебежчики охотно рассказывали нам обо всем, что касалось их отряда. Так, из их слов мы узнали, что отряд отправлялся на Новочеркасск для того якобы, чтобы там переобмундироваться и затем отправиться на Кавказский фронт. Конечно, это объяснение, придуманное командирами отряда, было явно вздорным. Мы уже знали в это время, что в Новочеркасске постепенно группируются контр-револю-

ционные силы. Ясно, что и этот отряд шел на соединение с ними.

С перебежчиками, которые добровольно приходили к нам, мы обращались очень хорошо. Накормив их, мы давали им увольнительные билеты и литеры для проезда в их деревни, и они, радостные и возбужденные, спешили уехать к себе на родину, прославляя доброту и великодушие Советской власти. Из врагов они моментально превращались в наших искренних друзей.

Однако ударный отряд все еще представлял для нас опасность. Что он сейчас будет предпринимать? Двигаться по железнодорожному пути он не может. Ему, повидимому, придется продолжать путь пешим порядком. Но куда? Не двинулся бы он на Харьков.

Когда такая мысль пришла мне в голову, я решил отправиться в Харьков и посмотреть, что делается местным Советом в отношении обороны. Оставив своим заместителем подпоручика Хрусцевича, я сел в поезд и скоро уже мчался по направлению к Харькову. Вместе со мною отправился и тов. Перлин. В Харькове я прежде всего отправился к председателю военно-революционного комитета тов. Артему. С тов. Артемом я встретился впервые, и он произвел на меня самое отрадное впечатление. Простой и веселый, как товарищ, но в то же время энергичный и твердый в делах, он являл собою подлинный образец рабочего вождя-революционера. В особенности я оценил его вечером, когда вместе с ним присутствовал на заседании Харьковского военно-революционного комитета («семерки»). Большинство в этом комитете принадлежало оборонцам. С какой ловкостью тов. Артем, являясь председателем этого комитета, проводил те решения, которые ему были необходимы! Главное он был удивительно спокоен и этим спокойствием и внешней уступчивостью совершенно обезоруживал своих оппонентов. Так же легко и быстро, как и другие вопросы, он разрешил вопрос, касающийся меня и моего отряда. Я сделал доклад о движении ударных батальонов на Белгород и о наших схватках с ними. Видя, что мой доклад произвел на военно-революционный комитет некоторое впечатление, тов. Артем предложил кооптировать меня, как представителя отряда, в состав Харьковского опера-

тивного штаба. По существу, это предложение было очень невыгодно оборонцам. Ведь в оперативном штабе или «пятерке», которой подчинялись все вооруженные силы Харькова, до сих пор наблюдалось некоторое равновесие сил (2 большевика, 2 украинских социал-демократа и 1 левый эс-эр), теперь же, с введением меня в состав этого штаба, большевики получали явное преобладание. И тем не менее военно-революционный комитет принял предложение тов. Артема. Таким образом харьковская «пятерка» превратилась в «шестерку».

На другой день я попытался созвать оперативный штаб, чтобы обсудить вопрос об обороне Харькова, но наткнулся на такую безалаберщину и расхлябанность, что трудно себе представить. В особенности возмутил меня член штаба левый эс-эр, какой-то прапорщик. Привыкший к тому, что его голос давал перевес той или иной стороне, а следовательно решение вопросов зависело исключительно от него, он возомнил о себе бог знает что и с видом Юпитера расхаживал по комнатам, вещая свои «мудрые» словеса. Ни о численности харьковского гарнизона ни о его вооружении он ничего не знал, но считал, что все обстоит благополучно и волноваться ни о чем не следует. Меньшевиков же членов штаба я вообще никак не мог доискаться.

В то время, как я бился с руководителями харьковских войск, ко мне из Белгорода прибыл матрос и сообщил, что ударники двинулись в противоположную сторону на Обоянь и наш отряд думает их преследовать.

Ясно, что мне нужно было возвращаться к отряду. Распрощавшись с т. Артемом и рассказав ему о том беспорядке, который я нашел в оперативном штабе, я в тот же день выехал из Харькова.

В Белгороде я застал значительно изменившуюся картину. Во-первых, с юга на помощь нам прибыл довольно значительный отряд черноморских матросов. Начальником этого отряда являлся подпоручик Толстов, а комиссаром матрос Степанов. Во-вторых, все в Белгороде пришло в движение, приготовляясь к походу вдогонку за неприятелем.

Тотчас же вслед за моим прибытием было устроено заседание штаба, на котором был обсужден ряд практиче-

ских вопросов. Приблизительное местонахождение неприятельских отрядов нам было известно. Они двигались на Обоянь, предполагая, повидимому, где-нибудь около Курска перейти железнодорожную линию Харьков — Москва и, обойдя нас с севера, продолжать дальше пешим порядком свой путь на Купянск—Новочеркасск. В нашу задачу таким образом входило не допустить их перехода через железнодорожную линию, что было вполне в нашей власти, так как в нашем распоряжении находился мощный бронепоезд и путиловские бронированные площадки.

Мы решили переместить бронепоезд на ст. Сажное, ближайший пункт от местонахождения ударников, и оттуда начать свое на них наступление. Для наступления сформировать сводный отряд из нашего отряда и черноморцев. Обıцее командование этим отрядом поручить Павлуновскому. Остальные же наши силы держать в резерве.

Мне, как начальнику штаба, тоже предстояло остаться в резерве, но это показалось мне скучным, и я, с согласия Павлуновского, отправился вместе с ним и его отрядом.

Как сейчас помню раннее зимнее утро, когда мы высадились на маленькой захолустной станции Сажное. Яркое солнце, настроение у всех великолепное. Увы! мы и не подозревали тогда, что этот день так печально для нас кончится. Матросы строятся и походным порядком направляются по плохо утрамбованной дороге между кустарников и перелесков. Вскинув на плечо свою маленькую японскую винтовку, двигаюсь вместе с ними. Павлуновский откуда-то раздобыл лошадь и мчится вдоль нашей колонны, отдавая распоряжения. До противника еще далеко, и потому можно итти спокойно, однако мы все же высылаем вперед сторожевое охранение и движемся по всем правилам военного искусства. С нами вместе на поезде приехал наш бронированный автомобиль. Но, выгрузившись и проехав шагов пятьдесят, он плотно увязает в снегу, и мы решаем его оставить.

Начало похода как будто сулит нам удачу. Мы наталкиваемся на неприятельскую разведку и неожиданным ударом захватываем ее в плен. Это обеспечивает

нам то, что наше приближение к неприятелю не станет ему так скоро известным. От разведки получаем еще раз подтверждение того, что ударники в настоящее время занимают деревню Крапивную. Захват разведки окрыляет нас новыми надеждами. Хорошо было бы сегодня же покончить все это дело с ударниками. Сколько уже времени мы с ними возимся! А ведь нам нужно спешить на юг. Повидимому, такие же настроения разделял и тов. Павлуновский. Вот, наконец, и последняя деревня. За ней открывается широкое поле, а там вдали находится и деревня Крапивная, где находятся ударники. Что нам делать? Павлуновский отдает распоряжение немедленно двигаться через поле на Крапивную и взять ее лобовым ударом. Это распоряжение было правильно в том отношении, что нужно было ковать железо, пока еще противник не успел узнать о нашем наступлении. Мы могли захватить его врасплох. Но, с другой стороны, мы совершенно не знали местности и у нас под рукой не было никаких карт. Вот это-то незнание местности нас и погубило. Атака по открытой местности вообще представляет собою большую опасность для наступающего, но она может оказаться совершенно роковой, если по пути следования наступающий наткнется на какую-либо неожиданность. А вот такая-то именно неожиданность и подстерегала нас впереди. На поляне, совсем неподалеку от деревни Крапивное, оказался огромный и трудно-проходимый овраг. И получилось то, что, когда матросы с большим трудом и под убийственным огнем неприятеля почти преодолели поляну, они убедились, что дальнейшее продвижение, если оно вообще и возможно, сулит им еще бо́льшие неприятности, чем те, которые они только-что преодолели. Только наступившая быстро вечерняя темнота несколько спасла положение. Под ее прикрытием матросы спешно отступили назад, оставив на поле сражения довольно большое количество убитых и раненых. Впрочем, раненые были в ту же ночь подобраны нашими санитарными отрядами.

Ударники не рискнули нас преследовать, и мы, переночевав кое-как в крестьянских избах, разрозненными группами вернулись на утро другого дня обратно к себе на станцию Сажное. В дороге ходили всякие тяжелые

слухи. Одни говорили, что убит Павлуновский, другие — что матрос Степанов. Поэтому я искренно обрадовался, когда увидел их обоих на станции Сажное здоровыми и невредимыми. Они тоже радостно приветствовали меня, так как до них дошел слух, будто бы убит я. Какой опасности подвергался я в этот день, я узнал только позднее. Оказывается, одна из неприятельских пуль попала в меня, но ударилась в пулеметную ленту, которой я был опоясан. Удар был настолько силен, что медная пороховая часть патрона, куда попала неприятельская пуля, вогнулась внутрь. У меня до сих пор сохранился этот патрон, так чудесно спасший меня от тяжелого ранения.

Неудача у дер. Крапивной заставила нас переменить тактику нашего дальнейшего наступления на ударников. У прибывших с юга черноморцев оказалось несколько пушек, и мы решили в первую очередь использовать их совместно с нашей артиллерией при дальнейшем нашем наступлении. Это было гораздо целесообразнее, чем тратить столь дорогую нам живую силу. Перекомплектовав наш отряд и вызвав из Белгорода подкрепление из матросов и польских легионеров, мы возобновили наше преследование ударников. Я опять отправился вместе с отрядом, приняв на себя командование матросскими цепями. Теперь картина была уже совершенно иная. Подходя к деревне, занятой ударниками, мы прежде всего открывали по ней артиллерийский огонь и, только когда противник был уже в достаточной степени деморализован, шли на него цепями. Обыкновенно противник не выдерживал нашего натиска и спешно отступал, очищая деревню до того, как мы в ней появлялись.

Все деревни, которые мы занимали, оказывались обклеенными огромными эс-эровскими плакатами с надписью «Земля и Воля» и т. п. Мы вначале думали, что это дело рук ударников, но крестьяне сообщили нам, что эти плакаты висят уже около двух недель и были приурочены к выборам в Учредительное Собрание. «А за кого вы голосовали?» — интересовались мы. «Да за эсэров». — «Что же за большевиков не голосовали? разве вы не видите, что только они действительно стоят за народное дело?». Крестьяне почесывали в затылках и медленно, с расстановкой говорили: «Да мы и сами теперь видим,

что ошиблись. А раньше не знали. Все за эс-эров голосовали. Уж больно они лозу́нги (с ударением на у) хорошие выставили». Так проходили в деревнях выборы в Учредительное Собрание.

О спешности отступления противника свидетельствовали многие предметы, которые мы находили после них в занимаемых деревнях. Так, в одной деревне мы наткнулись на остатки незаконченного ими обеда, в другой — на целую кучу духовых инструментов. Это еще больше воодушевляло нас на дальнейшее наступление. Мы буквально не давали противнику ни отдыха ни срока. Такое преследование очень интересно, но и очень утомительно. И одним из первых, не выдержавших этого испытания, был я. Дело в том, что в войну с Германией я был очень тяжело контужен в голову, спину и ноги. Теперь, после ряда боев, от переутомления у меня сделался частичный паралич левой ноги. Приходилось думать об эвакуации.

Как раз в тот момент, когда моя непригодность к дальнейшим операциям выяснилась с достаточной очевидностью, у нас в штабе произошел следующий инцидент. В избу, которую мы занимали, ввалилась группа матросов, таща за собою несколько человек военнопленных. Среди этих военнопленных выделялся молодой человек, явно интеллигентского вида. «Вы не офицер ли?» — спросил у него Павлуновский. «Никак нет. Я солдат», — отвечал молодой человек. «Как солдат? — воскликнул неожиданно один из случайно находившихся здесь же перебежчиков. — Да ведь это же наш офицер — прапорщик Снарский». Трудно представить себе, как изменилось вдруг сразу лицо молодого человека. Шатающейся походкой подошел он к столу, за которым мы сидели, разорвал на себе тужурку, достал пачку каких-то рукописей и упавшим голосом сказал: «Ну, ладно уж, расстреливайте меня. Вот мои стихи»,—и он бросил на стол пачку своих рукописей. Это как-то невольно тронуло нас всех. Мы наперерыв стали уверять его, что никакой охоты расстреливать его у нас нет и мы лишь оставим его у себя в качестве военнопленного. Он с сомнением смотрел на нас и, только когда я заявил, что как раз я сам сейчас эвакуируюсь в тыл и охотно возьму его с собой, он в порыве благодарности, чуть не плача, стал трясти мою руку.

Я сам не предполагал тогда, насколько основательны были опасения пленного офицера за свою жизнь. Мы на передовой линии почти никого не расстреливали и, взяв ту или иную часть в плен, добросовестно отправляли ее в тыл. Но то, что творилось в тылу, к сожалению, не было нам известно. Правда, и здесь никакой сознательной жестокости не было. Все начальствующие лица были вполне на высоте своего положения и стремились всеми силами избежать ненужных эксцессов. Но что́ они могли поделать с озлобленной — и справедливо озлобленной — солдатской массой? Я сам на обратном пути был свидетелем такой картины. С фронта под конвоем движется несколько человек военнопленных. Навстречу им идет какая-то небольшая часть красных войск. При виде военнопленных глаза их загораются ненавистью и злобой. Их раздражает особенно то, что такие же крестьяне, как и они, не понимая, в чем дело, идут против своих с оружием в руках. Наиболее экспансивные не выдерживают и выбегают из рядов, направляясь к пленным. «Товарищи! — кричат они: — как вам не стыдно! Товарищи! Против своих идете! Как вам не стыдно!»[1], — и руки невольно тянутся к винтовкам. И моему офицеру плохо бы пришлось, если бы не я. Для того, чтобы избежать ненужных разговоров, я всем встречающимся воинским отрядам и постам говорил, что товарищ, едущий со мной, тоже красный. Но в одном месте постовой солдат почему-то отнесся к нему с недоверием. Пристально глядя ему в лицо, он каким-то странным и марчным тоном воскликнул: «А ты, товарищ, мне что-то подозрителен... Да уж не юнкер ли ты?!» — вдруг рявкнул он и быстрым движением сбросил со своего плеча винтовку. Большого усилия стоило мне убедить его убрать свою винтовку и оставить нас в покое. Опасаясь за судьбу моего спутника, я ни на шаг не отпускал его от себя и даже, когда прибыл в белгородский госпиталь, взял его и туда с собою.

Мое появление в белгородском госпитале произвело там большой переполох. Две сестрицы подхватили меня

---

[1] Доподлинная фраза, которую я собственными ушами слышал. *А. И.-Ж.*

под руки, накинули мне на плечи какой-то платок и быстро втолкнули в какую-то небольшую пустую палату. «Вы с ума сошли! — наперерыв зашептали они мне: — скорее снимите погоны. Здесь матросы». Повидимому, они приняли меня за белогвардейского офицера. Каково же было их разочарование, когда я в ответ на их слова громко расхохотался и сказал, что матросы—мои лучшие друзья, а офицерские погоны нисколько не помешали мне наголову разбить полки белогвардейских ударников! Они оставили меня в этой палате и рядом со мною положили моего военнопленного прапорщика Снарского.

Скоро состоялась врачебная комиссия, которая признала мое положение серьезным и прописала мне курс лечения, рассчитанный на четыре месяца. Однако оставаться столько времени в Белгороде у меня не было ни малейшей охоты. Поскольку я не мог больше воевать, мое место было в Петрограде, где начиналась правительственная работа нашей партии. И с ближайшим поездом я, в сопровождении того же Снарского, который превратился в настоящую мою сиделку, отправился в Петроград.

В заключение несколько слов о судьбе этого Снарского. Всю дорогу до Петрограда он заботливо ухаживал за мной и в знак своего расположения написал и посвятил мне два своих стихотворения, очень наивных по содержанию и слабых технически. В Петрограде же я отпустил его на все четыре стороны. Хорошо ли я поступил? Не знаю. Но я писал уже, что все мы в то время страдали избытком прекраснодушия. И пусть нас в этом судит история.

СОДЕРЖАНИЕ.